

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

БИБЛИОТЕКА
РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
КАРЕЛИИ

Под общим редакцией
А. АСТАХОВОЙ и В. БАЗАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1948

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

СЕКТОР ФОЛЬКЛОРА ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

БЫЛИНЫ ИВАНА ГЕРАСИМОВИЧА РЯБИНИНА-АДРЕЕВА

Подготовка текстов и примечания А. М. АСТАХОВОЙ

*Статья А. АСТАХОВОЙ
и В. Н. ВСЕВОЛОДСКОГО-ГЕРНГРОССА*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1948

Отв. редактор *А. М. Астахова*
Обложка, контртитул и титул рабо-
ты художника *М. И. Разуловича*

Подписано к печати 8 марта 1948 г.
 $91/4$ печ. листов 8,5 уч.-издат. листг.
Тираж 7000. Госиздат К-ФССР № 33.
Зак. № 676. Формат бум. $82 \times 108^{1/32}$.
Е—04867 Цена 5 руб.

Сортавальская книжная типография
Управления полиграф. промышлен-
ности и издательств при Совете
Министров К-ФССР, г. Сортавала,
Карельская ул., дом № 32.

Иван Герасимович Рябинин-Андреев

Портрет воспроизведен с портрета, писанного пастелью,
принадлежащего собранию В. Н. Всеволодского-Гернгросса.

ОТ РЕДАКТОРА

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, былинам которого посвящен настоящий сборник, — третий представитель, по прямой писходящей линии, прославленного рода заонежских сказителей Рябининых.

Былины он перенял непосредственно от своего отчима, известного певца былин 1890—1900-х гг. Ивана Трофимовича Рябинина; былинное знание последнего, в свою очередь, восходит к сказительскому искусству отца Ивана Трофимовича, впаменимого Трофима Григорьевича Рябинина, крупнейшего мастера былины 1860—1880-х гг. Непосредственная преемственность эпической традиции не прерывается и с Иваном Герасимовичем: свое знание, свое мастерство он передает одному из сыновей, современному нам сказителю-орденоносцу Петру Ивановичу Рябинину-Андрееву.

Эта непрерывная преемственность былинной традиции в четырех поколениях одной семьи не только прослежена собирателями, но и зафиксирована ими в записях как текстов, так и напевов от всех четырех сказителей — факт исключительного значения в мировой фольклористике, поскольку им открывается возможность постановки и освещения важнейших вопросов, связанных с исследованием былинного эпоса. Этим определяется и большое значение настоящей публикации былин Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева.

Тексты деда Ивана Герасимовича — Трофима Рябинина — стали известны научному миру и обществу еще в 1860—1870-х гг. прошлого столетия. Его репертуар был дважды обследован двумя выдающимися собирателями-филологами — П. Н. Рыбниковым и

А. Ф. Гильфердингом. От обоих в совокупности мы имеем 44 записи, в которых представлены 28 былинных сюжетов. Из них — 14 имеются в записях обоих собирателей, деятельность которых разделена одна от другой промежутком в 10 лет; две былины известны не только в двух вариантах — 60-х и 70-х гг., но еще и в повторных записях, сделанных Гильфердингом в иной обстановке, спустя 5 месяцев после первых его записей (см. «Онежские былины», т. II, изд. 3, М.-Л., 1938, приложение, стр. 657). Тогда же, в 70-х гг. были записаны и два напева Т. Г. Рябинина, один из них — знаменитым композитором М. П. Мусоргским. Таким образом, для изучения былинного творчества старшего Рябинина мы имеем большой материал, хотя возможно, что он все же и не исчерпал всего былинного знания Т. Г. Рябинина.

Значительно хуже обстоит дело с наследием второго Рябинина. Как сказитель он был даже более известен за пределами Заонежья, чем его отец, благодаря неоднократным его выступлениям в обеих столицах и других городах России и, особенно, благодаря его путешествию за границу — в южнославянские страны и Австро-Венгрию. Однако из всего обширного, но свидетельству Евг. Ляцкого, репертуара его¹ до нас дошли в записях только лишь шесть текстов былин и исторических песен и один текст духовного стиха. Опубликованы также четыре музыкальных текста, представляющие образцы двух былинных напевов, и один напев духовного стиха — частью уже в фонографических записях Ю. И. Блока и в расшифровках А. С. Аренского.

Материал этот явно недостаточен для решения всех вопросов, которые встают при изучении двух преемственно связанных друг с другом сказителей. Однако он все же позволяет с достаточной отчетливостью представить общие черты второго Рябинина как носителя эпического художественного наследия.

Четвертое вено в рябининской традиции — былины Петра Ивановича Рябинина-Андреева — благодаря работе современных собирателей открыто научному исследованию во всем его объеме. В 1940 г. Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР опубликовал все былины Петра Ивановича в их последних редакциях.² В том же сборнике помещены и новые эпические произведения Рябинина-Андреева, которые свидетельствуют о живой связи нового творчества наших сказителей с традиционным былин-

1 См. Евг. Ляцкий, «Сказитель Иван Григорьевич Рябинин и его былины», М., 1895 (извлечение из журнала «Этнографическое обозрение», вып. 4, кн. XXIII, 1894), стр. 30—31.

2 Былины П. И. Рябинина-Андреева. Подготовка текстов к печати, статья и примечания В. Базанова. Под редакцией А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1940.

ным эпосом. От П. И. Рябинина-Андреева записаны также сказки и песни; они хранятся в архиве фольклорной секции Института истории, языка и литературы Карело-Финской базы Академии наук СССР. Произведено большое количество фонозаписей, часть которых будет опубликована в подготовленном сектором фольклора Института литературы Академии наук СССР томе II «Былин Севера», вместе с более ранними записями былинных текстов Петра Рябинина.

Былины П. И. Рябинина-Андреева, восходящие в своих редакциях к текстам знаменитого прадеда, дают большой новый материал для характеристики рябининской традиции в целом и индивидуальных особенностей ее представителей.

Отсутствие третьего виена, связывающего двух старших Рябининых с современными их преемниками, затрудняло исследование одной из самых замечательных традиций в былинном сказительстве. Пробел этот в известной степени заполняется сейчас изданием настоящего сборника, включающего 9 былин Ивана Герасимовича, 4 небольших фрагментов — расшифровки фонографических записей былинных отрывков — и 6 музыкальных текстов, дающих образцы трех былинных напевов сказителя.

Больше восьми лет, непосредственно перед империалистической войной 1914—1917 гг., работал Иван Герасимович под Петербургом на Колпинском заводе. А между тем, никто в Петербурге не знал о нем, никто не интересовался потомком и преемником известного сказителя 1900-х гг., хотя имя Ивана Герасимовича еще в 1894 г. было упомянуто в литературе как очевидного, бесспорного продолжателя знаменитой традиции.¹

Вспомнили о нем уже в советское время. В 1921 г., по инициативе известного театроведа и сотрудника Института живого слова В. Н. Всеволодского-Гернгросса, Иван Герасимович был вызван в Петроград, где было устроено несколько его выступлений. Сам В. Н. Всеволодский-Гернгросс провел со сказителем много часов, прослушивая и записывая от него былины. Тогда же целый ряд былинных отрывков был записан на фонограф С. И. Бернштейном. Эти фонографические записи впоследствии были переданы в фонотеку Института истории искусств, а затем вместе с другими музыкальными собраниями перешли в Фонограммархив Фольклорной комиссии при Институте этнографии Академии наук СССР — ныне сектора фольклора народов СССР Института литературы Академии наук, где они полностью и сохранены. Менее посчастливилось текстовым записям. По несчастной случайности из них сохранились в руках собирателя лишь семь былин, записанных полностью, и две

¹ См. Е. Г. Ляцкий. «Сказитель И. Т. Рябинин и его былины». М., 1895 стр. 9, а также вступительную статью в настоящем сборнике, стр. 24.

былины, в которых нехватает отдельных частей. Материал этот передан был в 1931 г. собирателем в Рукописное хранилище названной Фольклорной комиссии Академии наук СССР.

В 1926 г., когда явилась возможность организации специальных фольклорных экспедиций, отряд словесной группы искусствоведческой комплексной экспедиции Государственного института истории искусств, в лице С. И. Бернштейна и Т. И. Поповой, приехал в деревню Гарница Заонежского района, где, как было известно, проживал последние годы Иван Герасимович. Но сказителя уже не оказалось в живых. Он умер в ночь на 27 февраля того же года. Тогда-то, в 1926 г., и был обнаружен впервые ленинградскими фольклористами молодой преемник его мастерства, его сын — Петр Иванович Рябинин-Андреев.

Таким образом, мы опубликовываем в сборнике только некоторую часть репертуара Ивана Герасимовича. Среди этих былин лишь одна имеет варианты у трех остальных Рябининых. Одна былина разрабатывает сюжет, зафиксированный в записях от Трофима Рябинина и от самого младшего — Петра Ивановича. Другие повторяют сюжеты, записанные только от Трофима Григорьевича. Это, конечно, в известной мере затрудняет сравнительное изучение былинного наследия семьи Рябининых, так как мы не владеем всей полнотой материала. Однако публикуемые записи дают все же очень значительный для сопоставлений материал и проливают свет на многие вопросы, связанные с проблемой былинного сказительства. Также большое значение в деле исследования былинных напевов несомненно будут иметь публикуемые нами в сборнике музыкальные тексты.

Записывая тексты, В. Н. Всеволодский-Геригросс обратил особое внимание на взаимную связь стиха и напева и отметил при каждом стихе, на какую часть напева он был исполнен; это позволило нам часть словесных текстов дать в их строфической форме, определяемой при исполнении особым применением напева. До сих пор образцы такого строфического построения прионежских былин были даны только в называвшейся работе Евг. Ляцкого «Сказитель И. Т. Рябинин и его былины».

В дополнение к записям В. Н. Всеволодского-Геригrossа мы даем в приложении, также в строфической форме, несколько текстовых фрагментов из числа записанных на фонограф С. И. Бернштейном. Расшифровки произведений составителем данного сборника.

В музыкальных образцах представлены все три записанных от Ивана Герасимовича напева. Один из них, на который сказитель

исполнял большинство былин, знаменитый рябининский напев, известный в записях и от всех остальных Рябининых, представляемыми в четырех вариантах, дающих понятие о степени и характере вариативности данного напева. Все помещенные в сборник расшифровки фонограмм напевов произведены композитором Ф. А. Рубцовым и проредактированы Е. В. Гиппчусом.

Портреты сказителя воспроизведены с оригиналов — портрета, писанного пастелью, и фотоснимка, которые также принадлежат собранию В. Н. Всеволодского-Гернгросса, находящемуся в Рукописном хранилище сектора фольклора Института литературы Академии наук СССР (коллекция XI).

ИВАН ГЕРАСИМОВИЧ РЯБИНИН-АНДРЕЕВ И ПРИОНЕЖСКАЯ БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ

I

Прионежскому краю в изучении русского эпоса принадлежит совершенно исключительное место. Отсюда еще в 60—70-х гг. прошлого столетия вышли крупнейшие былинные собрания, которые не только превзошли по количеству записей более ранние — Кирши Данилова и П. В. Киреевского, — но и впервые, вместе с самими текстами, дали большой материал наблюдений над жизнью былины и над ее посителями. Это тем более было важно, что собиратели встали здесь эпическое творчество в достаточно цветущем состоянии и могли наблюдать живые процессы полнокровной фольклорной жизни.

Пример И. И. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, показавших, какими богатствами в области русской эпической поэзии располагает край, увлек и целый ряд других собирателей. Местные учителя и другие работники края, а также приезжающие из центра этнографы производили здесь то эпизодические, то более планомерные записи, вплоть до новых больших экспедиционных работ уже в советское время.¹

В результате почти половина всех имеющихся записей былин из числа как опубликованных, так и хранящихся в архивах, относится именно к Прионежскому краю и прилегающим к нему

¹ См. перечисление этих экспедиционных работ в книге А. М. Астахова «Былины Севера», т. I, М.-Л., 1938, стр. 1—8 и 9—10. Там же указаны и литература.

районам. Более половины всех былинных сюжетов, зарегистрированных в северной эпической традиции, принадлежит записям из Прионежья. Многие из этих записей отличаются замечательными художественными качествами и представляют, повидимому, старейшие редакции сюжетов.

Из всего Прионежья еще во времена Рыбникова и Гильфердинга особенно выделились Кизи, небольшая волость, расположенная к югу от Шуньгского полуострова и недалеко от Петрозаводска. П. Н. Рыбников в своей «Заметке собирателя» подчеркивает широкое распространение былинного виения именно в Кизах. Он говорит, что сказитель Рябинин, чрезвычайно популярный в соседних волостях, у себя дома, т. е. в Кизах, не встретил такого внимания, «потому что в Кизской волости Заонежья почти каждый смысленный старик знает или, по крайней мере, по содержанию помнит одну-две старины».¹

Гильфердинг записал от 15 кижских сказителей 97 текстов — лишь немного менее трети всего своего собрания. В Кизах, всего в нескол ких небольших деревнях, записано в XIX—XX вв. 56 сюжетов — количество, которое было превыше лише Зимней Золотицей на Белом море.²

Когда в 20—30-е гг. нашего века в Прионежский край были снова направлены фольклорные экспедиции, в Кизах былинная традиция оказалась еще достаточно интенсивной. Здесь встретилось довольно много сказителей, значительно больше, чем на соседнем Шуньгском полуострове, среди них — несколько сказителей-мастеров, хороших исполнителей с большим репертуаром: Настасья Степановна Богданова (10 былин), Антон Борисович Суриков (14 былин), Петр Иванович Рябинин-Андреев (10 былин); записано довольно большое количество текстов, многие из которых определенно восходят к записям 60—70-х гг. В настоящее время в пределах Карело-Финской ССР бывш. Кижская волость вместе с восточной частью Прионежья — Пудожем — должны считаться наиболее значительными былинными гнездами с живой эпической традицией, в которой не прекращаются творческие процессы. Достаточно указать на то, что в Кизах, как и в Пудожье, не только сохраняется и бытует старая былина, но носителями ее создается новый, советский эпос, выросший на ее основе.

1 Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд., т. I, М., 1909, стр. LXXVIII.

2 Это исключительное богатство сюжетов в Зимней Золотице обусловлено тем, что здесь в большей степени, чем в Прионежье, наблюдался поэтический процесс — оформление в былины сказок, песен и повестей. Традиционных же сюжетов в Кизах записано больше.

Кижи — родина сказителей Рябининых. Здесь, сперва в деревне Гарница, потом в Серёдке протекла долгая жизнь старшего из них — Трофима Григорьевича. Крестьянистровал всю жизнь в Гарницах Иван Трофимович; он всегда горячо рвался обратно в родной угол, когда несколько затягивалось его пребывание в Петербурге и других местах, куда его вызывали для выступлений. Сюда же в Гарницах возвращается после ряда лет, проведенных им на Колпинском заводе и затем на военной службе во время войны 1914—1918 гг., Иван Герасимович Рябинин-Андреев, воспринявший от своего отчима Ивана Трофимовича искусство былинного сказительства. Жил до 1941 г. в тех же родных Гарницах в доме своего деда современный нам потомок славного рода — Петр Иванович Рябинин-Андреев. В его семье бережно хранятся семейные реликвии — вещи, связанные с поездками Ивана Трофимовича, с его выступлениями в Петербурге, Москве и за границей (паспорт, грамоты, подарки и пр.), а также некоторые принадлежавшие ему предметы домашнего обихода.

С Прионежьем крепко связано эпическое внимание и искусство Рябининых. Главными учителями Трофима Рябинина были крупнейшие местные мастера былины первой половины XIX в. — Илья Елустафьев, крестьянин-бедняк с Ролкоострова (недалеко от Киз), и дядя Трофима Григорьевича — Игнатий Иванович Андреев Гарниц. Несколько былин перенял он и от других кижских сказителей. Былины Рябининых принадлежат всецело прионежской эпической традиции, являясь одним из наиболее ярких выражений ее особенностей.

II

Высокое мастерство Трофима Рябинина, выделявшее его среди других сказителей Прионежья, было отмечено обоими собирателями, с ним работавшими. Рыбников рассказывает, как не раз во время записи он бросал перо, жадно вслушиваясь в повествование. «И где Рябинин научился такой мастерской дикции,— восклицает собиратель,— каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое значение!» «Удивительное умение сказывать придавало особенное значение каждому стиху».¹

Таким же артистом-исполнителем был и его сын Иван Трофимович. Евг. Ляцкий вспоминает о том большом впечатлении, которое этот сказитель неизменно производил своим исполнением былин. «Его задушевный, несколько сдавленный, но мягкий и высокий тенорок раздавался в зале, сразу очаровывая слушателей

1 Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, 2-е изд. т. I, стр. LXXVI.

Иван Герасимович Рябинин-Андреев

Портрет воспроизведен с фотоснимка, принадлежащего собранию В. Н. Всеволодского-Гернресса.

оригинальностью и красотой напева». ¹ И. Т. Рябинин все былины исполнял на один напев, исключая былину о Вольге и Микуле, которая пелась на особый мотив. Но «благодаря разнообразию темпа и множеству оттенков, часто неуловимых, то неподдельной, искренней иронии, как в былине о Вольге и Микуле, то величавого спокойствия, которое так отличает истинного эпического повествователя», сказитель сообщал каждой исполняемой им былине свой особый отпечаток, «свою физиognомию». ² «Эти оттенки в высшей степени разнообразят монотонность напева и вместе с тем увлекают слушателя за нитью рассказа», — говорит собиратель. «Сказывалось по интонации, что певец чутко отзывался на каждое слово песни и невольно придавал каждому слову особый, лучше сказать — музыкальный смысл». ³

Но не только исполнение былин старшими Рябининами было прекрасно. Сами тексты, от них записанные, несут печать большого творческого дарования.

В репертуаре Трофима Рябинина мы видим как выдающиеся сюжеты героического цикла, так и несколько из наиболее значительных новеллистических былин. Собиратели не оставили нам указаний о том, какие былины предпочитал сам сказитель. Но и характер разработки былин того и другого типа и самый состав материала говорят о несомненно большем тяготении старшего Рябинина к героическим мотивам нашего эпоса. За исключением великолепных обработок сюжетов о Дюке, о Добрыне и Алеше и о Хотене, остальные былины новеллистического жанра у него значительно менее отделаны, а некоторые, как «Садко», «Василий Буслаев», «Потык», «Сорок калик», записаны от него лишь в отрывках или в сильно сокращенных вариантах. Отдельные записи этих былин собиратели сопровождают примечаниями о том, что конец или пропущенный эпизод сказитель не мог сообщить, не помнит («Садко», «Василий Буслаев», «Сорок калик» — у Рыбникова, «Сорок калик» — у Гильфердинга). Что данные былины им мало или даже, быть может, и вовсе не исполнялись как раз в годы его вредного мастерства, подтверждает и то обстоятельство, что они не сохранились в репертуаре его сына. Об этом свидетельствует список былин Ивана Трофимовича, составленный Евг. Ляцким. ⁴ Зато лучшие былины героического цикла — «Илья и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Калин-царь», «Добрыня и Змей», а также примыкающая к татарскому циклу былина «Королевичи из Крякова»,

1 Евг. Ляцкий. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины. М., 1895, стр. 13.

2 Там же, стр. 26.

3 Там же.

4 Там же. стр. 30—31.

былина неуклонного типа «Дунай», в которой элементы военной героики очень сильны, знаменитая былина «Вольга и Микула», воспевающая героику труда,—прошли через все поколения сказителей Рябининых и до сих пор исполняются современным представителем рябининской традиции.

Героические мотивы в былинах Т. Г. Рябинина всегда особо акцентируются. Его редакция былины «Королевичи из Крякова», например, резко выделяется среди всех других вариантов на этот сюжет. Идея защиты родины, блестящее развернутая батальная картина — изображение поединка — вводят ее в основной героический цикл. Характерно также, что лучшие новеллы Рябининых принадлежат киевскому циклу, даже «Хотена» Трофим Рябинин вводит в этот цикл, относя начальный эпизод былины к пиру у князя Владимира: следовательно, действие в этих новеллах связано с теми же, привычными по героическим былинам, богатырскими образами. Кроме того, в этих былинах новеллистического типа тоже заметно выдвинут героический элемент. Хотен, например, падает типичными для богатыря-воина чертами («Он одной ручкой паличку подхватывает,— не велика его паличка булатная, весу она и девяносто пуд» и т. п.); преодоление Дюком застав, состязание конями — мотивы, родственные героическому эпосу.

В этом отношении необходимо также отметить контаминацию новеллистического сюжета о неудачной женитьбе Алеши Иоповича с рассказом о подвигах Добрыни, участвующего в посольстве к королю Ботияну и вместе со своими товарищами освобождающего Киев от «даней-выплат» («Добрыня и Басилий Казимиров», Гильфердинг, № 80).

В том же плане интересно и наличие в репертуаре Т. Г. Рябинина редкой исторической песни о Скопине (не сюжет об отравлении Скопина, а песня об освобождении Москвы от Ляты, Гильфердинг, № 88). В этой песне действие развернуто совершенно в духе героической былины на сюжет нападения на русский город вражеских полчищ.

С другой стороны, обращают на себя внимание две былины-баллады, записанные от Трофима Рябинина,—«Молодец и худая жена» и «Горе». Обе совершенно не связаны с героическим циклом и очень богаты чисто реалистическими, бытовыми деталями. Первая из них тоже прочно удержалась в репертуаре всех четырех Рябининых. Реалистические тенденции сильны и в других былинах Трофима Григорьевича. В этом отношении интересен вариант «Потыка» в варианте Рыбникова (№ 12). Былина не принадлежала у сказителей к числу любимых им сюжетов. Собиратели оставили нам три варианта ее, представляющие: 1) отрывок — начало (Рыб-

ников, № 11); 2) краткий вариант первой части былины (женитьба Потыка), данной как заключенный сюжет (Гильфердинг, № 82, всего 57 стихов); 3) тоже краткий вариант (187 стихов), но всей былины, хотя и с пропуском истории захоронения Марыи Лебедь белой и Потыка (Рыбников, № 12). При этом указанный пропуск в последнем варианте был замечен самим сказителем и после того, как он пропел собирателю старину, он пытается отдельными вставными фрагментами заполнить пропуск.¹ Несмотря на этот пропуск, былина не потеряла ясности в развитии сюжетной линии, но на первый план здесь выдвинута не сказочная история захоронения живого Потыка с его умершей женой, а вторая часть былины — измена жены Потыка. Интересен тот переход, который делает Рябинин от эпизода женитьбы к рассказу об измене жены, расправе с ней Потыка и его вторичной женитьбе. Он вводит в былину новый эпизод, заимствованный им из песен об освобождении девушки из стаи разбойников или из плена. Жена Потыка, узнав о том, что Потык освободил девушку и привез ее в Киев, укоряет его в измене. Потык тогда уходит «на царев кабак» и начинает «ушиватьсь в велено вино», в это время приезжает царский сын Федор Иванович и сманивает Марью Лебедь белую в замужество. Так, в чисто реалистическом, бытовом и психологическом плане мотивируется измена жены Потыка.

Хотя данная былина и не сохранилась у потомков Трофима Рябиница, мы сочли нужным остановиться на ней, так как этот случай выделяет две характерных тенденций в творчестве старшего Рябинина, которые он, вместе с увлечением героикой и идеальными образами богатырства, передал преемникам своего мастерства: 1) стремление к четкой мотивировке всех эпизодов, которая обуславливает логическую ясность композиционного развития и 2) несомненную склонность к реалистическим деталям.

Вторая особенность сочетается у Рябинина с большим интересом к социальным мотивам.

Социальные тенденции нашего эпоса получают иногда в некоторых районах распространения былии свою особую форму выражения, которая и характеризует местную традицию. Бывает и наоборот: известные мотивы и образы широко распространены и не могут считаться спецификой какого-либо одного района. Так, мотив противопоставления богатырства как выражения народной мощи — социальной верхушке, князю и его приближенным характерен для всего эпоса в целом. Мотив этот с особой силой воплощен в былинах героического цикла, главным образом в известной ситуа-

¹ См. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Изд. 2-е, т. I, стр. 85—86.

ции: враг подступает к городу, грозя неисчислимыми бедствиями, князь Владимир и его «князья-бояре» застигнуты врасплох, дрожат от страха, не зная, что предпринять, и только герой-богатырь спасает положение. Чтобы усилить конечный эффект и еще более оттенить подвиг богатыря, часто вводится эпизод ссоры князя с богатырями. Князь Владимир потому-то и оказывается в таком жалком положении, что лучший его богатырь подвергнут им несправедливому заточению или оскорблен как-нибудь иначе, а остальные богатыри вследствие этого уезжают из Киева. Но оскорбленный князем богатырь, забывая свою личную обиду, откликается на призыв князя о помощи, собирает своих товарищей и отводит невзгоду от народа, спасает Родину.

В таком именно виде указанный мотив встречается в былинах разных районов, и в отношении Приопежья можно говорить только об особой четкости, яркости выражения и планомерном проведении его. Так, как раз именно в прионежских и примыкающих к ним кенозерских вариантах особенно подчеркивается, что Илья Муромец идет на врага не ради князя Владимира и княгини Апраксии, а «ради матушки свято-Русь земли» (Гильфердинг, № 57), «за вдов, за сирот, за бедных людей» (Гильфердинг, № 257).

Былина Трофима Рибинина «Илья Муромец и Калин-царь» развертывает отмеченную сюжетную ситуацию и отличается большой четкостью социальных тенденций. Особенно выразительно передан в ней основной социальный конфликт. На призыв Ильи Муромца ехать против врага богатыри отвечают отказом—так мотивируя этот последний:

Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой королевичной:
У него ведь есть много да князей-бояр,
Кормит их и побит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира.

(Гильфердинг, № 75)

Но если самый мотив противопоставления богатырей князю и его «князьям-боярам» встречается повсеместно и не является исключительной принадлежностью прионежской традиции, то ей принадлежит особый тип обработки в самостоятельную былину эпизода ссоры: Илья Муромец бушует, стреляет по церкви и деревям, сбивая волоченые маковки, затем сзывает голей, которых и угождает в кабаке или на площади; князь вынужден отправить крестового брата Ильи—Добрыню с просьбой сменить гнев на милость и пожаловать к князю на пир. Нам известно всего лишь

несколько вариантов этой замечательной былины. Один из них принадлежит Трофиму Рябинину.

Социальная сатира в изображении князя и его придворных входит как органический момент и в былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Приехавший впервые к княжескому двору богатырь встречает недоверие и насмешки, когда сообщает о совершенном им подвиге. Тем сильнее эффект конечного апофеоза этого богатыря: при свисте Соловья все бояре падают замертво или расползаются на карачках, сам князь Владимир в испуге прячется или тоже теряет сознание, и лишь один Илья Муромец остается стоять, сохранив присутствие духа. Эти мотивы опять-таки широко распространены, наблюдаются в различных вариантах данной былины. Но прионежские сказители с особой тщательностью разрабатывают юмористическую сцену конца. Вариант Рябининых следует общей тенденции нашего эпоса, но еще более усиливает впечатление, подчеркивая первоначально презрительное отношение князя Владимира к приехавшему «мужику-деревенщице». Для прионежской традиции характерно здесь то, что преврительная кличка вложена в уста именно князя, а не только «князей-бояр», как это мы видим в былинах из других районов (см., например, Марков, № 68). Это связано с общей особенно сильно выраженной тенденцией прионежской традиции к сатирическому изображению князя Владимира.

Эта характерная черта эпического творчества Прионежья наиболее ясно видна при сопоставлении прионежских обработок некоторых повеллистических сюжетов с вариантами на те же сюжеты из других районов. Резко выделена она в прионежских былинах о Ставре, о Дюке, о Добрыне и Алеше. Особенно показательна в этом отношении последняя былина. Социальную окраску придает ей не только отрицательное изображение Алеши Поповича с традиционным подчеркиванием его происхождения (поповский сын), но и неблаговидная роль князя Владимира. Последний изображен в былине как сводник, за спиной у своего богатыря устрашающий свадьбу его жены со своим любимцем Алешей Поповичем. Эта роль князя Владимира органически с былиной не связана, для ее композиции вовсе не обязательна, что ясно из целого ряда вариантов северо-восточной группы (Мезень, Печора), где данный мотив отсутствует.

В Прионежье же он тщательно разработан. Есть варианты, в которых участие в интриге князя Владимира мотивируется родством с ним Алеши Поповича (последний оказывается племянником князя). В одном из вариантов князь Владимир является даже, вместо Алеши, в роли обманщика, приносящего лживую весть о

гибели Добрыни. Его снатовство рисуется как прямое насилие: он угрожает Настасье выслать ее вон из города или превратить в свою батрачку («возьму в портомойницы», «возьму еще в коровницы» и т. д.). Он принимает даже особые меры на случай возможного возвращения Добрыни, чтобы не пустить его на свадебный пир и т. д. Неблаговидность действий князя Владимира ярко вскрывается в развязке, когда Добрыня обращается с резким укором к князю: он «от живого мужа женоу сосватал». Изображение самого князя в данный момент подчеркивает спраедливость укора («Тут Владимиру к стыду пришло», «Он повесил буйну голову» и т. п.). Некоторые варианты включают еще рассказ о подвигах, совершенных Добрыней во время отлучки из дома. Это выставляет князя Владимира в еще более отрицательном свете.

К последним вариантам примыкает и былина Трофима Григорьевича Рябинина. Благодаря указанной уже контаминации этой новеллы с сюжетом о Василии Казимировиче, «глупости» князя Владимира, как он сам определяет свой поступок (см. Гильфердинг, № 80, стихи 1008—1009), противопоставляются важные заслуги Добрыни перед Родиной. Последняя сцена «посрамления князя» развернута в духе прионежских обработок.

Также в полном соответствии с местной трактовкой сюжета разработана у него и новелла о Дюке. Смысл изображенного состязания Дюка и Чурилы не в личном столкновении этих двух богатырей, как это мы видим в печорских вариантах, а в противопоставлении героя былины Дюка князю Владимиру и его приближенным. Характерна та презрительная кличка, которую придворный богатырь Чурила бросает Дюку: «Холопина дворянская». Эта «холопина» выигрывает во всех состязаниях, и для описи его богатства на одни только перья и бумагу нехватает всей золотой казны Киева.

Говоря о социальном содержании прионежских былин, об идейном смысле их образов, следует еще остановиться на былине о Вольге и Микule. В центре этой былины — образ могучего богатыря пахаря, который трудолюбиво осваивает под пашню огромные земельные пространства. В былине опозитирован крестьянский земледельческий труд, воспета народная мощь; крестьянина противопоставлен здесь князю и его дружине, у которых нехватает силы для поднятия из земли его сошки. Эта прекрасная, полная глубокого смысла былина составляет исключительную принадлежность прионежской эпической традиции.¹

1 В последние годы былина была записана в Зимней Золотице на Белом море от М. С. Крюковой. Но источник ее варианта — местная устная традиция, а книга, из которой сказительница узнала былину в одной из прионежских редакций.

Рябининская редакция принадлежит к числу лучших, как раз тех, которые выдвигают на первый план образ пахаря в картине встречи его с Вольгой.

П. Н. Рыбников рисует Трофима Рябинина, как человека, обладающего большой выдержанкой, внутренне сильного и независимого, наделенного со знанием собственного достоинства. Хорошо известен рассказ собирателя о том спокойном, но решительном отпоре, который был дан Рябининым варвавшемуся чиновнику, когда тот бросился на него с поднятыми кулаками: «Трофим Григорьевич отстранил его руки прочь от себя и заметил суревым голосом: «Ты, ваше.. благородие, это оставь: я по этим делам никому еще должен не оставался». ¹ Этот не раз приводившийся в литературе яркий эпизод дореволюционного прошлого характерен не для одного только Т. Г. Рябинина. Чувство собственного достоинства, независимость — черты, которые были присущи многим северным крестьянам, в частности прионежанам. В этих чертах находим объяснение особому выделению таких социальных моментов в нашем эпосе, как противопоставление крестьянина-богатыря Микулы князю и его дружине, подчеркивание крепкой связи Микулы с остальной массой крестьянства, культивирование образа сильного и независимого Ильи Муромца и т. п.

Со стороны художественной структуры прионежские былины отличаются прежде всего особенно четкими, стройными, композиционно выдержанными формами. В записях XIX и начала XX вв. преобладают простые, неконтаминированные композиции.² Это заметно отличает прионежскую группу от северо-восточной, главным образом от мезенских и отчасти вимневолотицких былин, где еще в записях 1900-х гг. наблюдаем целый ряд случаев довольно сложных и разнообразных контаминаций. Так например, контаминированных вариантов былины-новеллы «Добрый и Алеша» в одних григорьевских записях на Мезени 27%, в прионежских же записях у Рыбникова и Гили-Фердинга — всего 15%; сюжет «Илья Муромец и Идолище» в вариантах Пинеги, Мезени, Печоры и Зимнего берега почти всегда дается в сложном контаминированном виде, в Прионежье в большинстве вариантов обначен в самостоятельную песню.

Существующие же в Прионежье контаминации обычно носят характер определенной устойчивой традиции и не столь многооб-

1 Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, т. I, М., 1909, стр. LXXIX.

2 Заметное усиление процесса контаминации, а также и образование больших сводных былин-поэм наблюдаем уже в былинном творчестве прионежан в 20–30-е годы XX в. в связи с ростом более свободного отношения к традиционным текстам. См., например, книгу Г. Н. Париловой и А. Д. Соломонова «Былины Пудожского края». Петрозаводск, 1941.

разны, как в северо-восточной группе. Так, сюжет «Добрыня и Змей» объединяется только с сюжетом женитьбы Добрыни на Настасье Никуличне. Самые сложные из всех героических былин в Прионежье—былины о Калине-царе—включают часто, как мы видели, эпизод ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром. Но он обычно не развертывается в подробный рассказ о ссоре, а служит лишь отправным пунктом, завязкой для центрального сюжета.

Вместе с тем, при чрезвычайно четкой и ясной композиции, былины Прионежья отличаются в большинстве вариантов исключительным богатством образов, художественной разработкой описательной части. При этом некоторые мотивы оказываются опять-таки традиционными в Прионежье, если не для всех, то для многих былин; эти мотивы и представляют те особенные черты, которые отличают прионежские редакции от других. Так, только в прионежских вариантах былины о Дюке (хотя и не во всех) начальная часть былины включает мотив «трех застав», через которые должен проехать и благополучно проезжает герой. Известная жалоба Добрыни на свою участь, на то, что ему приходится «слезить матерей, вдовить молодых жен, сиротать малых детушек»—почти неотъемлемая принадлежность прионежских вариантов, в северо-восточной группе встречается лишь эпизодически. В некоторых прионежских редакциях этой же былины находим также художественный мотив голубей-вестников, через которых Добрыня и узнает о предстоящей свадьбе своей жены с Алешей Поповичем. Мотив этот неизвестен эпическим традициям других районов. Ряд своеобразных деталей отличают прионежские типы былин «Дунай», «Чурила», «Добрыня и Змей» и др.

На фоне прекрасного эпического творчества Прионежья Трофим Рябинин рисуется нам как подлинный мастер—«классик», воспринявший и выразивший в своем искусстве все лучшие черты местной традиции. Его былины отличаются стройностью и ясностью композиции. Среди его былин лишь одна представляет контаминацию двух сюжетов—это уже называвшаяся выше былина о Добрыне и Василии Казимировиче. Но и она, при всей своей сложности, представляет образец четкого художественного построения с внутренней мотивированностью каждого звена, каждого включаемого эпизода. Выше мы видели, что даже позабывшаяся сказителем былина, видимо им редко исполнявшаяся («Потык», Рыбников, № 12), не теряет ясности и мотивированности изложения. Превосходно разработана с точки зрения композиции былина «Добрыня и Змей». В тексте Т. Г. Рябинина сохранена главная особенность прионежских редакций этого сюжета—четкое распределение на две части, как бы на две главы, каждая из которых по-

священа столкновению героя со Змеем. Первое происходит на Пу-чай-реке. Сюда, вопреки наказу матери, он едет купаться, потоптав по пути множество змееных. Бой со Змеем кончается заключением договора, по которому оба обязуются «не делать бою-драки-кроволитъца промеж собой».¹ Второе столкновение вызвано насилием, которое совершают Змей, — похищением племянницы князя Владимира Забавы Путятичны. На Добрыню возлагается поручение вернуть девушку. Добрыня не только успешно выполняет данное поручение, но и освобождает еще из нор вмеиных «много множество да полонов расейских». Этим последним мотивом былина объединяется с основной частью героического цикла, где богатырь-герой является избавителем и защитником русского народа от иноземных захватчиков и насильников.

Т. Г. Рябинин не только следует в основном традиционным в Прионежье схемам в построении того или иного сюжета, но и использует в своих былинах традиционные для Прионежья мотивы, образы, детали в разработках отдельных частей. Он также придерживается в своем повествовании общеэпических канонов — троичности, повторений и других средств эпического замедления и т. п. Вся эта эпическая «обрядность» соблюдается и применяется им с большим чувством художественной меры, известного поэтического равновесия, с большим вкусом и тактом. Недаром его былины всегда занимают видное место во всех хрестоматиях и антологиях, как лучшие образцы классического былинного стиля.

Но будучи глубоко традиционным, в смысле выражения местных художественных традиций, скавительство Т. Г. Рябинина несет печать известного своеобразия. В его текстах находим мотивы, только ему присущие, поэтические формулы, которых у других скавителей — его современников — не встречаем. Так, былина его «Королевичи из Крякова» представляет новую редакцию сюжета, которая отличается от типовой прионежской значительно более подробной художественной разработкой отдельных мотивов (ср., например, образ черного ворона в других вариантах Прионежья). Кроме того, в нее включен отсутствующий в других редакциях сказочный эпизод встречи героя с девушками-лебедями. Редакция былины «Дунай» тоже имеет свои характерные особенности, до известной степени выделяющие ее из прионежской группы. У Трофима Рябинина Добрыня не принимает участия в поездке и даже не упоминается. Его заменяет в былине Василий Ка-

1 В других прионежских вариантах взаимное обязательство более развернуто и еще крепче связано со смыслом дальнейших событий: Добрыня обязуется не топтать змееных, Змей — не брать «полонов». Нарушение договора Змесм неизбежно вызывает нарушение его и Добрыней.

вимиров со своим «паробком заморским»—очевидно влияние былины самого Рябинина о Добрыне и Василии Казимирове. Свой отказ король литовский мотивирует не тем, что за младшую дочь сватаются раньше, чем за старшую (см., например, варианты у Гильфердинга, №№ 94, 108 и др.) или что князь Владимир «не велик», «царище уродливо» (вариант Т. Иевлева, Гильфердинг, № 102), а тем, что князь сватом прислал «холопину дворянскую». Роль Опраксии, в полном контрасте с основным прионежским типом, чрезвычайно активна: Опраксия говорит, что три года молила выйти за князя Владимира; она же предостерегает Дуная, что в поле «полякует» ее сестра-богатырка.¹ Большим своеобразием в разработке деталей отличается и композиция былины «Илья Муромец и Калин-царь» (Гильфердинг, № 75), в основном отразившая как раз (см. об этом выше) характерные для Прионежья художественные и социальные тенденции в отношении данного сюжета.

Совершенно уникальной является былина Рябинина на тему единоборства Ильи Муромца с чужеземным богатырем (Гильфердинг, № 77): неизвестный богатырь-враг оказывается не сыном Ильи, а его дочерью, прижитой им в венце Тальянской (или в Литве—в записи Рыбникова). В построении же сюжета былина примыкает к одному из прионежских типов этой былины—с упоминанием заставы, мимо которой проезжает чужеземец, но без развертывания характеристик богатырей.

Не имел перед собой непосредственного источника былинного вания Трофима Рябинина, былин его учителей, мы не можем точно разграничить усвоенное сказителем и лично им привнесенное и установить, в какой мере именно ему принадлежит своеобразие его редакций. Мы знаем только, что некоторые из былин Рябинина отличаются от вариантов на те же сюжеты других учеников Ильи Елустафьева. Кроме того, сопоставление между собой его же вариантов одной и той же былины свидетельствуют о сравнительно свободном варьировании им отдельных частностей при сохранении, впрочем, основы композиции. Это говорит о значительности творческого момента при исполнении. Повидимому, Трофиму Рябинину принадлежит самостоятельное переоформление какой-то части усвоенного им наследия, быть может создание новых редакций.

В противоположность своему знаменитому предку потомки Трофима Рябинина, преемники его былинного мастерства, относятся к категории тех сказителей, которые очень точно усваивают былины своих учителей и полностью сохраняют их редакции.

1 Рябининская редакция «Дуная» заключает еще ряд своеобразных черт, которые отмечены в примечании, см. стр. 132.

Рыбников говорит, что Трофим Григорьевич «замкнулся под страсть в самого себя и поет больше про свое семейство».¹ Зато здесь, в своей семье, исполнение им былин было, очевидно, постоянным, и частое повторение еще более способствовало точному восприятию наследия Трофима Рябинина его сыном Иваном.

Еще первым исследователем сказительства второго Рябинина была отмечена исключительная стойкость редакций отца в исполнении сына «Сравнение репертуаров отца и сына,—говорит Ляцкий,— еще более убеждает в традиционной устойчивости сюжетов; тексты их чрезвычайно сходны».² В то же время он отмечает в текстах сына и «признаки самостоятельности». Эта самостоятельность, однако, пропалась у Ивана Трофимовича лишь в некоторых, не имеющих существенного значения, перестановках эпизодов, в пропусках некоторых деталей, в чисто словесном развертывании или, наоборот, сокращении отдельных формул, вообще в случаях словесной перефразировки.³ Все эти отступления не вносят никаких решительных изменений в редакции отца, композиция былин в целом и композиция большинства эпизодов остаются теми же. Очень часто дословное или почти дословное повторение не только отдельных стихов, но и целых значительных частей былинного текста.

К сожалению, от Ивана Рябинина известно сравнительно небольшое число текстов (всего шесть), и наблюдения над случаями взыскования у этого сказителя невозможно провести на большом материале. Сопоставление же имеющихся от него записей с вариантами тех же былин у отца приводит к следующим заключениям: 1) Иван Трофимович какую-то часть своего репертуара, может быть и большинство своих былин, очевидно, усвоил довольно рано—некоторые его тексты ближе к записям Рыбникова, чем Гильбердинга;¹ 2) некоторые отклонения от текстов отца обусловлены, должно быть, теми вариациями, которые допускал и сам Трофим Рябинин; таким образом, момент импровизации, не разрывавший связанный с характером самого былинного жанра и проявляющийся при исполнении, сказывался у Ивана Рябинина лишь в варьировании очень незначительных деталей, причем, в боль-

1 Заметка собирателя. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, т. 1, М. 1909, стр. LXXIX.

2 Евг. Ляцкий. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины. М., 1895, стр. 24.

3 Примеры см. А. М. Астахова. «Былины Севера», I, М.—Л., 1938, стр. 71—72, и у Евг. Ляцкого, стр. 24—26.

4 П. Н. Рыбников в своей «Заметке собирателя» называет Ивана Трофимовича, как уже определившегося сказителя: «Из детей его лучше всех выучился у него петь младший сын Иван» (стр. LXXIX).

шинстве случаев, в пределах перенятого им от отца уже готового запаса этих деталей.

Такой же тип исполнителей представляют в основном и двое младших Рябининых — Иван Герасимович и его сын Петр Иванович — современный сказитель. Благодаря этому, редакции Трофима Рябинина со всеми теми особенностями, которые были отмечены выше, и которые, как мы видели, составляют одно из лучших проявлений местных художественных традиций, донесены до нашего времени.

Но для того, чтобы редакции учителя были усвоены и сохранены сказителем-учеником в художественно целостном, полном и стройном виде, нужно не только чисто механическое восприятие, хотя бы и при исключительной памяти, а глубокое проникновение сказителя в материал, в образы, в художественный замысел данной композиции, во все средства его выполнения, — одним словом, необходимы поэтическая восприимчивость и одаренность сказителя. Это мы и видим в лице Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева.

III

Иван Герасимович не был родным сыном Ивана Трофимовича Рябинина. Отец его потонул во время рыбной ловли, когда ребенку было всего два года. На пятом году жизни Ивана Герасимовича, в 1878 г., в его семье случилось событие, которому мы обязаны замечательной судьбой наследия Трофима Рябинина. Мать «приняла» к себе в дом в Гарницах сына известного кижского сказителя, Ивана Трофимовича Рябинина, уже к тому времени воспринявшего былинное знание и мастерство отца. Иван Рябинин любил своего пасынка и не отличал его от своих родных сыновей. Работая вместе с ним, он приохотил и его к сказыванию былин. «Пасынок Иван служит предметом особой родительской заботы Рябинина, — рассказывает Евг Ляцкий. — Он растил и поженил его в прошлом году и ждет от него в будущем хорошего семьянина и работника: он парень степенный, не пьет, не курит, и к тому же попривык старушки (так Рябинин называет былины) и божественные (духовные) стихи тянуть, хоть голос-то у него тоненький: молод еще».¹

Иван Герасимович Рябинин-Андреев прожил с отчимом до 23-летнего возраста, не отделяясь от него и после своей женитьбы. В этот-то ранний период своей жизни Иван Герасимович и научился искусству былинного сказительства. По словам его жены, он был «вострой грамоты да и памятной». В 23-летнем возрасте Иван Герасимович «съехал в Питер» и поступил на завод в Колпине.

¹ Евг. Ляцкий. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины. М., 1895, стр. 9.

Проработав около двух лет, он возвращается к себе в Гарницы, однако живет здесь недолго, всего несколько лет, и снова едет в Колпино, где и работает восемь лет, вплоть до империалистической войны 1914 г. Во время войны он был призван на действительную службу, на которой пробыл 7 месяцев. После освобождения от военной службы Иван Герасимович окончательно поселяется в родных Гарницах. В 1921 г. он ездил в Петроград по вызову научных организаций и выступал здесь с исполнением былин. Умер в ночь на 27 февраля 1926 г. от жестокой простуды.

Вот те скучные внешние факты его биографии, которые нам удалось узнать от вдовы Ивана Герасимовича — Марфы Петровны Андреевой.

И. Г. Рябинин-Андреев хорошо знал кижскую сказительницу Настасью Степановну Богданову-Зиновьеву, которая не раз выступала в Петрозаводске и в 1911 г. ездила в Петербург. По воспоминаниям М. П. Андреевой, Настасья Степановна «звала сколько раз ехать на Кавказ, аль куды там» — известна в этом отношении активность и смелость Настасьи Степановны: она уже в преклонных годах всегда охотно соглашалась на поездки в Ленинград и Москву и непрочно была ехать и за границу. Но Иван Герасимович неизменно отвечал, что не хочет «с бабам этим делом заниматься». Однако у себя в Гарницах он пел постоянно. «Дома, как беседа собиратца — пел, али где на мельницы», — рассказывает М. П. Андреева.¹ У Ивана Герасимовича была многочисленная семья — четырнадцать детей: девять сыновей и пять дочерей, в живых из них осталось пять — три сына и две дочери. Но из всех перенял от отца былины только средний сын Петр, от других, по словам их матери, она «поючи не слыхала, ни от большево, ни от меньшово».

В 1921 г. от И. Г. Рябинина-Андреева были записаны в Петрограде тексты его былин В. Н. Всеволодским-Гернгрессом, и на фонограф записаны отдельные фрагменты былин С. И. Бериштейном. В. Н. Всеволодский-Гернгресс записал все или почти все былины Ивана Герасимовича (по словам сына и жены, он знал 15—16), но, к сожалению, из этих записей сохранились лишь девять: семь полностью и две — неполных. На фонограф записаны фрагменты следующих былин: 1) «Вольга и Микула», 2) «Илья Муромец и Соловей-разбойник», 3) «Илья Муромец в ссоре с Рладимиром» [«Илья Муромец и Калин-царь»], 4) «Илья Муромец и дочь», 5) «Первый бой Добрыни со Змеем», 6) «Второй бой Добрыни со Змеем», 7) «Добрыня в отъезде» [«Добрыня и Василий Казимирович»] +

¹ Материалы рукописного хранилища сектора фольклора Института литературы АН СССР, коллекция XXVII. Запись М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпокиной 1 января 1932 г.

Добрыня и Алеша], 8) «Добрыня и Марына», 9) «Женитьба князя Владимира» [«Дунай»], 10) «Королевичи из Крякова», 11) «Боярин Дюк Степанович», 12) «Василий Окульевич», 13) «Молодец и худая жена»; кроме того, духовный стих «Христово вознесение».¹

Из них лишь былина о Вольге и Микуле представлена в фонографической записи в нескольких фрагментах, остальные — в коротких отрывках.

Но эти записи вместе с текстами, записанными В. Н. Всеволодским-Гернгрессом, воссоздают перед нами самый состав репертуара третьего Рябинина. Сопоставляя его со списком былин Ивана Трофимовича Рябинина,² мы видим, что Иван Герасимович почти полностью воспринял репертуар отчима (в его репертуаре недостает только былины о Хотепе и двух исторических песен об Иване Грозном и о Скопине).

У отчима перенял он и его напевы, тоже восходящие к Трофиму Рябинину, и все характерные особенности исполнения.

Слишком малое число записей от И. Т. Рябинина препятствует с точностью установить индивидуальные черты былинного сказительства Ивана Герасимовича. К тому же из былин, записанных от отчима, только одна имеется в записи от Ивана Герасимовича. Это — «Королевичи из Крякова»;³ былина эта была записана в двух вариантах и от Трофима Рябинина. Остальные былины приходится сопоставлять непосредственно с текстами первого Рябинина.

Однако все же на основе имеющихся в нашем распоряжении материалов вырисовываются не только общие качества текстов Ивана Герасимовича, но и кое-какие черты личных его вкусов и художественных тенденций.

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, как и его предки, принадлежит к представителям классического стиля былинного сказительства. Свои былины он всегда пел, а не сказывал словесно, и они отличаются исключительной четкостью и чеканностью, ритма. Все художественные и идеальные достоинства, отмеченные нами в текстах Трофима Рябинина и унаследованные от него сыном Иваном, находим и в былинах Ивана Герасимовича: стройность и ясность композиции, с внутренней оправданностью всех частей, четкость основного замысла и социальной идеи, полноту и картинность описаний, яркие, строго выдержаные образы персонажей. В его бы-

¹ Фонограммархив сектора фольклора, Института литературы АН СССР, №№ 703 -711.

² Е в г. Л я ц к и й, стр. 31; Былины П. И. Рябинина-Андреева, Петрозаводск, 1940, стр. 16.

³ Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1856 г. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш, Спб., 1894, стр. 29.

линиях мы не замечаем тенденции к сокращению, не видим пропусков, которые бы обедняли художественную ткань произведения, как это наблюдается в нисходящих линиях некоторых других семейных традиций (например, у наследников Домны Суриковой, в боковых линиях рода Рябининых и др.)

По своим размерам былины Ивана Герасимовича почти не отличаются от былии Трофима Григорьевича. Колебания в ту или иную сторону незначительны. Есть былины, по количеству стихов даже превосходящие деловские («Второй бой Добрыни со Змеем», «Женитьба князя Владимира»), есть—немногим короче («Добрыня и Марына»), большинство почти совпадают.¹ Внутри былин одни эпизоды несколько более развернуты, другие, наоборот, сокращены. Варьирование в данном направлении — вообще характерный для былинного сказительства момент, который неизменно присутствует в большей или меньшей степени у всех сказителей, даже у носителей наиболее устойчивых едакций. При одном исполнении они несколько более детализируют одно описание, в другой раз — другое. Поэтому, только имея несколько вариантов той же былины от одного сказителя, можно делать заключение о тяготении его к выделению и развертыванию определенных эпизодов и к затушевыванию других. Подобные внутренние колебания, касающиеся большего или меньшего раскрытия одних и тех же мотивов, находим и у самого Трофима Григорьевича и у Ивана Трофимовича. Иван Герасимович мог наблюдать эти колебания в исполнении отчима. Возможно, что и сам он давал иногда варианты, еще более близко стоящие в отношении степени детализации одних и тех же эпизодов к записи от деда, чем те, которые у нас имеются.

Однако, при внимательном наблюдении над всеми случаями отступлений подобного рода, мы все же усматриваем в былинах Ивана Герасимовича некоторую закономерность во вносимых им изменениях, которая и вскрывает особенности художественного метода этого сказителя.

К числу этих особенностей можно отнести частые пропуски эпизодов «подготовительных» или «предваряющих», т. е. тех, которые изображают не самое действие, составляющее новый поступательный в движении сюжета момент, а лишь предваряющую это действие экспозицию. Такая экспозиция, в которой изображены намерения действующих лиц, их подготовка к действию и т. п., составляет переход от одного действия к другому. Так например, в былине «Свадьба князя Владимира» Иваном Герасимовичем выступают: а) изображение того, как князь Владимир идет по горенке

1 Точные данные по сопоставлению размеров былин см. в примечаниях.

и становится против Добрыни (стихи 51—53 варианта деда)¹ — после же раздумья князя Владимира, кого послать за Ильей, непосредственно следует обращение его к Добрыне; б) наставление князя Добрыне о том, как он должен подойти к Илье Муромцу (стихи 56—66 варианта деда) — передается только формула самого приглашения; в) изображение того, как Добрыня идет к Илье Муромцу (стихи 75—78 варианта деда) — после краткого описания одевания Добрыни говорится о самом приходе Добрыни к Илье Муромцу; г) описание того, как князь Владимир смотрит в окошко, в тревоге ожидая результатов миссии Добрыни (стихи 103—108 варианта деда) — в былине Ивана Герасимовича за сборами Ильи Муромца сейчас же следует рассказ о его приходе к князю.

В последнем случае мы видим уже не простой тип предваряющей экспозиции, а очень значительный момент психологической характеристики, рисующей нетерпеливое ожидание князя, испуганного бунтом богатыря. Здесь Иван Герасимович ускоряет темп развития действия уже за счет психологической полноты образа. Но обычно пропуски касаются именно простой экспозиции (указанного выше типа). Все психологические детали сказителем сохраняются. В былине о Добрыне и Маринке, наиболее сокращающей дедовскую редакцию, находим: а) отсутствие стихов, аналогичных стихам 25—29 дедовского варианта, говорящих о намерении Добрыни итти в Маринкину улицу — у Ивана Герасимовича сразу после рассказа о прогулке Добрыни по Киеву говорится: «Заходил он в татарскую слободушку»; б) пропуск стихов, передающих предложение Добрыни итти в поле венчаться (стихи 63—70 у Трофима Рябинина) — у Ивана Герасимовича: «А побел (Добрыня) в раздольице в чисто поле»; в) не указано перед убийством Маринки, что Добрыня берет саблю (стихи 80—81 дедовского варианта), а прямо говорится: «Как смахнул Добрыня саблей вострою». Опущен характерный «подготовительный момент» и в былине «Королевичи из Крякова» — перечисление в словах героя перед стрельбой по ворону всех действий, которые он готовится совершить («Я подстрелю эту птицу черна ворона, его кресть-то росточу да по сырому дубу» и т. д.). Момент этот имеется во всех трех предшествующих записях этой былины, в двух — от Трофима Рябинина и в одной — от Ивана Трофимовича, поэтому отсутствие его у Ивана Герасимовича особенно убеждает нас в неслучайности подобных пропусков у данного сказителя.

Иногда, правда, мы имеем и обратные случаи — наличие такой экспозиции, при отсутствии ее у Трофима Рябинина — но они зна-

1 В данном и последующих случаях имеются в виду записи Гильфердинга.

чительно реже, и определенная тенденция Ивана Герасимовича в указанном направлении совершенно очевидна.

Другая особенность повествовательного метода Ивана Герасимовича — более последовательное проведение прямой речи в то время, как у Трофима Рябинина заметна тенденция к замене диалога косвенной речью или кратким сообщением от автора. Так, пространному докладу приближенных князя о нашествии Калинциаря у Ивана Герасимовича (стихи 132—145) в варианте Трофима Рябинина соответствует краткое сообщение от автора, что Калинциарь «подъехал под Киев-град» (3 стиха, 100—102). Сравним также варианты отранки Опраксии в Киев с Василием Казимировым в былине «Женитьба князя Владимира».

У Т. Г. Рябинина:

Тихия Дунаюшко Иванович
А послал с нима¹ паробка любимого
Он того Василия заморского,
Отвести ю князю на широкой двор,
Отвести в полаты белокаменны.
А подать-то ю князю во белы ручки.

(Гильфердинг, № 81, стихи 278—282)

У И. Г. Рябинина-Андреева:

Говорит тут тихии Дунаюшка:
«Ай же, братец мой да й ты крестовый мой,
Молодой Василий ты Казимиров,
А Василий паробок заморский,
Поезжайте вы во столький Киев-град,
А свезите вы Опраксю королевишну
А ко князю на широкий двор,
Проводите во горенку столовую,
Отведите князю во белы ручки».

(Стихи 320—328).

В той же былине у Трофима Рябинина говорится так о приеме литовским королем приехавших послов:

Садил их король за единой стол,
А кормил-то их ествушкой сахарною,
А поил-то их питьицем мёдвинным,

(Гильфердинг, № 81, стихи 165—167,
см. также у Рыбникова, № 9, стихи 126—129).

¹ С Василием Казимировым и с Опраксией.

У Ивана Герасимовича это описание угощения послов передано в обращении короля литовского к послам с предложением угощаться:

Говорил тут король-та й литовский,
Говорил король тут таковы слова:
«Ай же вы, дуродни добры молодцы,
Тихия Дунаюника Иванович,
Приходите вы во горенку столовую.
А садитесь за столики дубовые,
А за ты лъ скамееки окольныи,
А поешьте ествушки сахарнечей,
Да и попейте питьвицов медъяных».

Характерно, что совершенно аналогичный случай находим и в вариантах былины о ссоре (ср. Гильфердинг, № 76, стихи 120—121 и в настоящем сборнике № 2, стихи 117—118). В той же былине раздумье князя Владимира о том, как помириться с Ильей Муромцем, опять-таки передано в прямой речи, в форме обращения к князьям-боярам и к богатырям:

«А вы думайте-тка думу крепкую,
Как же мне с Ильей да помиритися».
(Стихи 52—53).

У Трофима Рябинина же говорится:

Тут Владимир князь да столиц-киевской
И он стал Владимир дума думати,
Ёму как-то надобно с Ильей помиритися.
(Гильфердинг, № 76, стихи 40—42).

Все эти примеры (которые можно было бы еще умножить) убеждают нас в том, что здесь не случайное расхождение, а разница в методах повествования. Обратные случаи единичны, а потому не характерны.

Вообще в отношении прямой речи, диалога, совершенно определено вырисовывается тенденция Ивана Герасимовича их усиливать, развертывать; при этом средством для этого часто служит ему повторность. Так, в былине об Илье Муромце и Калине параллельно краткому сообщению дочери князя Владимира в варианте Трофима Григорьевича, о том, что Илья жив в погребе (см. Гильфердинг, № 75, стихи 115—117) у Ивана Герасимовича находим подробный рассказ дочери о том, что она сделала, чтобы сохранить жизнь Илье Муромцу, с полным повторением уже указанных выше ее действий:

«А я сделала ключи поддельные,
Положила людей потаенных
На тыи погребы глубокии...»

и т. д.

Вместо ледовских трех стихов, здесь мы находим целых 18 стихов (166—183).

Таким образом, если первая из указанных тенденций — выключение промежуточных переходных моментов — ведет к ускорению повествования, то вторая, наоборот, несколько задерживает его и тем самым уравновешивает общее соотношение в темпе повествования и в размере былии. В то же время усиление прямой речи впечатительно оживляет рассказ.

Что касается приема повторности вообще, то на имеющемся материале трудно уловить какое-либо существенное отличие былии Ивана Герасимовича от былии его предков. Мы видим иногда усиление повторности, развертывание повторяемых частей, иногда и некоторое их сокращение. Вообще же повторность в былинах Ивана Герасимовича занимает очень большое место, и скорее можно говорить о склонности к усилению ее, чем к сокращению.

Из других особенностей былинного сказительства Ивана Герасимовича следует отметить довольно свободное перемещение им некоторых описаний, словесных формул, «общих мест» из одной былины в другую. Вследствие этого бывает, что какое-либо место былины, отличаясь в своей словесной редакции от соответствующего места той же былины у первого Рябинина, полностью совпадает с оформлением аналогичного мотива другой ледовской былины. У самого же Ивана Герасимовича наблюдаем точное повторение словесных формулировок в передаче близких эпизодов. Зачин былины «Скора князя Владимира», например, восходит не к вачину той же былины у Трофима Рябинина, а к началу его же былины об Илье Муромце и Калине-царе (Гильфердинг, № 75). Таким образом, вачины обеих названных былии в вариантах Ивана Герасимовича одинаковы, Трофима Григорьевича — различные. Конец той же былины «Скора князя Владимира» также изменен. Вместо краткого сообщения о том, что «они тут с Ильей и помирилися», дается «общее место» — описание самого пира — в формуле, которую встречаем и у Трофима Рябинина, но в других случаях (см., например, в его «Дунае», Гильфердинг, № 81, стихи 337—338, в былине «Добрыня и Василий Кавимиров», Рыбников, № 8, стихи 5—6). Начальные 59 стихов былины «Василий Окульевич» дословно повторяют начало его же былины о женитьбе князя Владимира. Обращение князя к Добрыне в былине «Второй бой Добрыни со Змеем» Иван Герасимович оформляет тоже иначе, чем это делается в соот-

ществующей части варианта Трофима Рябинина. Он строит его по типу обращения князя к богатырям, посылаемым им к королю Ботияну, из былины Трофима Григорьевича «Добрыня и Василий Казимирович» (ср. у И. Г. стихи 61—85 его былины «Второй бой со Змеем» со стихами 270—283 варианта Гильфердинга № 79 и со стихами 61 и след. варианта Гильфердинга № 80).

В результате получается несколько большая однотипность близких эпизодов и мотивов у Ивана Герасимовича, в то время как у Трофима Григорьевича они более индивидуализированы. Однако, благодаря известному чувству художественной меры, поэтическому чутью, эта склонность к большей стандартизации не приводит у Ивана Герасимовича к полной нивелировке описательных моментов в его былинах.

В основном они сохраняют все высокие художественные качества редакций Трофима Григорьевича, а в некоторых случаях даже и превосходят их. Значительно более красочно описание заточения Ильи Муромца в былине об Илье и Калине-царе. В записи от Трофима Рябинина находим сжатое указание, что князь Владимир, разгневавшись на Илью Муромца,

Засадил его во погреб во глубокии
Во глубокий погреб во холодныи
Да на три-то году поры-времени.

У Ивана Герасимовича в стихах 4—11 дается развернутое изображение заточения:

Засадил козака Илья Муромца
А на тыя ль на ногребы глубокии,
А на тыи ль на ледники холодныи,
А за тыи решётки за железныи.
А на тыи на кавсни на смертины.
Не на мало поры-времени — на три году,
На три году й на три месяца,
Чтобы не был жич дуродний добрый молодец.

Это замечательное по художественной силе и выразительности изображение в дальнейшем повторяется сказителем (стихи 17—21), чего в варианте Трофима Рябинина нет.

Также более подробно, пышно, с большой экспрессией, и опять-таки в двукратном повторении, рисуются в той же былине, в стихах 267 - 289, картины вражеского наступления. Сопоставление данного места у Трофима Григорьевича с соответствующим ему описанием врага в другой его былине о Калине-царе

(Рыбников, № 7, стихи 170—181) показывает, однако, что Трофим Григорьевич и сам варьировал это изображение и что некоторые мотивы, которыми обогащено описание Ивана Герасимовича, были свойственны и ему (имеются в записи Рыбникова). Следовательно, Иван Трофимович Рябинин мог услышать от отца и, в свою очередь, передать Ивану Герасимовичу и более развернутое описание, чем то, которое мы находим в записях и Рыбникова и Гильфердинга. Но для Ивана Герасимовича здесь характерно то, что он запомнил и сохранил данное описание как раз именно в развернутом его виде.

Очень интересно и показательно то дополнение, которое мы находим в развязке былины «Второй бой Добрыни со Змеем». Особенностью варианта Трофима Рябинина является отсутствие убийства змеи. Добрыня укоряет змею в похищении Забавы Путятиной, ватём выводит девушку из змеиной норы, а также выпускает «полона рассейский». Иван Герасимович вводит прежде всего вызов Добрыней змеи на бой. Это пугает змею, вспоминающую победу над ней на Пуче не вооруженного тогда Добрыни, и она беспрепятственно дает вывести Забаву из норы. Далее Добрыня замыкает змею в норе с железной дверью, приговаривая: «Не бывать тебе, змеи, да и на белом свете» и т. д. Таким образом, каждый из отдельных этапов развязки строго мотивирован, и подвиг Добрыни получает логическое завершение.

Зная, что как раз почти все былины Трофима Григорьевича отличаются логической законченностью сюжетной линии, мы предполагаем, что это недостающее до полного завершения сюжета звено принадлежало редакции Трофима Рябинина, при записи же от него былины Гильфердингом было сказителем пропущено. Возможно поэтому, что так же, как Иван Герасимович, передавал это место и его отчим. В то же время видим, что эпизод убийства змеи из редакции Трофима Григорьевича мог и выпадать, поскольку решительного ущерба для основного замысла от этого не было: подвиг Добрыней все же совершен, поручение выполнено. Тем более показательно и характерно сохранение данного эпизода, так как оно свидетельствует о чрезвычайно вдумчивом отношении сказителя ко всем тем композиционным звеньям, которые приводят к наиболее полному и убедительному осуществлению художественного замысла.

Так же тонко чувствует Иван Герасимович и социальную направленность нашего эпоса. Все характерные в этом отношении особенности былин деда, отмеченные выше и представляющие выражение определенной местной традиции, находим и в вариантах третьего Рябинина. Образы богатырей Ильи Муромца, Добрыни

и других служат воплощением силы и благородства и противостоят социальной верхушке. В этом отношении у него иногда даже чувствуется более обостренное восприятие классовых взаимоотношений. Так, известную формулу богатыря Самсона, которой он мотивирует отказ богатырей ехать на врага, Иван Герасимович слегка перефразирует, внося очень тонкий, более близкий к восприятию его времени, штрих.

У Т. Г. Рябинина:

У него (т. е. Владимира—А. А.) ведь есте много да
князей-бояр,

Кормит их и побит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира.

У И. Г. Рябинина-Андреева:

Много есть у князя й у Владимира,
Много есть господ, да и бояринов,
Он их кормит, поит, да он их жалует,
Ничего ведь мы от князя й не предвидели.

Данная былина «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром» [Илья и Калин-царь], также былины «Ссора с князем Владимиром» и «Боярин Дюк Степанович» в вариантах Ивана Герасимовича полностью сохраняют все высокие идеальные качества редакций Трофима Рябинина. В былине о Дюке среди других социальных мотивов сохранен и эпизод отвода Алеши Поповича при выборе послов в Индию, — отвода, который основан на известной социальной характеристике этого богатыря:

Он роду есть ведь-то поповского,
А поповского роду он вадорного,
Он увидит бесчтнну волоту кавну,
Так ведь там ему да й голова сложить.

Использование данного мотива в эпизоде посылки богатырей в Индию в былине о Дюке всецело принадлежит книжной школе певцов былин (см. также Гильфердинг, № 85, стихи 460—465; № 152, стихи 366—369; № 159, стихи 350—353).

Сопоставляя тексты Ивана Герасимовича с былинами его предков, видим некоторые изменения в лексике. В былине «Женитьба князя Владимира» вместо «ломаешься» употреблено слово «гребуешь», вместо «обгалиться» — «оббаять», исключен эпитет лани — «напольсная», вводится слово «кивер» («А снимали кивера да й со головушек», см. также былину «Боярин Дюк

Степанович»). Замечаем введение слова «взлепета» вместо «воговорил», и оно становится у Ивана Герасимовича излюбленным выражением, применяемым им в отношении животного, говорящего по-человечьему («Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», «Боярин Дюк Степанович», «Королевичи из Крякова»). Вместо «червленый» стул — «ременчат» стул; «львы-эвери» на воставе вместо «эвери»; вводится следующее изображение горя вдовы: она плачет «женским голосом да й во всю голову» и др. В большинстве случаев эта замена происходит на основе местного же лексического фонда и прочно входит в передачу былин Иваном Герасимовичем; о последнем свидетельствуют варианты его сына, где находим те же слова и выражения.

Вообще же сопоставление былин всех четырех Рябининых приводит к следующему заключению: в основном редакции Трофима Рябинина донесены до нашего времени без существенных переработок, и те изменения, которые вносят его потомки, выражаются по преимуществу в перестановках эпизодов и стихов, слопесных перефразировках и т. п. и не дают принципиальных различий; наиболее заметные случаи внутренних перемещений, сдвигений и в композиции и в словесном оформлении принадлежат двум младшим Рябининам. При этом некоторые из тех отдельных деталей, которые отличают варианты современного представителя рябининской традиции от текстов первого Рябинина, должны быть отнесены за счет Ивана Герасимовича.¹

Вместе с тем в лице Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева мы видим чуткого и вдумчивого хранителя семейной эпической традиции, выражающей характерные черты местной эпической школы, иногда, правда, в своеобразной, с индивидуальными оттенками форме. Третий Рябинин — несомненно, один из крупнейших мастеров былины кижской школы скавителей.

А. М. Астахова

1 У Петра Ивановича находим один случай особенно решительного отклонения от семейной традиции — контаминацию сюжета о Калине-царе с сюжетом ссоры типа «Никиты Залешанина». Происхождение этой контаминации еще не выяснено.

ЗАПИСЬ БЫЛИН ОТ И. Г. РЯБИНИНА В 1921 г.

В конце 1918 г. по моей инициативе и при непосредственном участии тогдашнего Наркома просвещения А. В. Луначарского было основано научное учреждение и высшее учебное заведение, ставившее своей задачей изучение живой человеческой речи,—Институт живого слова. Художественной речью занимались факультеты — театральный и словесный; большое внимание было уделено мастерству слова в области рассказывания и декламации; естественно, возник вопрос о методике исполнения былин. Впервые передо мной поставила этот вопрос одна из специалисток в области педагогического рассказывания — Е. И. Иорданская. В беседе с ней я, правда, без достаточной уверенности, сказал, что исполнять былины следует так, как они бытуют в народных массах, и что, вообще, напевное исполнение баллад, поэм и былин, т. е. всего стихотворного эпоса, единственно верное, ибо органически неотделимо от словесного материала. Возник новый вопрос — допустимы ли приемы эмоционально-образного расцвечивания баллад, поэм и былин и, если да, то в какой мере; верно ли, что их исполнять следует с «эпическим спокойствием». Слово за слово — выяснилось, что вопрос очень сложен. Тут-то и возникла мысль о необходимости непосредственного наблюдения.

В процессе изучения вопроса я столкнулся с проблемой былинной традиции, и, естественно, главное внимание к себе привлекла семейная традиция Рябининых, к тому времени (зима 1920—1921 гг.) представленная сказителями двух поколений Трофимом Григорьевичем и Иваном Трофимовичем. Было известно, что и молодое поколение культивировало былинную традицию. Я и решил командировать в д. Гарницы одну из студенток института, хорошо знакомую с крестьянским бытом, Анну Ивановну Смир-

нову, с поручением привезти в Петроград одного из преемников рябининской традиции. Снабдив необходимыми документами, мы усадили ее в поезд. Это было в январе 1921 г. Вот что рассказывает Анна Ивановна о своей поездке.

Получив от Петрозаводского исполнкома путевку на подводу, к вечеру она была в Гарницах. Дровни окружила толпа ребятишек. На вопрос, где именно живут Рябинины, один из мальчиков проводил ее к себе в дом. Оказалось, что Иван Трофимович, которого мы рассчитывали видеть, уже умер, но, со слов хозяйки, выяснилось, что приемный сын умершего—Иван Герасимович—унаследовал былинное мастерство. Ивана Герасимовича не было дома—он поехал в лес за дровами. Через некоторое время он вернулся со своим средним сыном лет 14-ти. Узнав, зачем приехала Анна Ивановна, он охотно стал ей петь былины и в принципе согласился ехать в Петроград. Исполнение былин происходило при очень типичной для этого края обстановке. Жена важгла лучину, предварительно вставив ее в светец, в избу собрались соседки—женщины и девушки; мужчин не было. Так каждый вечер, покуда Анна Ивановна жила в Гарницах, Иван Герасимович сказывал былины, иногда не заканчивая их, но досказывая своими словами.

В один из вечеров он повез Анну Ивановну в соседнюю деревню, чтобы познакомить ее с другим стариком-сказителем. «Может, он вам больше понравится, его и возьмете в Петроград», сказал он шутливо. Сосед-старик так же охотно, как и Иван Герасимович, стал сказывать Анне Ивановне былины. Но он несколько отступал от текста, исполняемого Иваном Герасимовичем, и потому этот последний часто останавливал его. «А мой батюшка здесь сказывал иначе»,— и он цитировал отрывок по-отцовски. Анне Ивановне исполнение Рябинина понравилось больше: он это делал истовее, благоговейнее, да и в вокальном отношении был выше своего соседа.

Анне Ивановне пришлось задержаться в Гарницах на несколько дней, так как Иван Герасимович мог поехать только после того, как свезет домой стога сена. Наконец он справился, и они поехали.

А в то время, как Анна Ивачовна ездила в Гарницы, в Петрограде Институт живого слова организовал конференцию работников по рассказыванию в школе. Только в последний день конференции приехала она вместе со своим спутником. Снятая с Ивана Герасимовича в дни его пребывания в Петрограде фотография и пастельный портрет, сделанный одной из студенток института Спасской, вскоре безвременно погибшей, очень верно пере-

дают его внешний облик. Это был человек немногого выше среднего роста, статный, худощавый шатен с небольшой окладистой бородкой и светлыми, необычайно искристыми глазами, крепкий на ногах, степенный и приветливый, несколько медлительный в движениях и речи. Он хорошо знал, что к мастерству, которым владела его семья, есть интерес в научных и художественных кругах, и охотно готов был знакомить с ним. Институт в это время помещался на площади Островского в доме, до октябрьской революции принадлежавшем Городскому кредитному обществу. Здесь, в третьем этаже, в бывшем концертном зале, происходила конференция. Все ждали приезда сказителя и волновались, боясь, что он опоздает. Но вот, в самый момент закрытия конференции в зал вбежала в валенках и шубейке, с платком на голове А. И. Смирнова. Она вела с собой Ивана Герасимовича. Все были потрясены удачей. И прямо с поезда, не успев умыться и закусить, Иван Герасимович был вынужден выступить на конференции. Ни сцены, ни эстрады не было. Наскоро составили несколько столов, на стол поставили венский стул, он сел и негромким голосом запел былины, гулко разносившиеся в зале со скверной акустикой. В переязвах А. И. Смирнова рассказывала о своих путевых приключениях. Успех Рябинина был неопределенный: присутствовавшие на конференции лица, повидимому, ожидали профессионального мастерства. Мастерство же Рябинина было несомненно высоким и в то же время глубоко отличным от обычного профессионального. Во всяком случае, внешний успех был большой. Он спел около десяти былин; слушатели, и без того утомленные конференцией, затруднялись прослушивать былины, длившиеся минут по 15—20 каждая, и устали. Но аплодисменты были восторженные. Рябинина обступили — начались расспросы.

Рябинин поселился у меня, а я жил в то время в институтском доме, в нижнем этаже. Работа моя с ним началась со следующего же дня. Опубликованные Ляцким рябининские былины вместе с нотным сопровождением мне были хорошо знакомы; мало того, я знал все напевы и умел их воспроизводить. Это мне облегчало работу с Иваном Герасимовичем и заостряло интерес к его текстам и его напевам. И первое, что я заметил, это прочность былинной традиции у них в роду. Но записи Ю. И. Блока по-новому представили передо мной после того, как я услышал былины в исполнении Ивана Герасимовича.

Иван Герасимович знал много былин (я сейчас не помню, сколько именно). Но все они пелись на три напева: на один напев — былина о Вольге и Микule, на другой о Василии

Окулиевич и на третий—все остальные былины. По словам Ивана Герасимовича в их роду в старину число напевов было больше, но они со временем забылись. По манеру исполнения каждый из трех напевов имел свои особенности: былину о Вольге и Микуле Иван Гераимович исполнял более декламационно, передавая мелодикой напева интонации разговорной речи, два других напева интонировались значительно более песенно, напевно.

Как в этом легко убедиться по прилагаемым нотным образцам, третий напев состоял из двух музыкальных полустроф. Любой из своих стихов Рябинин мог легко уложить в любую полустрофу, варьируя расстановку вставных ритмических словечек: то, ведь, а, да, и. Если исполнители не перебивали, то он связывал стихи текста и музыкальные полустрофы, по моему впечатлению, самопроизвольно, импровизационно, причем вслед за первой вторая повторялась несколько раз, в целом формируя подобие строф. Но стоило задать ему во время исполнения какой-нибудь вопрос или ему чем-нибудь отвлечься, как вслед за этим неизменно следовала первая половина музыкальной строфы.

Словесная ткань во время свободного исполнения каждый раз несколько разнилась от словесной ткани во время замедленного исполнения или диктовки для записи. И, когда я ему задавал вопрос, какой же именно текст правильный, он неизменно отвечал: «А все равно, как хочешь, так и пиши». Я провел с Рябининым много времени и много его записывал. В итоге у меня сложилось впечатление, что в исполнении И. Г. Рябинина несомненно присутствовал момент автоматизма, наблюдаемый у декламаторов в тех случаях, когда они слишком часто выступают с исполнением данного произведения. Так, например, даже целые эпизоды вставлялись или выпускались зачастую непроизвольно, по чисто мнемоническим причинам. Это явление в исполнении былин необходимо учесть, чтобы ошибочно не приписывать художественно-творческому процессу факты, имеющие чисто технологическую природу.

Исполнение Рябинина было, по моим наблюдениям, внеэмоциональным.

Наблюдения над Рябининым убедили меня еще раз в том, что ритмико-мелодическая структура былины является прекрасным мнемоническим и организующим текст средством и что утрата ее влечет за собой деформацию текста. Знакомство с Рябининым привело меня и моих учеников к напевному исполнению эпоса с индивидуальной для каждого данного исполнителя композицией напева. Образцы подобных композиций опубликованы в моей работе «Искусство декламации».

Проф. В. Всеволодский-Гернеросс

БЫЛИНЫ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

[Илья Муромец и Калин-царь]

Как Владимир князь да стольне-киевский
С Ильей Муромцем да й порассорился,
Порассорился с козаком Ильей Муромцем,
Засадил козака Илью Муромца

5 А на тыя ль на погребы глубокии,
 А на тыя ль на ледники холодныи,
 А за тыи за решетки за железныи,
 А на тыя на қазени на смертныи.
 Не на мало поры-времени — на три году,
10 На три году й на три месяца,
 Чтобы не был жив дуродний добрый молодец.

У ласкового князя у Владимира
А любимая была дочька одинакая,
Она видит дело есть нехорошее:
15 Посадили дуродня й добра молодца

А на тыя погребы глубокии,
А на тыи ль ледники холодныи,
А за тыи за решетки железныи,
А на тыя на қазени на смертныи,
20 Не на мало поры-времени — на три году,
 На три году й на три месяца,

А который бы дуродний добрый молодец
Постоять бы мог за веру й за отечество,
Сохранить бы мог да й стольней Киев-град,
25 А сберечь бы мог бы церкви божии,
 А сберечь бы мог князя Владимира.

Она сделала ключи поддельные,
Положила людёй да и потаённых,

А снесла она и ествушки сахарные,

Да и снесла она питьвица медвяный,

Да и перинушки-подушечки пуховые,

А сдяляшки снесла теплый,

На себя она шубоньку ведь ю куньею,

А сапоженки на ноженки сафьянныи,

На головушку шапку соболиную.

В полону сидит дуродний добрый молодец,

В полону сидит да и под обидою,

Он не старится да и лучше ставится.

А тут в ту ль пору, в тое ль времячко

Да и на тот на славный стольний Киев-град

Воспылал собака ли царь Калина.

Посыает он посла да и в стольней Киев-град,

Пословешно собака он наказывал,

Говорит-то и собака таковы слова:

«Поезжай-ка, мой посланник, в стольний
Киев-град,

Заезжай-ка к князю и на широкий двор,

Станови коня ты богатырьского,

Выходи на матушку и сырь землю,

Ты и спускай коня на двор да и не привязывай,

Ты иди в палату белокаменну,

На пяту ты дверь да и поразмахивай,

Не запирай дверей в палату белокаменну,

Не снимай-ка кивера ты со головушки,

Не клади креста да и по писанному.

Не веди поклонов по ученому,

А ты князю Владимиру и не кланяйся,

Яго всем князьям да и подколенными,

Положи-тка грамоту на золот стол,

Пословесно князю выговаривай:

«Ты, Владимир князь да и стольне-киевский,

А очисти-тка ты улицы стрелецкии,

Все широки дворы княженецкии,

А наставь-ка ты хмельних напиточёк,

Чтобы бочечка о бочечку и частёхонько,

А частёхонько были, близёхонько,

Чтобы было б где стоять собаке царю Калине

Со своима и войсками со великими».

Тут поезжает посланник в стольней Киев-град,

Он садился молодец да на добра коня,

30

35

40

45

50

55

60

65

70 Приезжал во славный стольней Киев-град,
Заезжал ко князю й на широкий двор,
Становил коня да й богатырского,
Выходил на матушку й сырь землю,
Он спускал коня во двор да й не привязывал,
75 Скоро шел в палату белокаменну,
На пяту он дверь да й поразмахивал,
Не запирал дверей в палату белокаменну,
Не снимал он кивера да й со головушки,
Не кладет креста он по писанному,
80 Не ведет поклонов по учёному,
А он князю Владимиру й не кланялся,
Яго всем князьям да й подколенным,
Положил он грамоту й на золот стол,
Пословесно князю й выговаривал:
85 «Ты, Владимир князь да й стольне-киевский,
А очисти-тка ты улицы стрелецкии,
Все широки дворы княженецкии,
А наставь-ка ты хмельних напиточёк,
Чтобы бочечка о бочечку й частёхонько,
90 А частёхонько были, близёхонько,
Чтобы было б где стоять собаке царю Калине
Со своима й войсками со великими».
Тут Владимир-князь да й стольне-киевский
95 А садился князь Владимир на ременчат стул,
А писал он грамоту й посыльнию
А тому ль собаки царю Калины,
А просил он строку поры-времени,
Не на мало поры-времени—на трй году,
100 Нà три гòду и на три месяца:
«Ай же ты, собака ли царь Калина,
А дай-ка мни сроку поры-времени
Не на мало поры-времени—на трй году
Приочистить улицы стрелецкия,
Все широки дворы княженецкии,
105 А наставить хмельных напиточек,
Чтобы бочечка о бочечку частёхонько,
А частёхонько были, близёхонько,
Чтобы было б где стоять собаке царю Калине
Со своима й войсками со великими».
110 Подает он грамоту послу да й во белы руки,
Тут пошел посланик на широкий двор,
А садился посланик на добра коня,
Приезжал посланик к собаке царю Калине,

115 Подавает он грамоту посыльнико
 А тому ль собаке царю Калины.

116 Этот собака ли царь Калина

 Прочитал он грамоту и посыльнико
 От того ль от князя и от Владимира,

117 А дает он яму строку поры-времени

 Не на мало поры-времени — на три году,
 На три году и на три месяца —

 Приочистить улицки стрелецкии,

118 Все широки дворы княженецкии,

 А наставить хмельных напиточек,

 Чтобы бочечка о бочечку и частёхонько,

 А частёхонько были, близёхонько,

 Чтобы было б, где стоять собаке царю Калине
 Со своима и войсками со великими.

119 Да и прошло тут времячки по год поры,

 Да и прошло тут времени по два году,

 Да и прошло тут времени по три году,
 Ведь по три году и по три месяца.

 Тут докладывают ко князю ко Владимиру:

120 «Ты, Владимир князь да стольне-киевский,

 Ты сидишь во тереме златом верьхи,

 А ты ешь да пьешь да и прохлаждаешься,
 Над собой невзгодушки не ведаешь.

121 А ведь твой-то славный стольней Киев-град

 В полону стоит да и под обидою —

 Обошла его литва поганая

 А того ль собаки царя Калины,

122 Он хочет черных мужиков твоих повырубить,

 Хочет божья церкви все на дым спустить,

 А тебя, князя Владимира, в полон-то взять

 Со Опраксией да королевицей,

123 А в полон-то взять да и голову срубить».

 Прикручинился Владимир, припечалился,

 Он ходил по горенке столовоей,

 Да и погуливал о столики дубовые,

124 Да и ронил Владимир горючий слезы,

 Говорил Владимир таковы слова:

 «А я глупость сделал князь да стольне-киевский —

 Засадил дуродня и добра молодца,

 Старого козака Илью Муромца

 А на тыя погребы глубокии,

 А на тыи ледники холодныи,

 А за тыя ль решетки за железныи,

Не на мало поры-времени—на три году,
 На три году й на три месяца,
 А который бы дуродней добрый молодец
 Постоять бы мог за веру й за отчество,
 Сохранить бы мог наш Киев-град,
 А сберечь бы мог он церкви божии,
 Да й сберечь бы мог меня, князя Владимира».

Тут у славного у князя й у Владимира
 А любима й была дочь одинакая,
 Говорит она да й таковы слова:
 «Ай же, батюшка да й ты Владимир-князь,
 А прости-ка ты й меня в вины великой,
 А я сделала ключи поддельные,

Положила людей потаенных
 На тыи погребы глубокии,
 Да й снесли-та й ествушки саха́рни,
 Да й снесли-та й питьвица медъяны,
 Да й перинушки-подушечки пуховыи,
 Одеялушки снесли да й теплыи,
 А сапоженки на ноженки сафьяны,
 На себя снесли да й кунью шубоньку
 А шапку на головушку й соболиную
 А тому ль дуродню добру молодцу,
 Старому козаку Илье Муромцу.

Он есть жив богатырь святорусский,
 В полону сидит да й под обидою,
 Он не старится да й лучше ставится».

Тут Владимир князь да й стольне-киевский
 А берет Владимир золоты ключи,
 Да идет на погребы й глубокии,
 Отмыкает погребы глубокии,
 Усмотрел он дуродня добра молодца,
 Старого козака Илью Муромца.

На себѣ у него да й кунья шубонька,
 А сапоженьки на ноженьках сафьяны,
 На головке шапка соболиная,
 Да й перинушки-подушечки пуховыи,
 А оды́ялышки да й еще теплыи,
 Перед ним стоит ествушка саха́рни,
 Перед ним стбит питьвицо медъяны,
 В полону сидит богатырь святорусский,
 Он не старится да й лучше ставится».

—
 Тут Владимир князь да й стольне-киевский,
 Он берет ёго й за ручушки за белыи,

- Да й за перстни брал да й за злачёныи,
 Целовал во устà да й во сахарнии,
 Да й повел его в палату белокаменну.
- 205 Приводил его в палату белокаменну,
 Да й во горенку он во столовую,
 Да й садил за столики дубовые,
 За тыи за скамеечки окольнии,
 Да й кормил яго ествушкой сахарноей,
 Да й поил яго питьвицем медъяниым.
- 210 Говорит Владимир таковы слова:
 «Ай же, старый козàк ты Илья Муромец,
 Ты прости меня в вины великоей,
 На меня ты, князя, ведь не гневайся,
 А постой-ка ты за веру й за отечество,
 Да й за тот за славный стольней Киев-град,
 Да и за тыя ль за церкви да й за божии,
 За меня за князя за Владимира,
 Наш ведь Киев-град да й в полону стоит,
 220 В полону стоит да й под обидою—
 Обошла ведь его литва поганая
 А того ль собаки царя Кàлины,
 Хочет черных мужичков он всех вырубить,
 Хочет божьяя церкви все на дым спустить,
 225 А меня, князя Владимира, в полон возьмет
 Со Опраксией да й королевишной».
- Так тут старый козак да Илья Муромец
 Он поел тут ествушёк сахарниих,
 Да й попил тут питьвицов медъяниих,
 230 Выходил за столиков дубовых,
 Да й за тых скамеечек окольниих,
 Выходил на славный на широкий двор,
 Да й на тот на славный стольне Киев-град.
- Он ходил-гулял по городу по Киеву,
 235 Цельный день гулял с утра й до вечера,
 Заходил в свою палату й белокаменну,
 Да й во тую ль горенку столовую,
 Он садился к столику дубовому,
 А за тыи скамеечки окольнии,
 240 Он псел тут ествушки сахарной,
 Да й попил он питьвицов медъяниих,
 Спать ложился й на кроваточку тесовую,
 Да й на тую ль на перинушку пуховую,
 А поутрушку встовал ранешенько,
 245 Умывался он да до белёшенька,

Одевался он да й хорошёхонько,
Он одел одёжу драгоценную,
А снарядную одёжицу опальную,
Манишечки-рубашечки шелковыи.

- 250 Да й берет свой түгой лук разрывчатой,
А набрал он много стрелочек каленых,
А берет свою он саблю вост्रую,
Свое вострое копье да й муржамецкое,
Выходил молодец тут на широкий двор,
255 Заходил он в конюшню во стоялую,
А берет тут молодец добра коня,
А берет коня за поводы шелковыи,
Яго добрый конь да й богатырский,
Не в примèр лучше он выпоен да й выкормлен
260 У его ли паробка любимого.
Говорит тут старый козак Илья Муромец:
«Ай же, верный мой слуга ты неизменныи,
Я люблю тебя за то и жалую,
Что кормил, поил ты моего добра коня».
- 265 Он берет коня за поводы й шелковыи,
Выводил коня да й на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Стал добра коня молодец заседлывать,
Он заседлывал коня да й закольчуживал,
270 Садился молодец да й на добра коня,
Да й поехал молодец и с широка двора,
С широкà двора в раздольице чисто полё,
Подъезжал ко рать-силы великоей.
Он скочил на гору й на высокую,
275 Посмотрел на все четыре на сторонушки,
Он не мог насмотреть конца й краю силы
татарской,
- А скроль пару-та ведь лошадиного,
Да скроль того пару человечьего
Да й не может пропекать да й красно солнышко,
280 От ржания да й лошадиного,
А от покриков да й человечецких
Ужкается сердечко й молодецкое.
А тут старый козак Илья Муромец
Он спускался с той горы высокой,
285 Он тут ехал по раздольицу й чисту полю
А об эту рать-силу великую.
А скочил на ету гору на высокую,
Посмотрел на все четыре на сторонушки,

Он не мог насмотретьъ конца и краю силы
татарской;
290
От того ли пару лошадиного,
Скрозь того пару человечьего
Не может пропекать да и красно солнышко.
Ото ржания да и лошадиного,
А от покриков да и человечецких
Ужахается сердечко и молодецкое.
Старый козак Илья Муромец
Он спускался с той горы высокой,
Он тут ехал по раздольицу и чисту полю,
А об этую о рать-силу великую.

300 Да и скочил на гору и на высокую,
Посмотрел на все четыре и на сторонушки,
Посмотрел он в восточную сторонушку,—
А во той восточной сторонушки,
Во славном во раздольице чистом поли
305 Стоят добры кони богатырских
У того ль они да и у бела шатра,
Оны зоблют пшеницу белоярову.
Так тут старый козак да Илья Муромец
310 Он спускался с той горы высокой
А поехал в восточную сторонушку
Ко тому он да и ко белу шатру,
Приезжал молодец тут ко белу шатру,
Становил коня он богатырского,
315 Выходил на матушку и сырь землю,
Принакинул кдю и поводы шелковые.
320 Он спустил коня к полтну белому,
Яго и добрый конь да и богатырский
Смелой грудью шел к полтну белому,
А все добрыя кони расскочилися.
Говорит старый козак тут Илья Муромец:
325 «А ведь верно есть еще и во белом шатри
А мне-то есть еще божья помочь».
Тут старый козак Илья Муромец
Заходил тут он да и во белой шатер.
А во том во славном ёо белом шатри
330 А его крестовый еще и батюшка,
А Самисон-то есть да и Самойлович
Со своей дружинушкой хороброей.
Он садится хлеба-соли кушати,
Говорит Самсон да и таковы слова:
335 «Ай же, крестничек да ты любимый мой,

Старый козак да Илья Муромец,

А садись-ка с намы за единый стол,

А поешь-ка ествушки сахарнейей,

335 Ты попей-ка питьвицов медъяных».

А тут старый козак да Илья Муромец

А садился молодец тут за единый стол,

Да й поел он ествушек сахарниих,

Да й попил он питьвицов медъяных.

340 Тут удалыя дуродни добры молодцы

А ложатся спать да й ко белом шатри.

Говорит Илья тут таковы слова:

«Ай же ты, крестовый ты мой батюшка,

А Сампсон же ты да и Самойлович!

345 А вы вся дружинушка хоробрая,

Вы й седлайте-тка коней богатырских,

Да й поедемтя в раздолыице в чисто поле,

Постоимтя за веру й за отечество,

Сохранимте мы да й стольний Киев-град,

350 Сохранимте мы да й церкви божии,

Сберегёмте мы князя й Владимира».

Говорит тут Самсон еще й Самойлович:

«Ай же ты, любимыи мой крестничек,

Старый козак да Илья Муромец,

355 А не будем мы коней седлать,

Не поедем в раздолыице й чисто полё

В поле биться, больно й раниться

А на тыи на удары й на тяжелыи,

А на тыи ль побоища на смертныи.

Много есть у князя й у Владимира,

360 Много есть господ да й бояринов,

Он их кормит, пойт, да он их жалуёт,

Ничего ведь мы от князя й не предвидели».

Так тут старый козак да Илья Муромец

265 Он ведь бьет целом еще й на другой раз,

Говорит тут молодец он таковы слова:

«Ай же ты, крестовый ты мой батюшка,

А Сампсон же ты да и Самойлович,

А вы вся дружинушка хоробрая,

370 Вы седлайте-тка коней богатырских,

Да й поедемтя в раздолыице в чисто поле,

Постоимтя за веру й за отечество,

Сохранимте мы да й стольний Киев-град,

Сохранимте мы да й церкви божии,

Сберегёмте мы князя й Владимира».

Говорит тут Самсон еще й Самойлович:

«Ай же ты, любимый мой крестничек,
Старый козак да Илья Муромец,
А не будем мы коней седлать,
Не поедем в раздольице й в чисто полё,
В поле биться, больно й раниться
А на тыи на удары й на тяжелыи,
А на тыи ль побоища на смёртныи.
Много есть у князя й у Владимира,
Много есть господ да и бояринов,
Он их кормит, пойт, да он и жалуёт,
Ничего ведь мы от князя й не предвидели».

Старый козак да Илья Муромец

А он бьет целом еще й по третий раз,
Говорит молодец да й таковы слова:
«Ай же ты, крестовый мой батюшка,
А Самсон же ты да и Самойлович!
А седлай-тка коней богатырьских,
Мы поедемте в раздольице чисто поле,
Постоимте за веру за отечество,
Сохранимте вы да й церкви божии,
Сберегёмте вы князя Владимира».

Так тут все молодцы на спокой легли.

А старый козак да Илья Муромец
Выходил молодец да из бела шатра,
Да й садился молодец тут на добра коня,
А поехал в раздольице й чисто полё
Да й ко той ли рать-силе ко великоей.
Подъезжал он ко рать-силе ко великоей,
Он просил себе тут бoga на помочь,
Да й пречистую пресвятую богородицу,
Препускал коня он богатырьского
На етую на рать-силу великою.
А он стал как силы с крайчика потаптывать,
Как куда проедет—падёт улицмы,
Перевёрнется—дак переулкамы.
Яго добрый конь тут богатырьский

Взлепетал языком человечецким:

«Ай же, старый ты козак да Илья Муромец,
Напускаешь ты на рать-силу й великую.
А ведь сила есть тут очинь сильняя,
А ведь воины-то есть могучии,
Полянницы есть ведь разудалыи;
Есть три подкопа подкопаны глубокиих,

420 Я прогрязну в первы ямы-подкопы глубокии,
Я оттуда с подкопов повыскочу,
А тебя Илью й Муромца повыздыну;
Я прогрязну в други ямы-подкопы глубокии,
А я с дрѹгих ям-то ведь повыскочу,
А тебя Ильи Муромца й повыздыну;

425 Я и прогрязну в треты ямы-подкопы глубокии,
Я ведь с третьих ям да как-нибудь повыскочу,
А тебя Ильи Муромца не выздыну».

Разгорелося сердце и у богатыря
430 А у старого ль козака Ильи Муромца.
Говорит тут он да и таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да и травяной мешок,
Ты оставить хочешь в ямах во глубокиих!»
Он берет тут в руки плеточку шелкющую,
435 Он тут бил коня да и по тучной бедры,
Первый раз он бил коня между ушай,
Другой раз он между ноги между задни,
А давал удары все тяжелыи.

Яго и добрый конь тут богатырскии,
440 По чисту полю он стал поскакивать,
Не в пример он зло поехал по чисту полю.
Он прогрязнул в первы ямы-подкопы глубокии,
А он с первых ям еще и повыскочил,
Да и козака Илью Муромца й повыздынул.

445 Он прогрязнул в други ямы-подкопы глубокии,
А он с дрѹгих ям еще и повыскочил
Да и козака Илью Муромца повыздынул.
Он прогрязнул в треты ямы-подкопы глубокии,
450 С третьих ям конь еще и повыскочил,
А козака Илью Муромца и не выздынул,
Он свернулся с седельышка черкальского,
А упал в ямы-подкопы глубокии.
Не могли захватить коня и татарова,

455 Тут нападали татарова и поганыи
На того ль дуродня добра молодца,
Да и сковали Ильи да и ножки резвии,
Да и связали Ильи да ручьки белыи,
Да и хотели срубить буйнъ и головушку.

Говорят тут татарова поганыи:
460 «Не рубите-ка ему буйной головушки,
Ето есть богатырь святоруссъкiiи,
Вы сведемте его к собаки царю Калину,

Что он знает, над ним да^к то пусть и
делает».

Повели тут дуродня добра молодца

465 А к тому собаке царю Калину

Приводили к собаке царю Калину

А вот оне да и в^о бел шатер.

Говорит собака ли царь Калина:

«Ай же ты, стеръва й молодой щенок,

470 Напускаешь ты й на рать-силу великую,

А ведь сила есть тут очень силеняя,

Воины ведь есть могучии,

Паляницы есть ведь разудалыи,

Есть три подкопа подкопачы глубокии,

475 Ай же, старый ты козак да Илья Муромец,

Не служи-ка ты князю ведь Владимиру,

Ничего ведь вы от князя не предвидите.

А служи ты мне собаке царю Калины,

Положу я тёбе ествушку й сахарнию,

480 Положу я тёбе питьвица медъянии,

Я дарить буду й дары драгоценныи».

Говорит собака ли царь Калина:

«А раскуйте-ка Ильи вы ножки резвыи,

Развяжите-ка Ильи да ручьки белыи».

485 Расковали Ильи да ножки резвыи,

Развязали Ильи да ручьки белыи.

Старый козак тут Илья Муромец

А вставал молодёц на резвы ноги,

Говорит тут он да й таковы слова:

490 «Ай же ты, собака ли царь Калина,

Не могу я служить тебе собаке царю

Калины,

У мёй сделаны заповёдй вёйкии,

Что служить мне князю-то Владимиру,

Сохранять мне надо стольний Киев-град,

495 Сберегать я й буду церкви божии,

Сохранять буду веру православную,

Сберегать буду князя Владимира».

Так тут старый козак Илья Муромец

Повернулся он тут в шатри белоем,

500 Да й пошел в раздольице в чисто полё.

Говорит собака ли царь Калина:

«Ай же, мои вы слуги верныи,

Вы скуйте-ка Ильи да й ножки резвыи,

Вы свяжите Ильи да й ручьки белыи».

506 Тут нападали татарова поганыи
На того ль козака Илью Муромца,
А тут старый козак да Илья Муромец
Он схватил татарина как за ноги,
Он как стал татарином помахивать,
Он тут стал татар да й поколачивать,
А татары от него да й стали бегати.
А он бросил татарина тут в сторону
Да й пошел в раздольице й чисто поле.
Пригодились быть при себе свистки да й
богатырский,
515 Засвистал в свистки он богатырский —
Яго добрый конь тут богатырский
Прибежал он из чиста поля
А со всею сбруей богатырской.
А тут старый козак да Илья Муромец
520 Он берет коня за поводы шелковые,
Садился молодец тут на добра коня,
Да й поехал по раздольицу й чисту полю.
Он вскочил на гору й на высокую,
Посмотрел в восточную сторонушку, —
525 А во той восточной сторонушке
А стоят кони богатырский
У того ли они да й у бела шатра,
Они зоблют пшеницу белоярову.
Так тут старый козак да Илья Муромец
530 Выходил на матушку й сырь землю,
Скоро й тугой лук разрывчатой отстегивал
От правого ль стремечки булатного,
Натянул тетивочку шелковую,
Наложил он стрелочку каленую,
535 Говорил Илья да й таковы слова:
«Ты просвистни, моя стрелочка й каленая,
А во славное раздольице чисто поле,
А пади-ка ты да й в етот бел шатер,
А ты выхвати крышку со бела шатра,
540 Да й пади Самсону на белы груди,
Выхвати цапенъку й немалую,
А немалую цапенку нёврёдимую».
Да й спустил от тетивочки шелковую
А во ету стрелочку каленую.
545 Тут просвистнула яго стрелочка каленая
А во ето славныи во белой шатер,
Она й выхватила крышку со бела шатра,

Она пала Самсону на белы груди.

У того ль Самсона у богатыря

Пригодился быть да крест на вороти,

Крест на вороти да й ровно три пуда.

Пробудился он от звону от крестового,

Да й вскочил Самсон тут на резвы ноги,

Говорит Самсон тут таковы слова:

«Ай же, мои братьица крестовыи,

Вы богатыри да святорусский,

Вы встовайте, братцы, на резвы ноги,

Да й седлайте коней богатырских,

Прилетели нам гостинички-подарочки

От моего крестничка любимого,

А от старого козака Ильи Муромца,

А его ведь стрелочка каленая

Выхватила крышку й со бела шатра,

А пала мнё да й на белы груди.

Вы поедемтя в раздольице в чисто поле,

Постоимтя за веру, за отечество,

Верно мало ему в поле можется,

Сохранимте мы да стольний Киев-град,

Сохранимте мы да й церквы божии,

Сберегемте мы князя й Владимира».

Тут удалыя дуродни добры молодцы

Оседлали коней богатырских,

А садились на коней богатырских,

А поехали в раздольице й чисто ноле,

А ко етой ко рать-силе великоей.

А старый козак тут Илья Муромец

Он тут смотрит с горы высокоей,

А куда поедут ети двенадцать да й
богатырей —

А ко рать ли силе ю великоей,

Аль во тде во раздольице чисто полё.

Тут поехали двенадцать-та й богатырей

А ко той ли рать-силе великоей,

А тут старыи козак да Илья Муромец .

Он поехал наперелуч тринадцатый.

Оны съехались тут, поздоровались,

Становили добрых коней богатырских,

Оны делали сговор между собой,

Как же им побить лягва поганая.

Говорит старый козак да Илья Муромец:

«Ай же, мои братьица крестовыи.

Вы богатыри да святорусский,
А ведь сила есть тут очень сильная.

А ведь воины тут есть могучии,
Полянцы есть тут разудалыи,
595 Есть три подкопа подкопаны глубоцни».

Тут удалый дуродни добры молодцы
А просили себе да й бога на помочь,
Пречистую пресвятую богородицу.

600 Припускали добрых Ѳней богатырских

А на етую на рать-силу великую,
Стали силы с крайчика й потаптывать,
А куда поедут — падёт улицмы,
Перевернётся — дак переулкамы.
Оны вытоптали силушку, повыблой

605 А того ль собаку царя Калину
А оне его да ведь и в плён брали.

Говорят удалы добры молодцы:

«А отрубимтя собаке буйну й голову».

Говорит старый козак да Илья Муромец:

610 «Ай же, мои братица крестовыи,
Вы богатыри да й святорусский,

Не рубите ему буйной головушки,

А свеземте яго да й во стольний Киев-град
А ко ласковому князю ко Владимиру,

615 Что он знает, над ним так то пусть делает».

Привозили тут собаку Калина

А во тот во стольний Киев-град

А ко ласковому князю ко Владимиру.

Говорят удалы добры молодцы:

620 «Ты, Владимир да й князь стольне-киевский,
Привезли тиби царя Калину,

Что ты знаешь, над ним да то и сделаешь.

А яго мы рать-силу великую

Мы разбили в раздольице чистом поли».

625 Говорит тут князь Владимир таковы слова:

«Благодарствуй вас, могучии богатыри,
Что стояли вы за славный стольний Киев-град,

Охраняли да й церкви божии.

Сберегли меня князя Владимира».

630 А того собаку царя Калину

Отпустил во славну во темну Орду.

Да и тым былинечка й покончилась.

ССОРА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Да и́ Владимир князь да и́ столыне-киевский
 С Ильей Муромцем он порассорился,
 Порассорился с козаком Ильей Муромцем.
 А он нё позвал казака Илью Муромца
 5 А на тот на славный на почестный пир,
 А пришло ето Ильи да и́ за обидушку,
 За великую пришло и́ досадушку.
 Он берет свой тугой лук разрывчатой,
 А набрал он много стрелочек каленых,
 10 Пошел ходить по городу по Киеву,
 Он ходил-гулял о матушки божьи церкви,
 А на тых на матушках божьих церквях
 Он всеми крестички золоченыи да и́ повыстрелял,
 А все маковки он золочёныи повыломал
 15 Из того ли он да из туга лука.
 Тут вскричал Илья да и́ во всю голову,
 Во всю голову скричал да и́ громким голосом:
 «Ай же, пьяницы, голи́ кабацкие!
 Выбегайте с кабаков, домов питейных,
 20 Оберайте кресты, маковки да и́ золоченыи,
 Вы несите в кабака, дома питейныи,
 А вы пейте зелено вино-та и́ досыти,
 Пропивайте кресты, маковки да и́ золоченыи».
 Услыхали пьяницы голи́ кабацкие,
 25 Выбегали с кабаков, домов питейных,
 Оберали кресты, маковки да и́ золоченыи,

А несли в кабака, дома питейныи,
Оны пили зелено вина там досыта.

Тут докладают ко князю и ко Владимиру:

«Ты, Владимир князь да стольне-киевский,
Ты сидишь во тереми златом верьхи,
А ты ешь да и пьешь да прохлаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь.

Твой богатырь святорусский,

Старый козак да Илья Муромец
Он ходил-гулял о матушки златы церкви,
А на тых на матушках божьих церквях
Он вси крестики золоченыи повыстрелял,
А он маковки золоченыи повыломал
Из того ли он да из туга лука.

А кричал Илья да и во всю голову,

Во всю голову скричал да и громким голосом:
«Ай же, пьяницы, голи кабацкие,
Выбегайте с кабаков, домов питейных,
Оберайте кресты, маковки да и золоченыи,
Вы несите в кабака, дома питейныи,
А вы пейте зелено вино-та и досыта,
Пропивайте кресты, маковки да и золоченыи!».

Говорит тут князь Владимир стольне-киевский:

«Ай же вы, князья да мои бояры,
Сильни русский могучий богатыри,
А вы думайте-тка думу креинскую,
Как же мне с Ильей да помиритися».

Тут Владимир князь да стольне-киевский

Заводил - то князь Владимир он почестный
пир,

А почестный пир да и он на другой день,
На многих князей, на многих бояров,
Да и на сильных могучих богатырей,
Да и на славных паляниц-та и разудалых.

Собирались все князья и бояры,

Сильни русский могучий богатыри,
Паляницы тут да и разудалыи,
А на тот да и на почестный пир.

Говорит тут князь Владимир стольне-киевский:

«Ай же вы, князья да вы и бояры,
Сильни русский могучий богатыри,
Паляницы вы да и разудалыи,
Мни кого из вас послать позвать козака Илью
Муромца

А на тот на славный на почестный пир?

70 Самому пойти мне ведь не хочется.

А Опраксия послать, так не к лицу придет».

Говорит тут Владимир таковы слова:

«Ай же ты, молоденькой Добрынюшка Микитинец,

85 А сходи-ка ты к козаку Ильи Муромцу,

Позови его да й на почестен пир

А от имени от князя от Владимира,

А от имени Опраксии королевичной».

Молодой Добрынюшка Микитинец,

Он ставал скореньку на резьбы ноженки,

Одел шубку кунью на одно плечко,

Одел шапочку соболью на одно ушко,

Да й пошел к козаку Ильи Муромцу,

Приходил он к козаку Ильи Муромцу

90 А во тую палату белокаменну,

Проходил во горенку столовую.

Он ведь крест кладет да й по писанному,

А поклоны ведет да по ученому,

На два, три, четыре стороны поклоняется,

А козаку Ильи Муромцу в особенну.

95 Говорит Добрыня таковы слова:

«Ай же, братец мой да й ты крестоный мой,

Старый козак да Илья Муромец!

Ты не гневайся на князя на Владимира,

100 А пойди-ка к нему на почестный пир,

На почестный пир да й пированьице

А от имени от князя от Владимира,

А от имени Опраксии королевичной».

Так тут старый козак да Илья Муромец

Он скореньку ставал да й на резьбы ноги,

Одел кунью шубку на одно плечко,

Одел шапочку соболью на одно ушко,

Да й пошли на пир ко князю ко Владимиру.

Приходили ко князю й на широкий двор,

Проходили в палату белокаменну,

110 Да й во тую ль горницу столовую;

Старый козак да Илья Муромец

А он крест кладет да й по писаному,

А поклоны он ведет да й по ученому,

На два, три, четыре стороны поклоняется,

А он князю Владимиру в особенно,

Его всем князьям дай подколенными.

Говорит тут князь Владимир таковы слова:

«Ай же, старый козак да Илья Муромец,
На меня ты князя ведь не гневайся,
115 А садись-ка с намы за единый стол,
Да и садись-ка ты во место бòльшее,
Да и поешь ты ествушки сахàриой,
Да попей ты питьвицов медьвяных».

Так тут старый козак да Илья Муромец
120 А садился он да за единый стол,
А во тое ль он во место бòльшее,
Так тут все на пирù да и наедалиси,
Наедалиси да оны досыти,
Аще все на пирù да и напивалися,
125 Напивалися до оны допьяна.
Да и тым былиночка и пекончилась.

3

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ДОЧЬ ЕГО]¹

А биться боем-рукопашкою.
 Выходили на матушку й сырь землю,
 Оны бились боем-рукопашкою.
 Ета й паляница разудалая
 А весьма была злодогадлива,
 Подходила к добру й молодцу й близёхонько,
 Осадила молодца во конинный ступ,
 А схватила молодца да й на косу бодру,
 А сдынула молодца да й выше головы,
 Да й спустила да й ниже пояса,
 Ниже й пояса на матушку сырь землю.
 Поскореньку становилась на белы груди,
 Во рукàх она дёржит свой булатний нож,
 А хотит срубить-то й буйную й головушку,
 Распластать ему да й груди белы,
 А достать его сердце й со печеньем.
 Занесла свою да й ручьку правую,
 Ручьку праву й занесла да й выше головы,
 А хотит спустить да й ниже пояса.
 Правая рука в плече да й застояласи,
 Во очах у ней свет да помущается,
 Она стала у богатыря выспрашивать:

¹ Начало утрачено

«Ты скажи-тка, удалый добрый молодец,
И с коёй земли ты и с коёй орды,
Ты какого отца да ты есть матери,
А кдю жё есть роду-племени,
Как же тебя да именём зовут,
Удалого звеличают по отечству?»
Старый козак тут Илья Муромец
Размахнул свои да й очи ясныи,
Он тут смотрит — стоит паляница на белой
груди.

Во руках она дёржит свой булатний нож.

Он ударил своей ручькой правою

А со всёю силой богатырской

А по той палянице разудалоей.

Он тут сбил паляницу из белой груди,

Поскореньку вскочил да на резвы ноги,

Да й схватил паляницу й на косу бодру,

А сдышнул он паляницу выше головы,

А спустил он паляницу ниже пояса,

Ниже пояса на матушку сырь землю.

Поскореньку становился на белы груди,

Во руках он дёржит свой булатний нож,

Он занёс свою да й ручьку й правую,

Ручьку правую занёс он выше головы,

Да й хотит спустить да й ниже пояса.

Правая рука в плече да й застояласи,

Во очах у няго свет да й помущается,

Он тут стал у паляницы повыспрашивать:

«Ты скажи мни, паляница й разудалая,

Ты с коёй земли и с коёй орды,

Ты какого отца да ты есть матери,

А кдю же есть роду-племени,

Как же тебя да именём зовут,

Удалого звеличают по отечству?».

Говорила паляница, слёзно плакала:

«Ах ты, старая базыка новодревная,

Теби просто надо мною надсмехатися,

Как стоишь ты на моех на грудях белых,

Во руках ты дёржишь свой булатний нож,

Ты хотиши срубить мне буйную головушку,

Распластать мои да груди белыи,

А достать мое сердце со печеньей,

Если была б я да на твоей груди,

Не спросила бы ни багошки, ни матушки,

70 Да й не твдего бы роду-племени,
А срубила бы тебе буйнүй головушку.
Распластала бы тебе да груди белыи,
А достала бы твое сердце со печеньей,
Да й забросила бы молодца да за ракитов
куст».

75 Разгорелось сердце й у богатыря,
А у старого козака Ильи Муромца.
Он занес свою да й ручьку правую,
Ручьку правую занес он выше головы,
Да й хотит спустить да й ниже пояса.
Правая рука в плече да й застояласи,
Во очах у няго свет да й помушается,
Он тут стал у паляницы повысирашивать:
«Ты скажи мне, паляница й разудалая,
Ты с кой земли и с кой орды,
Ты какого отца да ты есть матери,
А кого же есть роду-племени,
Как же тебя именем зовут,
Удалого звеличают по отечеству?»
80 Говорила паляница, слезно плакала:
«Ах ты, старая базыка новодревная.
Теби просто надо мною надсмехатися.
Как стоишь ты на моих на грудях белых,
Во руках ты держишь свой булатний нож,
85 Ты хотиш срубить мне буйньюй головушку,
Распластать мои да груди белыи,
А достать мое сердце со печеньей.
Если была бы я да на твоей груди,
Не спросила бы ни батюшки, ни матушки,
90 Да й не твдего бы роду-племени,
А срубила бы тебе буйнүй головушку,
Распластала бы тебе да груди белыи,
А достала бы твое сердце со печеньей,
Да й забросила бы молодца да за ракитов
куст».

100 Разгорелось сердце й у богатыря,
А у старого козака Ильи Муромца.
Он занес свою да й ручьку правую,
Ручьку правую занес он выше головы,
Да й хотит спустить да й ниже пояса.
Правая рука в плече да й застояласи,
Во очах у няго свет да й помушается,
Он тут стал у паляницы повысирашивать:

110 «Ты скажи мне, паляница й разудалая,
Ты с коёй земли и с коёй орды,
Ты какого отца да ты есть матери,
А қдого же есть роду-племени,
Как же тебя именём зовут,
Удалого звеличают по отечеству?»
115 Говорила паляница, слезно плакала:
«Когда стал ты у меня про то выспрашивать,
Я буду тебе про то высказывать:
Есть й со славноей с темной орды,
И с темной орды да хороброй Литвы,
От того короля я хоробровського,
120 А ведь мать моя была калашница,
А она ли хорошо да й калачи пекла,
Она тем меня еще й возростила.
Я стала иметь велику силу й в могучих
плечах,

125 Избирала коня я й богатырского,
А поехала в раздольице чисто поле,
Да й на тую ль матушку святую Русь
Поискать себе да й роду-племени».
Так тут старый козак да Илья Муромец
Поскореньку скочит с грудей белых,
130 Он берет ее за рученьки за белыи,
Да й за перстни брал да й за злачёныи,
Целовал ее в уста да й во сахарнии,
Называл своей дочерью любимоей,
Он кормил тут ёю ествушкой сахарнеей,
135 Да й поил ёю питьвицей медвяноей,
Оны друг с другом тут распростилиси,
Распростилиси оне й, разъехались.
Ета паляница разудалая

140 А поехала в раздольице в чисто поле,
А старый козак да Илья Муромец
Он поехал в раздольице в чисто поле
К тому сырь дубу крякновисту,
Становил коня да й богатырского,
Он раздернул тут полотно белое,
145 Насыпал коню пшены да й белояровой,
После драки-бою-кроволития
Сам ложился спать да й во белом шатри,
Заснул тут он да й богатырским сном.
А эта паляница й разудалая
150 Она ездила в раздольице в чистом поли,

Она ездила да й пораздумала:
«А ведь съездил я на матушку святую Русь,
А надмешечку да й сёби й добыла,
А наехала я мужику деревенщицу,
Назвал матку б....., мёня выб.....,
Я поеду в раздольице в чисто поле
А убью я мужика да й деревенщину».
Поворачивал коня да й богатырского
А поехала да й ко белу шатру.
160 Конь козака Ильи Муромца
А он бьет копытом о сырь землю,
А он будит козака Илью Муромца.
Старый козак да Илья Муромец
А не может проснуться от богатырска сна.
165 Ета паляница разудалая
Подъезжала она да ко белу шатру,
Она сдернула крышку со бела шатра,
Она бьет рогатиной звериноей,
А старого козака по белой груди.
170 У старого козака Илья Муромца
А случился крест да й на белой груди,
Пробудился он от звону й от крестового,
Размахнул свои да й очи ясныи,
Смотрит—стойт паляница разудалая,
175 Она бьет рогатицей звериноей.
Поскореньку он скочил тут на резвы ноги,
Он схватил паляницу за праву руку,
За праву руку да й за ляву ногу
Пополам паляницу он тут пёрервал,
180 Говорил тут он да й таковы слова:
«А не твой же кус да й не тебе поесть,
Не тебе побить козака Илью й Муромца.»
Половину он бросал серым волкам,
А другую половину й черным воронам.
185 Да й садился молодец тут на добра коня,
Да й поехал на заставу й московскую,
Приезжал на заставу московскую,
Становил коня он богатырского,
Выходил на матушку й сырь землю,
190 А он после драки-бою-кроволития
А ничем он своим братьицам не хвастает.
Да и тым былиночка й покончилась.

ВТОРОЙ БОЙ ДОБРЫНИ МИКИТИНЦА
СО ЗМЕЕМ ГОРЫНИЩЕМ

Как во стольном городе во Киеве,
Да й у ласкового князя й у Владимира
Был хорош почестный пир да й пированьица,
На многих князей, на многих бояров,
Да й на сильнях, могучих богатырей,
Да й на славных паляниц-та й разудальных.
Краснàя солнышко на вечери,
Да й идет почестный пир на веселе,
Все молодцы да й на честном пиру
На честном пиру да й пьяны-веселы,
А Владимир князь да стольне-киевский
Он по горенки столовоей похаживал,
А о столики дубовыя й погуливал,
Говорит тут князь Владимир таковы слова:
«Ай вы, мои князья и бояра,
Сильни руськии могучии богатыри,
Паляницы вы да й разудалыи,
А вы думайте-тка думу крепкую—
Мне кого бы послать из вас повыехать
В далече, в далече й во чисто поле,
Да й на славныя на горы Сорочиньскии,
А сходить во норы во змеиный
По мою ль плевницу любимую,
По прекрасную Забавушку й Путятину,

Привезти ее да й на широкий двор,
Привезти в палаты бело-аменны,
Да й во ты ль во горенки столовыи,
Да й подать ее мне во белы руки».

Тут все молодцы да й на честном пиру,
На честном пиру да й преумолкнули,
Приумолкнули да й затулялиси,
Аще й старшая тулечка ко средней,
А середня тулечка й за меньшую,
А от меньшей тулечки ответу нет,
Таковых людей во граде не находится.
Тут с ее тихи им стал мор избадани

Тут с-за тых ли столиков дубовых.
Из-за тых скамеек окольных,
Выходит Олощенъка Григорьевич.
Он по горенке столовой похаживал,
Пословесно Олеша выговаривал,
Говорит Алеша таковы слова:
«Ты, Владимир князь да стольне-киевский,
А я знаю тебе й кого послать повыехать
А во то ду раздольшина чиста-коей.

А во то ль раздольице чисто поле,
Да й на славныя на горы Сорочинский,
Да й сходить во норы во змеиный
По твою ли плевницу любимую,
За прекрасной Забавушкой Путятишной,
Привезти ее к тибе да на широкий двор,
Привезти в палаты белокаменны,
Да й во ты ль во горенки столовыи,
Да й подать ее да й бо белы руки.

Ты пошли-ка молодого Добрынушку,
У того ль Добрынушки Микитинца

А со той Змеиницей Горынищей
А на той на славной на Пучай-реки
Его сдѣланы записи великии,

А великия записи немалыи —

Не съезжаться й не слетаться им в чистом поли,
А ие делать драки-бою-кроволития,
Кроволития да й промежду собой».

Тут Владимир князь да стольне-киевский
Он берет-то й чару во белы руки,
Наливает чару зелена вина,

Он немалую стопу да полтора ведра.

Разводил медами всё стоялыми,
Подносил к молодому Добрынушки.

Молодой Добрыньюшка Микитинец

Поскореньку встовал да й на резвы ноги,
Принимал он чару й во белы руки,
70 Принимал он чарочьку одной ручькой,
Испивал он чарочьку одным душком,
На ногах стоит да й не шатается,
А он с князем говорит он не мешается:
75 «Благодарствуй, князь Владимир стольне-киевский,
За твое ли сладко винцо й водочку,
За твои ли сладкие й напиточки.
А ведь еду я в раздольице чисто поле,
80 А на славныя на горы Саарчинскии,
А сходить во норы во змеиный
По твою ли плевницу й любимую,
По прекрасную Забавушку й Путятишну,
Привезти к тебе да й на широкий двор.
Провести в палаты белокаменны,
85 Да й во тыя ль горницы столовыи,
А подать тибе да во белы руки».
Тут Владимир князь да стольне-киевский
Подходил к козаку Ильи Муромцу,
Говорил козаку й таковы слова:
90 «Ай же, старый козак ты Илья Муромец,
Наложу я на тёбя служебку великую,
А великую служебку немалую —
А съезди-тка во землю Шведскую,
А к тому ли королю ко шведскому,
95 А свези-тка дани ему выходы,
Дани-выходы да й за двенадцать лет».
Тут Владимир князь да й стольне-киевский
Подходил к Михайлы сыну Потыку,
Говорил ему да таковы слова:
100 «Ай же ты, Михайло Потык сын Иванович,
Наложу я на тёбя служебку немалую,
А немалу служебку й великую —
А ты съезди-тка да й в хоробру Литву,
Ко тому ль королю хоробровскому,
105 Получи-тка дани еще й выходы
Не за мало поры-времени — двенадцать лет,
За двенадцать лет да й с половиной».
Молодой Добрынушка Микитинец
Он ставал за столика дубового,
110 Да й прошел он из палаты белокаменной,
Выходил во славный во широкий двор,
Приходил в свою палату белокаменну,

Во свою во горенку столовую.
Да й садился Добрыня на ременчат стул,
Ясны очюшки втопил да й во кирпичный пол.
Говорит Добрыне родна матушка:
«Ай же, свет мое ты чадо милое,
Молодой Добрыношка Микитинец!
Что же невесел ты пришел да й со честна пира,
Ясны очюшки втопил да й во кирпичный пол?
Али место было Добрыношке не по чину,
Али чарою Добрыношку приобнесли,
«Али пьяница-дурак да й приобгалился?»
Говорил Добрыношка Микитинец:
«Ай же, свет моя ты государыни,
Государыня ты роднай матушки.
А ведь место в пиру мне было по чину,
Да ведь чарою Добрыношку не обнесли,
Да ведь пьяница-дурак да не обгалился,
Только несчастного Добрыношку спордила,
Ты несчастного молодого Добрыношку.
А Владимир князь да стольнс-киевский
Наложил на меня служобку немалую,
А немалую служобку, великую —
Съездить в далече, в далече, во чисто поле,
Да й на славны тыи горы Сорочинский,
Да й сходить во норы во змеиный
По яго той плевницы любимую,
А прекрасную Забавушку й Путятишну,
Привезти ее да й на широкий двор,
Провести в палаты белокаменны,
Да во тую ль во горницу столовую,
А подать ему да й да во белы руки».
Говорит тут Добрыни родна матушка:
«Ай же, свет ты мое да й чадо милое,
Молодой Добрыношка Микитинец!
Ты поешь-ка ествушки сахарной.
Ты попей-ка питьвицов медвяных,
Спать ложись-ка на перинушку пуховую,
А ведь утро бывает мудренее вечера».
Молодой Добрыношка Микитинец
Он поел тут ествушки сахарной,
Да й попил тут питьвицов медвяных,
Спать ложился й на кроваточку тесовую.
Да й на тую на перинушку пуховую.
А иоутрушку было й ранешенько,

До восходу-то й до зари утренней,

Да выстованья да й солнца красного

А будила й Добрыню рёдна матушка:

«Ай же, свет мое ты чадо милое,

Молодой Добрынюшка Микитинец,

Ты встовай-ка, молодец, да й на резвы
ноги,

А ты делай-ка дело повелённое».

Молодой Добрынюшка Микитинец

Поскореньку еставал тут на резвы ноги,

Умывался он тут да белёшенько,

Одевался он да й хорошохонько,

Одевал свою одёжу драгоценную,

А манишечки-рубашечки шелковыи,

Он берет свой тугой лук разрывчатой,

Да й набрал он много стрелочек каленых,

Он берет свою да й саблю вострую,

Свое й востре копье да муржамецкое,

А шалыгу берет да й поддорожную.

Выходил молодец тут на широкий двор.

Заходил в конюшенку стоялую,

А берет тут молодец добра коня,

Он берет коня за поводы шелковыи,

Выводил коня да й на широкий двор,

Стал добра коня молодец засёдливать,

Он засёдливал коня да й закольчуживал,

Тут садился молодец да й на добра коня,

А поехал молодец тут с широка двора,

С широка двора в раздольице й чисто полё.

Тут ведь свет честна вдова й заплакала

Женским голосом а во всю голову:

«Ай же, свет мое ты чадо милое,

Молодой Добрынюшка Микитинец,

Ты поедешь на горы Сорочинский,

А будешь ходить во норы во змеинныи,

Етая Змеинища й Горынища

Растерзает твое да й тело белое,

Она выпьет Добрынюшки горячу кровь».

Молодой Добрынюшка Микитинец

Он ведь едет раздольицем чистым полем,

Коротает путь-дорогу во чистом поли.

Приезжает он на горы Сорочинский,

А он ездит по горам да Сорочинским,

Он тут топчет малых лютых змеенышей,

160

166

170

175

180

185

190

195

200 Яго й добрый конь тут богатырскии
А не можат ходить да й по чисту полю —
Еты змееныши поганыи
А тому ль Добрыничу добру коню
Подточили резвы ноженьки по щеточкам.
205 Молодой Добрынушка Микитинец
Он берет в руки плеточку шелкюю,
Он тут бил коня да й по крутым бедрам,
Он давал удары все тяжелыи.
Первой раз он бил коня между ушай.
210 Другой раз он между ноги между заднии,
Яго добрый конь да й богатырский
По чисту полю-раздолю стал поскакивать,
А целой версты да й перемахивать,
По ножку в землю да й угрязывать,
215 По синой копны земли выхватывать,
За три выстрела от ног каменья выбрасывал,
Потоптал он много-множество змеенышей.
Подъезжал к норы он ко змеиноей,
Становил коня он богатырского,
220 Выходил на матушку сырь землю.
Он походит в нору тут змеиную.
Во праву руку берет он саблю вострую,
Во ляву руку копье да й муржамецкое,
А под леву пазуху он палицу булатную,
225 А за пояс клал шалыгу поддорожную.
Да й пошел во нору во змеиную,
А у той Змеинице Горинице,
А во ту ль нору во змеиную
А поставлены двери ты железныи,
230 Да й запоры положены ведь медныи,
А нельзя войти дуродню добру молодцу.
Молодой Добрынушка Микитинец
Он запоры повыкидал тут медныи,
235 А он двери повыставил железныи,
Проходил он в нору й во змеиную.
А во той во норы во змеинныи
Там сидят все полоны россейскии,
И сидят там князы да бояра,
Сильни русськии могучии богатыри,
Паляницы сидят там разудалыи.
240 Молодой Добрынушка Микитинец
Проходил он по норы да й по змеиноей,
Смотрит — сидит Змеинища й Горынища,

А рядом с ней Забавушка Путятишна.

245 Говорит Добрынушка Микитинец:

«Ай же ты, Забавушка Путятишна,

А поедем-ка со мной во славный Киев-град

А ко ласковому князю й ко Владимиру,

Из-за тебя я по горам да ведь и странствую,

Из-за тебя хожу по норам я змеиным».

Говорит Змеинище й Горынище:

«Ай же ты, Добрынушка Микитинец,

Ты нарушил заповедь великую,

Не отдам тебе Забавушки Путятишной».

255 Говорит Добрынушка Микитинец:

«Ай же ты, змея проклятая,

А я ль нарушил заповедь великую?

А зачем ты летела через Киев-град,

А зачем ты припадала ко сырой земли,

Унесла Забавушку Путятичну

260 А на тыи ль горы Сорочинский,

Да й во тыи во норы во змеиный?

А поедем-то со мной ты во чисто поле,

Поотведаем-ка нашу силу богатырскую».

265 Тут Змеинища Горынища спужаласи

А того ль молодого Добрынушка:

«Нагой был Добрынушка Микитинец

А у той ли славной у Пучай-реки,

А он чуть не отрубил моих голов змеиных,

270 А теперь у молодого Добрынушки

Во правой руки да й сабля вострая,

Во лявой руки копье да й муржамецкое,

А под левою пазухой палица булатная,

А за поясом шалыга поддорожная».

275 Молодой Добрынушка Микитинец,

Он берет тут Забаву за белы руки,

А повел с норы да он змеиноей,

А пошли вси полоны российский,

Выходили на матушку на сырь землю,

280 А на славный на горы Сорочинский.

Молодой Добрынушка Микитинец

Он поставил все двери тут железныи,

Положил запоры-ты он медныи,

Говорил Добрыня таковы слова:

285 «А теперь ты, змеинище, ведь там сиди,

Не бывать тебе, змеи, да й на белом свети,

Не видать тебе, змея, да света белого, —

Не видать тибе да солнца красного».
Тут молоденькой Добрынушка Микитинец
Он садил Забаву на добра коня,
На добра коня да к головы хребтом,
А он сам садился к головы лицом,
Да й поехал по раздольицу чисту полю,
А ко славному ко городу ко Киеву.
295 Коротают путь-дорожку во чистом поли,
Приезжают во славный стольний Киев-град,
Заезжает ко князю й на широкий двор.
Становил коня он богатырьского,
Выходил на матушку й сыру землю
300 Опускал Забавушку й Путятишну
А с того ли он да со добра коня,
Он повел ю в палаты белокаменны,
Проводил во горенку во столовую,
Становил он к столику й дубовому,
305 Подавал он князю й во белы руки.
Говорит тут князь Владимир стольне-
киевский:
«Благодарствуешь, молоденькой Добрынушка,
Что привез мою любимую племянницу».
Да и тым былиночка й покончилась.

5

ДОБРЫНЯ И МАРЫНА

Как три году молодец-та стольничал,
 Да и три году молодец-та и чашничал,
 Да и три году молодец да и у ворот стоял:
 Молодой Добрынушка Микитинец
 Похотел гулять по городу и по Киеву,
 Он по славным по улицам широким,
 Да и по славным переулкам княженецким.
 Говорит Добрыни родна и матушка:
 «Ай же, свет мое ты чадо милое,
 Молодой Добрынушка Микитинич,
 Ты гуляешь по городу и по Киеву,
 А по славным по улицам широким,
 А по славным переулкам княженецким.
 Ни ходи-ка ты во тую и во татарскую
 слободушку,
 А во тую ль Маринкину улицу:
 А побила и Маринка трех богатырей,
 Да и побьет тебя Добрынушку и четвертого»
 Молодой Добрынушка Микитинец
 Родной матушки своей не слушался,
 Он по утрушки вставал ранешенько,
 Умывался он да и да белешенько,
 Одевался он да и хорошохонько,
 Да и манишечки-рубашечки шелковый,
 Он берет свой тугой лук разрывчатой,

Да й набрал он много стрелочек каленых
Он берет свою да й саблю вострую,

Выходил молодец на славный Киев-град.
Он ходил-гулял по городу по Киеву,
А он цельный день с утра й до вечера.

30 Заходил он в татарскую й слободушку,

А в тую ль Маринкину улицу.

У Маринкиных палат да й белокаменных
Пораздернуты шатры да й полотнянныи,
А во тых шатрах да й полотнянныи
Там Маринка с татарином лобзается.

35 Это й дело Добрыне не слюбилося,

Не слюбилось дело й не в любви пришло.

Он берет-то тугой лук да й во белы руки,
Натянул тетивочку й шелкюю,
Наложил он стрелочку й каленую,
Да й спустил тетивочку шелкюю
А во ету стрелочку каленую.

40 Тут просвистнula яго стрелочка каленая

А во етого ль татарина й поганово,
Пополам татарина он пेервал.

45 Тут Маринки ето дело й не слюбилося,

Не слюбилось дело й не в любви пришло,
А подходит к добру молодцу й близехонько.

50 Молодой Добрынюшка Микитинец

Он пошел от Маринки тут в сторонушку,
Да й пошел Добрынюшка во другую,
Никуда Добрынюшки тут ходу нет.

55 Молодой Добрынюшка Микитинец

Говорит Маринки таковы слова:

«А идешь ли ты, Маринка, замуж за богатыря
За молодого ль Добрынюшку й Микитинца?»

60 Говорила Маринка й таковы слова:

«Я три году ведь господу молиласи,
Как попасть бы замуж за богатыря,
За молодого ль Добрынюшку Микитинца».

65 Молодой Добрынюшка Микитинец

Он берет Маринку й за белы руки,
Он за рученьки берет ее й за белы,
А за перстни брал да за злаченыи,
А повел в раздольице в чисто поле.

70 А венчался он с Маринкой окол кустышка,

Окол кустышка венчался он ракитова,
А провел Маринку ровно три раза,

Становил Маринку й супротів себя,
70 Говорит Маринке таковы слова:
«Ты теперь, Маринка, ведь мужній жена,
Ты должна мужу повиноватися».
Как смахнул Добрыня саблей востроей,
75 Отрубил Маринке резвы й ноженьки,
Говорил Добрыня й таковы слова:
«А зачем же еты резвы й ноженьки
Оплетали татарина й поганого?»
Как смахнул Добрыня саблей востроей,
80 Отрубил Маринке белы й рученьки,
Говорит Добрыня таковы слова:
«А зачем же еты белы рученьки
Обнимали татарина й поганого?»
Да й смахнул Добрыня саблей востроей,
85 Отрубил Маринке уста сахарныи,
Да й и тут Маринке и славу поют.
А и тым былиночка й покончилась.

6

ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Как во славном городе во Киеви,
 А у ласкового князя й у Владимира
 Был хорош почетный пир да й пированьица,
 На многих князей, на многих бояров,
 Да й на сильнях могучих богатырей,
 Да й на славных паляниц-та й разудальных.
 Краснàя солнышко на вèчери,
 Да й хорош идет почетный пир на вèселе,
 Все молодцы вы на честном пиру,
 На честном пиру да й пьяны-веселы.
 А Владимир-князь да й стольне-киевский
 Он по горенки столовоей похаживал,
 А о столики дубовыея й погуливал,
 Говорит тут князь Владимир таковы слова:
 «У нас красно й солнышко й на вечери,
 А хорош идет почетный пир на весели,
 Все молодцы вы на честном пиру,
 На честном пиру да й пьяны-веселы,
 А ведь все вы, молодцы, поженены,
 За вас красны девушки замужданы,
 Только я один хожу холост не жениной.
 Вы й не знаете ли, братцы, супротивницы,
 Чтобы ростом была да й высокёшенька,
 А ведь станом была она й примёшенька.
 Умом-разумом да й не глупёшанька,
 Как бы личушком была да й снегу й белого,

А ведь очюшки былъ бы ясна сокола,
А ведь бровушки былъ бы чёрна сёболя,
А походочкой была на лани белыи,
А на белыя лани, златорогии,
Чтобы было мни молодцу с кем жить да быть,
А вам молодцам да й поклонягися?»
Так тут все молодцы да й на честнѣм пиру
На честнѣм пиру да й преумолкнули,
Преумолкнули да й загулялиси,
Аще й старшая тулечка ко среднеей,
А сердня тулечка й за меньшую,
А от меньшей тулечки ответа нет,
Таковыхъ людей во граде не находится.
Из-за тыхъ ли столиков дубовыхъ,
Из-за тыхъ скамеекъ окольныхъ
Выходил старый Спермечъ да й сын Ивановичъ,
Становился он во горенки столовоей,
А супротивъ столичка дубового,
Супротивъ он князя да й Владимира,
Низко бьет целом да й поклоняется
А до тыхъ половъ да й до кирпичныхъ,
Говорит тут он да й таковы слова:
Ты Владимир князъ да стольне-кевской,
Благослови-ка, государь, словечко й
вымолвить,
Я ведь знаю тѣбе да й супротивницу
А ведь ростомъ была да й высокёшенька,
А ведь станомъ была она й примёш ныка,
Умомъ-разумомъ да й не глупёшанька,
Какъ бы личушкомъ была да й снегу й белого,
А ведь очюшки былъ бы ясна сокола,
А ведь бровушки былъ бы чёрна сёболя,
А походочкой была на лани белыи,
А на белыя лани, златорогии.
А было бы тибе молодцу с кем жить да быть,
А ведь намъ молодцамъ да й поклонятися.
Есть во славной хороброй Литвы
У того ль королъ да й хоробровъскаго
Есть дви дочери да й две любимыи.
Старша дочь — Настасия королевична,
Не сидит она въ тереме девицею,
Она ездит въ поле паляницею.
Младша дочь Опраксия королевична,
Она ѹ сидит во тереми златомъ верьхи,

На ю ѹ буйны ветры ѹ не обвеяли,
На ю ѹ добрыи люди не оббаяли».
Говорит тут Владимир-князь стольне-киевский:
«Ай же вы, мои князья да бояры,
Сильни русськия могучия богатыри,
Поляницы вы да ѹ разудалыи,
Мне кого из вас послать-та ведь посвататься,
К тому ли королю да ѹ хоробровъскому,
На его ли дочери любимоей,
На прекрасной Опраксыи королевичной?»
Так тут все молодцы да на честном ширу
На честном пиру да ѹ преумолкнули.
Говорит Спермеч да ѹ сын Иванович:
«Ты Владимир-князь да стольне-киевский,
Я ведь знаю, кого тѣбе послать посвататься
Ко тому ли королю да ѹ литовскому,
На его ли дочери любимоей,
На прекрасной Опраксыи королевичны.
Ты пошли-ка тихого Дунаюшка:
А ведь тихий Дунай да многъ земель знал,
А ведь тихий Дунай да во послах бывал,
А ведь тихий Дунай да ѹ говорить гораз».
Тут Владимир-князь да стольне-киевский
Он берет свою чару во белы руки,
Наливал он чару ѹ зелена вина,
Он немалую стопу да ѹ полтора ведра,
Разводил медамы всѣ стоялыми,
Подносил он к тихому Дунаюшку.
Тихий Дунаюшка Иванович
Поскореньку вставал да ѹ на резвы ноги.
Принимал он чару ѹ в белы руки,
Принимал он чарочьку одной ручькой,
Испивал он чарочьку одным душком,
На ногах стоит да ѹ не шатается,
Говорит он с князем, не мешается:
«Благодарствуй, князь Владимир стольне-
киевский.
За твое ли сладко винцо-водочку,
За твоё ли сладкие напиточки.
А ведь еду я-то в землю дальнюю,
А во тую ль славну хоробру Литву,
Ко тому же королю хоробровъскому,
На яго ли дочери посвататься,
На прекрасной Опраксыи королевичной

За тебя за князя за Владимира.
Только дай мне еще ты й во товарищах
Своего же мне братца крестового,
Молодого Василья ты Казимирьба».

Тут Владимир князь да стольне-киевский
Он берет свою чару во белы руки
Наливал он чару й зелена вина,
Он немалую стопу да й полтора ведра,
Разводил медамы всё стоялыми,
Подносил он к молодому Васильюшку.
Молодой Василий тут Казимиров
Поскорёшеньку вставал он на резвы ноги,
Принимал он чару во белы руки,
Принимал он чарочьку однй ручькй,
Испивал чарочьку одным душком,
На ногах стоит да й не шатается,
Говорит он с князем, не мешается:
«Благодарстной, князь Владимир стольне-
киевский,

За твое ли сладко винцо-водочку,
За твоё ли сладкие напиточки,
А ведь еду я-то в землю дальнюю,
А во тую ль славну хоробру Литву,
Ко тому же к королю хорбровьскому,
На яго ли дочери посвататься,
На прекрасной Опраксии королевичной
За тебя за князя за Владимира
Со тихиим Дунаюшком Ивановым.

Только дай еще нам ты в товарищах
Своего ли парубка любимого,
А того ль Васильюшка заморского:
А тому ли парубку коней седлать,
А тому ли парубку рассёдлывать,
Ему плети подавать, нам плети принять».

Тут Владимир князь да стольне-киевский
Он берет свою чару во белы руки
Наливал он чару й зелена вина,
Он немалую стопу да й в полтора ведра,
Разводил медамы всё стоялыми,
Подносил он к Васильюшку заморскому.
Молодой Васильюшка заморский
Поскорёшеньку вставал да й на резвы ноги,
Принимал он чару во белы руки,
Принимал он чарочьку однй ручькй,

116

120

125

130

135

140

145

150

155

Испивал он чарочьку однём душком,
На ногах стоит да й не шатается,
Говорит он с князем, не мешается:
«Благодарствуй, князь Владимир стольне-
киевский,

160 За твоё ли сладко винцо-водочку,
За твоё ли сладкие напиточки,
А ведь еду я-то в землю дальнюю,
А во тую ли славну хоробру Литву,
Ко тому же к королю хорбровьскому,
На яго ли дочери посвататься,
На прекрасной Опраксии королевичной
За тебя за князя за Владимира
С тихиим Дунаюшком Ивановым,
С молодым Василем да й Казимирбым».
170 Тут удалыя дуродни добры й молодцы
Выходили с палаты белокаменной
А на тот на славный на широкий двор,
Расходились по полатам белокаменным,
А по комнатам по богатырским.
175 А по утрущку вставали онё ранешенько,
Умывались да й да белёшенько,
Снаряжались оне да й хорошёхонько,
Одевали одёжу драгоценную,
А манишечки-рубашечки шелковыи,
180 А брали доспехи богатырские,
Выходили на славный на широкий двор,
А седлали добрых коней богатырских,
А садились на коней богатырских,
Выезжали во раздольице чисто полё,
185 Оны съехались в раздольице чистом поле,
Да й поехали по раздольицу чисту полю,
Оны день едут по красному по солнышку,
Оны в ночь едут по светлому по месяцу,
А ведь день за день так быдто дождь дождит,
190 А неделька за неделькой как река бежит,
Приезжают молодцы да в хоробру Литву,
Заезжают к королю да й на широкий двор,
Становили добрых коней богатырских,
Выходили на матушку й сырё землю,
Тихий Дунай да й сын Иванович,
195 Молодой Василий да Казимиров,
Да й пошли в палаты белокаменны.
А Василий паробок заморский

200 А он по двору да стал похаживать,
Добрых коней за походы и поваживать.
Тихий Дунай да сын Иванович,
Молодой Василий да Казимиров
Приходили в палату белокаменну,
На пяту оны дверь да и поразмаживали,
205 А снимали кивера да и со головушек,
Оны крест кладут да и по писаному,
А поклоны ведут да и по ученому.
На дви, три, четыре на сторонки поклонялиси,
210 А ведь королю оны в особеншу,
Его всем князьям да и подколенним.
Говорит тут король-та и литовский,
Говорил король тут таковы слова:
«Ай же вы, дуродни добры молодцы,
215 Тихия Дунаюшка Иванович,
Проходите вы во горенку столовую,
А садитесь за столики дубовыи
Да за ты ль скамеечки окольныи,
А поешьте ествушки сахарнейей,
220 Да и попейте питьвицов медвяных».
Тут удалыи дуродни добры молодцы
Проходили за столики дубовыи
Да и садились на скамеечки окольнии,
225 А тому ль Дунаюшку Иванову
Подносили чару и зелена вина.
Тихий Дунай да сын Иванович
Поскореньку он вставал да на резвы ноги,
230 Он берет тут чару во белы руки,
А за етой чарочкой посватался
А за ласкового князя за Владимира
У того ли короля у литовского
На его ль на дочери любимоей,
235 На прекрасной Опраксии королевичной.
Говорит тут король-та литовский:
«А ведь глупый князь Владимир стольне-
киевский.

240 А не знал, кого ко мне послать посвататься.
Из бояр послал боярина б знаменитого,
Из богатырей послал богатыря бы сильняго,
Из крестьян послал крестьянина и хорошего.
Он послал мне и холопину дворянскую.
Ай же вы, мои да слуги верныи,
Вы берите-тка Дуная за белы руки,

А сведите-ка его из погребы глубокии —
А пускай-ка Дунай там обумеется».
Тут пришло его Дунаю за обидушку,
За великую ему досадушку,
Тут скочил Дунай да и на резвы ноги,
А скочил Дунай да через золот стол,
Как схватил татарина он за ноги,
Он тут стал татарином помахивать,
А король-то ведь да и литовьский
Он по застолью да и охуачается,
А он сам Дуная и уговаривал,
Говорил Дунаю таковы слова:
«Ай же ты, Дунай да и сын Иванович,
А садись-ка ты со мной да за единой стол,
А ты будешь есть да пить да с одной мисочки».
Говорит Дунаюшка Иванович:
«Ай же ты, король литовский,
Не участвовал ты молодцов приедучись,
Не ужаловать ти нас молодцов поедучись.
Если честию твою Опраксью королевишу,
Так возьму я за князя за Владимира,
А не за честию — возьму я за товарища,
За того Василья Казимирбвой».
Тут тихий Дунай да и сын Иванович
Выходил из палаты белокаменной
А прошел Дунай да на широкий двор,
Подходил к злаченому он терему,
Где жила Опраксия королевиша,
Стал он дверьцы дубовыи выставливать,
А замочиков железных повышалкивать.
Проходил в палату белокаменную.
Увидал он Опраксью королевишу,
Говорил Дунай тут таковы слова:
«Ай же ты, Опраксия королевиша,
Ты идешь ли замуж на святую Русь,
Да и за ласкового князя и за Владимира?»
Говорит Опраксия королевиша:
«Ай же тихий Дунай да сын Иванович,
Я три году ведь господу молиласи,
Как попасть бы замуж на святую Русь,
Да и за ласкового князя за Владимира».
Тут снаряжаласи да и красна девушка
А во тую ль путь да и во дороженку.

245

255

260

265

270

275

280

Тихий Дунай да й сын Иванович,
 Он берет ее за рученьки за белыи,
 Да й за перстни брал да й за злаченыи,
 Выводил Дунай да на широкий двор,
 Да й садил Опраксю королевичну
 На того ли он да на добра коня,
 Посадил ее да к головы хребтом,
 А он сам садился к головы лицом,
 Тут удалыи дуродни добры молодцы
 А садились на коней богатырьских,
 А поехали оны да с широка двора
 А во славное раздольице й чисто поля,
 Ускоряют путь-дорожку во чистом поли.

Тут застала их да й темна й ноченька
 На пути ли да ведь на дороженьки,
 Тут удалыя дуродни добры молодцы
 Становили коней богатырьских,
 Выходили на матушку сырью землю,
 Как раздернули оны полотно белое,
 Насыпали коням пшены да й белояровой,
 Не успели заснуть да й оны крепким сном,
 Слышат едет за ними да тут погонушка.
 Говорит тут Опракся королевиша:
 «Ето едет моя сестрица-та й родимая,
 Молодая Настасья й королевиша,
 Паляница она да й разудалая».

По целой версты-то конь поскакиваёт,
 А по колену в землю он угрязывал,
 А с земли-то ножки он выдергивал.
 По сенной копны земли он да й выхватывал.
 За три выстrela от ног каменья откидывал.
 Тут проехала паляница разудалая
 По тому ль раздольицу чисту полю,
 Ехала она да й не дорогою,
 Прямо ехала ко городу ко Киеву.

Говорит тут тихий Дунаюшка:
 «Ай же, братец мой да й ты крестовый
 мой,

Молодой Василий ты Казимирёв,
 А Василий паробок заморскии,
 Поезжайте вы во стольний Киев-град,
 А свезите вы Опраксю королевишу
 А ко князю на широкий двор,
 Проводите во горенку столовую,

Отведите князю во белы руки». Тут молодой Василий-то Казимиров
330 А садил Опраксью королевишу
На того ли он да и на добра коня,
Он садил ее да и к головы хребтом,
А он сам садился к головы лицом,
Да и садился Василий паробок заморскии.
335 Тут поехали дуродни добры молодцы
По тому ль раздольицу чисту полю.
Ускоряют путь-дорогу и во чистом поли,
Приезжают во славный стольний Киев-град,
Заезжают ко князю на широкий двор,
340 Становили добрых коней богатырских,
Выходили на матушку и сырью землю,
Опускал он Опраксью королевишу
А с того ли он да со добра коня,
Проводили в палаты белокаменны,
345 А во тую ль во горницу столовую,
Подавал он князю во белы руки.
Тут Владимир-князь да стольне-киевский
Да и пошел во матушку божью церковь
А принимать с Опраксей по злату венцу.
350 А тихий Дунаушка Иванович
Садился молодец тут на добра коня
Он поехал в раздольице чисто поле
За паляницею да и разудалоей.
Он наехал на паляницу и во чистом поли,
355 Становил он паляницу и разудалую,
Говорил он палянице и таковы слова:
«Ай же ты, Настасья королевиша,
Мы в любви везем твою сестрицу ведь
родимую

А на ту ль матушку святую Русь
За славного князя за Владимира,
Ай же ты, Настасья королевична,
А поди-ка ты замуж за богатыря,
За того ли тихого Дунаушка».
Говорит тут Настасья и королевична:
360 «Ай же ты, богатырь святорусский,
Тихий Дунай да и сын Иванович,
Если мной ты да и не гребуешь,
То пойду я замуж за богатыря,
За того ль за тихого Дунаушка».
Тут тихий Дунай да и сын Иванович

Оне и поехали с Настасьей королевишной
Ко тому лъ ко городу ко Киеву.
Приезжали во славный стольний Киев-град,
Заезжали ко князю на широкий двор,
Становили добрых коней богатырских,
Выходили на матушку сыру землю.
А Владимира дома не случилоси,
А ушел Владимир во божью церковь
Принимать с Опраксей по злату венцу,
Так тут тихий Дунаюшка Иванович
Пошли с Настасьей королевишной
А во тую матушку божью церковь
Принимать с Настасьей по злату венцу.
А Владимир-князь тут стольне-киевский
Он идет со матушки с божьей церкви,
Тихий Дунай да сын Иванович
Принимали с Настасьей по злату венцу,
Выходили со матушки божьей церкви,
А пошли ко князю на почестный пир.
А Владимир-князь да стольне-киевский
Заводил тут князь Владимир да и почестный
пир,
Да и почестный пир и в воскресный день,
На многих князей, на многих бояров,
Да и на сильниих могучиих богатырей,
Да и на славных паляниц-та и разудальных.
А и ведь все тут на пиру да и наедалися,
Наедалиси да и напивалиси,
Напивалиси да оны досыта,
Напивалиси да оны допьяна,
Напивалиси да и порасхвастались.
Богатый хвастал бесчетной золотой казной,
Сильний хвастает силой богатырской,
Инныи хвастал молодец добрым конем,
Инныи хвастал удальством молодецким.
Тихий Дунаюшка Иванович
Выходил за столика дубового
От своей любимоей семеюшки.
Стал по горенке Дунаюшка и похаживать,
Ла и похаживал да и порасхвастался,
Говорит Дунай да тацовы слова:
«Нет то удали вот добра молодца
А во всем во городе во Киеве
Как тихово Дунаюшка Иванова,

А гораз ведь я стрелять да из туга лука,
Я ведь сам жанился и людей жанил».
Говорит яму Настасья й королевична:
«Ай же ты, моя любимая семеюшка,
Тихий Дунаушка Иванович.
А не здря ли ты, Дунаушка, расхвастался
А ведь силою своею богатырьскою.
А ничем тебя не хуже я,
Да из туга лука стрелять я побыстрей тебя».
Говорит тут Дунаушка Иванович:
«Ай же ты, Настасья королевишина,
А пойдем-ка мы с тобой в чисто полё,
Поотведаем мы нашу храбрость богатырскую».
Тихий Дунаушка Иванович
А пошли с Настасьей королевишиной
А во славное раздольице чисто полё,
Тихий Дунаушка Иванович
Положил себе он на головушку
Тое колечко он серебряно,
А наставил Дунаушка булатний нож,
Говорил он Дунай тут таковы слова:
«Ай же ты, Настасья королевишина,
Отойди-ка ты да й на пятьсот шагов,
Ты стреляй-ка оттуль да из туга лука,
Пропусти-ка стрелочку каленую
По тому острею ножовому,
440 Попади-ка в колечко во серебрянно».
Молодая Настасья королевишина
Отходила от Дуная на пятьсот шагов.
Берет тугой лук да й во белы руки,
Натянула тетивочку шелковую,
450 Наложила стрелочку й каленую,
Да й спустила тетивочку шелковую
А во эту стрелочку каленую,
Прокатилась стрелочка й весом ровна
По тому ль острею по ножовому,
Да й попала в колечко во серебрянно.
Тут тихий Дунаушка Иванович
Пологает колечко на головушку
Той Настасьи королевишиной.
Говорит ему Настасья королевична,
Говорила она й слёзно плакала:
«Ай же, свет моя любимая семеюшка,
Тихий Дунай да сын Иванович!

Ты прости меня в вины да й женской глупости,
Что стреляла я по тебе да из туга лука,
Ты теперь, Дунаушка, пьянёшнёк.
Да й пьянёшнёк, Дунаушка, хмельнёшнек,
Попадешь мни в буйную головушку,
Ты побьешь две головки бесповинных,
У меня с тобой есть чадушко засеяно,
По коленкам ножки еще в золоти,
По локоткам ручьки еще й в серебри,
А во лбу-то введен светёл месяц.
По косицам звезды часты рассыпаются».
Ничему тут Дунай да й не поверовал,
Положил он колечко й на головушку,
Отошел Дунай да й на пятьсот шагов,
Он берет тут тугой лук в белы руки,
Натянул тетивочку й шелковую,
Наложил он стрелочку й каленую,
Да й спустил тетивочку шелковую
А во эту стрелочку й каленую.
А тут спела яго стрелочка й каленая.
А попала Настасье во белую грудь,
Он убил Настасью королевишу.
Тут тихий Дунаушка Иванович
Приходил к Настасье королевишиной,
Убивался он да й горько пласался,
Вынимал свою он саблю вост्रую,
Распластал Настасью тут он белу грудь,
Смотрит — чадушко ведь там зарожено,
По коленочкам да ножки в золоти,
По локоткам да й ручьки в серебри,
А во лбу то введеной светёл месяц.
По косицам звезды часты рассыпаются.
Говорит тут Дунай да й таковы слова:
«Только Дунаушка й женат бывал,
Да и только Дунаушка с женой живал,
А ведь где протекала река Настасьина,
Так ведь тут протекай же и Дунай река!»
А наставил тут свою да й саблю вост्रую
А во тую ль во матушку сырь землю,
Во сырь землю да он тупым концом,
Он пал на саблю-ту на вост्रую,
Отрубил себи да й буйную голову,
Так ведь тут Дунаушку й славу поют.
Да ведь тым былинушка й покончилась.

БОЯРИН ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Как из той Индеюшки богатоей,
Да из той Галиции с проклятоей,
Из того со славна й Волын-города
Да й спрвляется да й снаряжается
5 А на тую ль матушку святую Русь
Молодой боярин Дюк Степанович
Посмотреть на славный стольней Киев-град,
А на ласкогона князя на Владимира,
А на сильниих могучиих богатырей,
10 Да й на славных паляниц-та й разудалых.
Говорит тут Дюку й родная матушка:
«Ай же, свет мое ты чадо милое,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Хоть спрвляесясь ты, снаряжаешься
15 А на тую ль матушку светую Русь,
Не бывать тебе да й на светой Руси,
Не видать тибе да й града Киева,
Не видать тибе князя Владимира,
Сильниих могучиих богатырей
20 Да и славных паляниц-та й разудалых».
Молодой боярин Дюк Степанович
Родной матушки своей нэ слушался.
Одевал свою одёжу й драгоценную,
А манишечки-рубашечки шелковые,
25 А сапоженки на ноженки сафьяны,
Окол носу-носу яйцо кати,

Окол пяту-пяту воробей лети,
Одел шапку на головку й соболиную,
На себя надел кунью й шубоньку,
Да й берет свой тугой лук разрывчатой,
А набрал он много й стрелочек каленых,
Да й берет свою он саблю вост्रую,
Свое й острое копье да й муржамецкое.
Выходил молодец тут на широкий двор,
Заходил в конюшню во стоялую,
Да й берет тут молодец добра коня,
Он берет коня за поводы шелковые,
Выводил коня да й на широкий двор,
Становил коня да й посреди двора,
Стал добра коня молодец засёдлывать,
Он засёдлывал коня да й закольчуживал.
Говорит тут Дюку родная й матушка:
«Ай же, свет мое ты чадо милое,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Как поедешь ты в раздольице чистом поли,
А на тую ль матушку святую Русь,
Да й во славном раздольице чистом поле
Есть три заставы там три великия:
Первая застава — ведь змеи поклявучии,
Друга застава — львы-звери пядучии,
Третья застава есть горушки толкучии,
Оны сходятся вместо й расходятся.
Ты подъедешь к етим заставам великим,
Ты бери-ка в руки плеточку шелковую,
А ты бей коня да й по крутой бедры,
Ты давай удары всё тяжелыи,
Первой раз ты бей коня между ушей,
Другой раз ты между ноги между задни,
Чтобы добрый конь твой богатырский
По чисту полю раздольицу поскакивал.
Ты проедешь еты заставы великим,
А ты выедешь на матушку святую Русь,
А ты будешь во городе во Киеве
Да й у ласкового князя й у Владимира,
Так охоч ты упиваться в зелено вино,
Так не хвастай-ка ты своим художеством
Ты супротив князя-та й Владимира,
Супротив сильных могучих богатырей,
Супротив паляниц-та й разудальных».
Молодой боярин Дюк Степанович

Да й садился молодец тут на добра коня,
Столько відѣли сядучись,
Со двора его й не видели поедучись,
Со двора он ехал не воротами,
75 А он с города ехал не дорогою,
Яго добрый конь да й богатырскии
Проскакал он через стены городовыи,
Через башни проскакал он трехугольныи,
80 А не молния в чистом поли промолвила,
Так проехал боярин Дюк Степанович.
Выезжал он в раздолыище чисто поле,
Подъезжал он к етым заставам великиим,
А ко тым змеям поклявучим,
А ко львам-зверям да поядучим,
85 А ведь к етым горушкам толкучим;
Он берет тут в руки плеточку й шелковую,
А он бил коня да й по тучной бедры,
Он давал удары всѣ тяжелыи,
Первый раз он бил коня между ушей,
90 Другой раз он между ноги между задним.
Яго добрый конь тут богатырский
По чисту полю-раздолю стал поскакивать,
Он проехал еты заставы великии
Он тут выехал в раздолыище в чисто поле,
95 А на тую ль матушку светую Русь,
Приезжал во славный стольней Киев-град,
Заезжал ко князю й на широкий двор,
Становил коня да й богатырского,
Выходил на матушку й сырь землю.
100 А Владимира дому не случилоси,
Он ушел во матушку й божью церковь.
А он господу богу помолитися,
Ко чудным крестам да й приложитися.
Молодой боярин Дюк Степанович
105 Он пошел во матушку й божью церковь,
Приходил во матушку й божью церковь,
Он снимает кивер со головушки,
А он крест кладет да й по писаному,
А поклоны ведет да й по ученому,
110 На два, три, четыри сторонки поклоняется,
А он князю Владимиру й в особинно,
Яго всем князьям да й подколенныим.
По праву руку князь Владимира
А стоял Добрынюшка Микитинец,

- 115 По ляву руку князя Владимира
 А стоял Чурилушка-та Плёнкович.
- 116 Говорит тут князь Владимир таковы слова:
 «Ты откуляшный дуродний добрый молодец,
 Из коей земли да из коей орды,
 Ты каково же есть роду-племени,
 Ты какого отца да ты есть матери,
 Как же тебя да именем зовут,
 Удалого звеличают по отечеству?»
- 117 Говорил боярин Дюк Степанович:
 «Ты, Владимир князь да й стольне-киевский,
 А ведь есть я с Индеюшки богатоей,
 А и с той Галиции с проклятоей,
 И с того ль со славна Волын-города
 Молодой боярин Дюк Степанович».
- 118 Говорил Щурилушка тут Плёнкович:
 «Ты, Владимир князь да й стольне-киевский,
 Поговорушки тут есть не Дюковы,
 Поворотушки тут есть не Дюковы,
 Тут должна быть холопина й дворянская».
- 119 Ета й дело Дюку не слюбилося,
 Не слюбилося да й не в любви пришло.
 Оны господу тут богу помолилиси,
 Ко чудным крестам да й приложилиси,
 Да й пошли в палаты белокаменны
 А ко ласковому князю й ко Владимиру.
- 120 Оны шли мосточиком кирпичным,
 Молодой боярин Дюк Степанович
 Стал Владимиру й загодочек отгадывать,
 Говорил тут он да й таковы слова:
 «Ты, Владимир князь да стольне-киевский,
 Что же в Киеве у вас всё не по-нашему:
 У вас построены й мосточки кирпичныи,
 А ведь столбики поставлены еловыи,
 А порученьки положены сосновыи,
 У вас медноё гвоздьё да й приуциплется,
 А ведь цветное платье призабрызжется.
 Как в моей Индеюшки богатоей
 У моей родители у матушки
 А построены мосточки калиновыи,
 А ведь столбики поставлены серебряныи,
 А ведь грядочки положены орленыи,
 А ведь насланы сукна гармuzинныи,
 А ведь медное гвоздьё да й не ушиплется,

- 160 А ведь цветно платье не забрызжется». Тут Владимир к этой речи да и не примется.
Приходили в палату белокаменну,
Проходили во горенку столовую,
Да и садились за столички дубовые,
Да и за тыя ль скамеечки окольни.
165 Принесли ему калачиков тут пшеничных,
Молодой боярин Дюк Степанович
Он берет калачик во белы руки,
А он корочку ту все на круг кусал,
А середочку да и кобелям бросал,
Все и Владимиру загадочки отгадывал,
170 Говорил боярин таковы слова:
«Ты, Владимир князь стольне-киевский,
Что ж в Киеве у вас все и не по нашему:
У вас сделаны бочечки сосновыи,
А обручки набиваны еловыи,
175 А мешалочки положены сосновыи,
У вас налита студенна ключеза вода,
Да и тут у вас и калачи месят;
А у вас печеньки построены кирпичныи,
У вас дровца топятся еловыи,
180 А помялушки повязаны сосновыи,
Да и тут у вас да и калачи пекут,
А калачики да и ваши призадохнулись.
Как в моей Индеюшке богатоей
У моей родители у матушки
185 А построены ведь бочечки серебряны,
А обручки набиты золоченыи,
А мешалочки положены дубовыи,
Да ведь налита студенна ключевая вода,
А ведь тут у нас и калачи месят.
190 Да и построены пельки муравленыи,
У нас дровца топятся дубовыи,
А помялушки повязаны шелковыи,
Да ведь наслана бумага-листы гербовыи,
Да ведь тут у нас и калачи пекут,
195 А калачики у нас и не задохнутся,
А калачик съешь — по другоем душа горит». Он Владимиру загадочки отгадывал,
Подносили ему тут зелена вина,
Молодой боярин Дюк Степанович
200 Он берет-то и чарочку во белы руки,
Он всю чарочку и по горенки повыплескал,

Сам Владимиру загадочки отгадывал,
Говорит боярин таковы слова:

«Ты, Владимир князь да стольне-киевский,
Что же в Киеве у вас всё не по нашему:
У вас пострёёны бочечки дубовыи,
А обручики набиваны железныи,
А положена туда да й зелено вино,
А положена й на погребы глубокии,

210 Ваша й водочка-винцо ведь призадохнулось.

Как в моей Индеюшки богатоей

У моей родители у матушки

А пострёёны бочечки серебряны,

А обручики набиты золоченыи,

215 Да й положено туда да й зелено вино,

А повешено на цепи-та й на медный,

А на тыя на погребы глубокии,

Наша водочка-винцо да й не задохнется,

220 А ведь чарку выпьешь — по другой душа
горит».

220 Он Владимиру загадочки отгадывал.

Говорит тут Щурилушка-та Плёнкович:

«Ай что же ты, холопина дворянская,

Что расхвастал ты именем-богачеством,

225 А ударим-ка со мной ты во велик заклад,

Во велик заклад да ты не в малый,

Чтоб проездить нам на конях богатырских —

Не мало поры-времени — по трой году,

А сменять нам одёжицу драгоценную

Каждый день да й с нова начнovo,

230 С нова начнovo да чтоб не лучшую».

Говорит тут боярин Дюк Степанович:

«Ай же ты, Щурилушка-та Плёнкович,

Теби просто сб мной биться во велик заклад

235 Ты живешь во городи во Киеве

У того ль у князя у Владимира,

Кладовые-ты есть да цветна платьица».

Молодой тут боярин Дюк Степанович

240 А садился он да на ременьчат стул,

А писал он письма й скорописчаты

А своей ли да й родной матушки,

А писал он в письмах скорописчатах:

«Ай же, свет моя ты родна й матушка,

А ты выручи меня с беды великой,

А пошли-ка ты одёжу драгоценной,

Что хватило бы одёжи мне на три году
Одевать одёжу драгоценную
Каждый день да и с нова начинать».

Запечатал письма и скорописчата,

Скоро шел по горенке столокой,

Выходил тут молодец да на широкий двор,
Положил он письма под седёлышко,

Говорил коню он таковы слова:

«Ты беги, мой конь, в Индеюшку богатую
А к моей родители ко матушки,

Привези ты мне одёжу драгоценную».

Он берет коня за поводы шелковые,

Выводил коня он за широкий двор,
Да и спускал коня во чисто поле.

Яго добрый конь да и богатырьский

Побежал в Индеюшку и богатую,

Пробежал он по раздольицу чисту полю,

Через эти вси заставы великии,

Прибежал в Индеюшку богатую,

Забегал он на славный на широкий двор,

Увидали тут коня да и слуги верные,

Оне бежат в палаты белокаменны

Да и во тую ль горницу столовую,

Да и ко той ко Дюковой ко матушки,

Говорят они да и таковы слова:

«Ай же, свет честна вдова Настасья да
Васильевна!

Прибежал ведь Дюков конь да из чиста поля,
Из чиста поля на наш широкий двор».

Так тут свет честна вдова заплакала

Женским голосом да и во всю и голову:

«Ай же, свет мое ты чадо милое,

Молодой боярин Дюк Степанович,

Ты сложил там наверно буйну головушку,

А на той ли матушки съятой Руси».

Поскореньку выходила на широкий двор,

Приказала добра коня рассёдливать.

Оны стали добра коня рассёдливать.

Оны сняли сёдлышко и черкальское,

Оттуль выпали письма скорописчата.

Свет честна вдова Настасья да и Васильевна

А брала она письма и во белы руки,

А брала она письма и распечатала,

Прочитала письма скорописчата,

Да й брала она тут золоты ключи,
Она шла на погребы глубокии,

290 А брала одёжу и драгоценную

Не на мало и поры-времени — на трй году,

Приносила она к тому добру коню,

Положила и на седёлышко черкальское,

Выводила коня да и за широкий двор,

Да и спускала в раздольице чисто полё.

295 Побежал тут добрый конь да и по чисту полю,

Пробегал он к етым заставам великиим,

Пробежал он заставы великии

На славну на матушку да на святую Русь,

300 Прибежал во славный стольне Киев-град,

Забежал ко князю на широкий двор.

Молодой боярин Дюк Степанович

Он стретал тут своегдобра коня,

Он берет свою одёжу драгоценную,

305 Он тут бился со Щурилушкой в велик залад.

А в велик залад еще и не в малыи,

Не на мало поры-времени — на трй году,

А проездить на конях богатырских,

А сменять одёжу с нова на ново.

310 Молодой боярин Дюк Степанович

Оны с тым Щурилой Плёнковым

Оны ездят по городу по Киеву,

Каждый день с утра до вечера,

А проездйли молодцы по год поры,

315 А проездйли молодцы и по два году,

Да и проездили молодцы и по трй году.

Теперь надоть им итти да и во божью церкву

Одевать одёжу драгоценную

А ко той христовской заутренной.

320 Молодой Щурилушка тут Плёнкович

Одевал свою одёжу драгоценную,

А сапоженьки на ноженьки сафьяны,

На себя одел он кунью и шубоньку,

Перьва строчка рочёна красным золотом,

Друга строчка рочёна чистым сёребром,

325 Третья строчка рочёна скатным жемчугом,

А ведь в тыя петелки шелковые

Было вплетено по красноей по девушки,

А во тыи пуговки серебряны

Было влито по добруму по молодцу,

Как застёгнутся — оне обдимутся,

А расстёгнутся, дак поцалуются,
На головку шапка й соболиная.

Молодой боярин Дюк Степанович

335 Одевал свою одёжу й драгоценную,
А сапоженьки на ноженьки сафьяны,
На себя одел он кунью й шубоньку,
Перьва строчка й строчена красна золота,

340 Друга строчка й строчена чиста серебра,
Третья строчка й строчена скатна жемчугу,
А во тыи ль петелки шелковыи
Было вплетено по красноей по девушки,
А во тыи пуговки серебряны
Было влито по добруму по молодцу,
345 Как застёгнутся — оне обоймутся,
А расстёгнутся, дак поцалуются,

На головку одел шапочка семи шелков,
Во лбу введен был светёл мёсёц,
По косицам были звезды частыи,
На головушки шелом как быдто жар горит.

350 Тут удалыя дуродни добры молодцы
А пошли молодцы да й во божью церковь.
А ко той христовьской ко затуреной,
Приходили молодцы да й во божью церковь.

355 По праву руку князя Владимира
Становился Щурилушка тут Плёнкович,
По ляву руку князя Владимира
Становился боярин Дюк Степанович.

360 Тут Владимир князь да стольне-киевский
Посмотрел на правую сторонушку,
Увидал Щурилушку он Плёнкова,
Говорил он таковы слова:

«Молодой боярин Дюк Степанович
Прозакладал буйную головушку».

365 Говорил Спермечь тут сын Иванович:
«Ты, Владимир князь да стольне-киевский,
Посмотри-ка на леву ты сторонушку,
Молодой Щурилушка ведь Плёнкович

370 Прозакладал свою буйную й головушку».

Молодой Щурилушка тут Плёнкович
Стал он плеточкой по пуговкам поваживать,
Так тут стали пуговки посвистывать.

375 Молодой боярин Дюк Степанович
Стал тут плеточкой по пуговкам поваживать,
Засвистали пуговки по соловьиному,

Заревели пуговки да й по звериному.
Чёрнет-народ тут все и попадали.

Говорит тут князь Владимир стольне-киевский:
«Ай же ты, боярин Дюк Степанович,
Перестань ты вдить плеткой по белой груди,
Полно валить-та теби чёрниты».

Тут удалы дуродни добры молодцы
Оны господу й богу помолилиси,
Ко чюдным крестам да й приложилиси,
Да й пошли в палаты белокаменны
А ко ласковому князю й ко Владимиру.
Приходили в палату белокаменну
Да й во тую ль горницу столовую,

Да й садились все за столики дубовые,
Да за тыи за скамеечки окольныи.
Оны ели ествушка сахарний,
Оны пили питьвица й медъяныи.

Говорил Щурилушка тут Плёнкович:
«Ай же ты, холопина дворянская,
А ударим-ка со мной-та в велик заклад,
В велик заклад еще й не в малои:
Нам разъехаться на конях богатырских
А скочить через славную Пучай-реку».

Говорит боярин Дюк Степанович:
«Ай же ты, Щурилушка ты Плёнкович,
Теби просто са мной биться во велик заклад,
А велик заклад да и не в малои —
Твой-то добрый конь ведь богатырский
А стоит во городе во Киеве,
Он ведь зоблет пшеницу белоярову,
А моя-то кляченка заезжена,
А й заезжена да и дорожная».

Молодой боярин Дюк Степанович
Он скореньку ставал тут на резвы ноги,
Да й прошел по горенке столовоей
Через ту й палату белокаменну,
Выходил молодец да на широкий двор,
Заходил он к свдему добру коню,
Он тут пал на бедра й лошадиный,
Говорил коню да й таковы слова:

«Ты, мой сивушко да й ты мой бурушко,
Ты, мой маленькой да й ты косматенькой,
А ты выручь-ка меня с беды великоей:
Мне-ка биться с Щурилой во велик заклад,

380

385

390

395

400

405

410

415

А в велик заклад еще й не в малои —
 Нам разъехаться на конях богатырских,
 Да й скочить через славную й Пучай-реку».
 Яго добрый конь да й богатырский
 Взлепетал языком человечецким:

«Молодой боярин Дюк Степанович,
 А ведь конь козака Ильи Муромца,
 Тот ведь конь да мни-ко старший брат,
 А Щурилин конь да мни-ко меньший брат.
 Какова пора, какое ль времячко,
 Не поддамся я ведь брату большему,
 А не то поддамся брату меньшему».

Молодой боярин Дюк Степанович
 Скоро й шел в палату белокаменну,
 Проходил он во горницу столовую,
 Он тут бился со Щурилушки в велик заклад,
 А в велик заклад да и не в малыи,
 Что й разъехаться на конях богатырских,
 Да й скочить через славную Пучай-реку.

Тут удалыя дуродни добры молодцы
 Выходили молодцы тут на широкий двор,
 А садились да на коней богатырских,
 Да й поехали ко славной Пучай-реки,
 А за нима едут могучии богатыри
 Посмотреть на замашки богатырский.

Тут удалыя дуродни добры молодцы
 Припустили своих коней богатырских
 Да й скочили через славную й Пучай-реку.

Молодой боярин Дюк Степанович

Он скочил через славную Пучай-реку,

Молодой Щурилушки-то Плёнкович

Посреди реки с конем обрушился.

Молодой боярин Дюк Степанович

Посмотрел, что нет его й товарища,

Поскореньку молодец тут поворот держал,

Дай скочил чёрез славную Пучай-реку,

Да й схватил Щурилу за златы кудри,

Он тут вытащил Щурилу на крут на берег,

Говорил Щурилы таковы слова:

«Ай же ты, Щурилушки да й Плёнкович!

А не надо теби биться во велик заклад,

Во велик заклад да и не в малои.

А ходил бы ты по Киеву за б.....».

- 460 Тут удалии дуродни добры молодцы
 Приезжали ко князю й ко Владимиру,
 Говорит тут Щурилушка-то Плёнкович:
 «Ты, Владимир князь да стольне-киевский,
- 465 А пошли-ка ты еще й оценщиков
 А в тую ль в Индеюшку богатую
 А описывать Дюково имение,
- 470 А имение его да всё богачество».
- Говорит боярин Дюк Степанович:
 «Ты, Владимир князь да стольне-киевский,
 А пошли ты могучиих богатырей
 А описывать имение й богачество
- 475 И мою бесчетну й золоту казну,
 Не посылай-ка богатыря Олешеньки,
 А того ль Олеши Поповича:
 Он роду есть ведь-то поповского,
 А поповского рода он задорного,
- 480 Он увидит бесчетну золоту казну,
 Так ведь там ему да й голова сложить».
- 485 Тут Владимир князь стольне-киевский
 Снаряжал туда еще й оценщиков
 Да й двенадцать могучиих богатырей.
- 490 Тут удалии дуродни добры й молодцы
 Да й садились на коней богатырских,
 Да й поехали в Индеюшку богатую.
- Они едут раздольицем чистым полем,
 Оны въехали на гору на высокую,
 Посмотрели на Индеюшку богатую.
- 495 Говорит старый козак да Илья Муромец:
 «Ай же ты, боярин Дюк Степанович,
 Прозакладал свою буйную й головушку,
- 500 А горит твоя Индеюшка й богатая».
- 505 Говорит боярин Дюк Степанович:
 «Ай же, старый козак ты Илья Муромец,
 Не горит моя Индеюшка богатая,
 А в моей Индеюшки богатоей
- 510 А ведь крыши все, дома да й золоченыи».
- 515 Тут удалии дуродни добры молодцы
 Приезжали в Индеюшку богатую,
 Заезжали к Дюку й на широкий двор.
- Становили добрых кочей богатырских,
 Выходили на матушку сырь землю.
- 520 У него ль у Дюка у Степанова
 А на том на славном широком двори

А ведь посланы все сукна гармоичныи.
Тут удалый дуродни добры молодцы
А пошли оне в палаты белокаменны,
Проходили во горенку столовую,
Оны крест кладут да й по писанному,
А поклон ведут да й по ученому,
На дви, три, четыре сторонки поклоняются,
Говорят молодцы да й таковы слова:
«Здравствуй, свет честна вдова Настасья да й
Васильевна,
Дюковая еще й матушка».
Говорит она им таковы слова:
«А не Дюкова я есть ведь матушка,
А я Дюкова есть поломойница».

510
515
520
525
530
535
540
545
550
555
560
565
570
575
580
585
590
595
600
605
610
615
620
625
630
635
640
645
650
655
660
665
670
675
680
685
690
695
700
705
710
715
720
725
730
735
740
745
750
755
760
765
770
775
780
785
790
795
800
805
810
815
820
825
830
835
840
845
850
855
860
865
870
875
880
885
890
895
900
905
910
915
920
925
930
935
940
945
950
955
960
965
970
975
980
985
990
995
1000
1005
1010
1015
1020
1025
1030
1035
1040
1045
1050
1055
1060
1065
1070
1075
1080
1085
1090
1095
1100
1105
1110
1115
1120
1125
1130
1135
1140
1145
1150
1155
1160
1165
1170
1175
1180
1185
1190
1195
1200
1205
1210
1215
1220
1225
1230
1235
1240
1245
1250
1255
1260
1265
1270
1275
1280
1285
1290
1295
1300
1305
1310
1315
1320
1325
1330
1335
1340
1345
1350
1355
1360
1365
1370
1375
1380
1385
1390
1395
1400
1405
1410
1415
1420
1425
1430
1435
1440
1445
1450
1455
1460
1465
1470
1475
1480
1485
1490
1495
1500
1505
1510
1515
1520
1525
1530
1535
1540
1545
1550
1555
1560
1565
1570
1575
1580
1585
1590
1595
1600
1605
1610
1615
1620
1625
1630
1635
1640
1645
1650
1655
1660
1665
1670
1675
1680
1685
1690
1695
1700
1705
1710
1715
1720
1725
1730
1735
1740
1745
1750
1755
1760
1765
1770
1775
1780
1785
1790
1795
1800
1805
1810
1815
1820
1825
1830
1835
1840
1845
1850
1855
1860
1865
1870
1875
1880
1885
1890
1895
1900
1905
1910
1915
1920
1925
1930
1935
1940
1945
1950
1955
1960
1965
1970
1975
1980
1985
1990
1995
2000
2005
2010
2015
2020
2025
2030
2035
2040
2045
2050
2055
2060
2065
2070
2075
2080
2085
2090
2095
2100
2105
2110
2115
2120
2125
2130
2135
2140
2145
2150
2155
2160
2165
2170
2175
2180
2185
2190
2195
2200
2205
2210
2215
2220
2225
2230
2235
2240
2245
2250
2255
2260
2265
2270
2275
2280
2285
2290
2295
2300
2305
2310
2315
2320
2325
2330
2335
2340
2345
2350
2355
2360
2365
2370
2375
2380
2385
2390
2395
2400
2405
2410
2415
2420
2425
2430
2435
2440
2445
2450
2455
2460
2465
2470
2475
2480
2485
2490
2495
2500
2505
2510
2515
2520
2525
2530
2535
2540
2545
2550
2555
2560
2565
2570
2575
2580
2585
2590
2595
2600
2605
2610
2615
2620
2625
2630
2635
2640
2645
2650
2655
2660
2665
2670
2675
2680
2685
2690
2695
2700
2705
2710
2715
2720
2725
2730
2735
2740
2745
2750
2755
2760
2765
2770
2775
2780
2785
2790
2795
2800
2805
2810
2815
2820
2825
2830
2835
2840
2845
2850
2855
2860
2865
2870
2875
2880
2885
2890
2895
2900
2905
2910
2915
2920
2925
2930
2935
2940
2945
2950
2955
2960
2965
2970
2975
2980
2985
2990
2995
3000
3005
3010
3015
3020
3025
3030
3035
3040
3045
3050
3055
3060
3065
3070
3075
3080
3085
3090
3095
3100
3105
3110
3115
3120
3125
3130
3135
3140
3145
3150
3155
3160
3165
3170
3175
3180
3185
3190
3195
3200
3205
3210
3215
3220
3225
3230
3235
3240
3245
3250
3255
3260
3265
3270
3275
3280
3285
3290
3295
3300
3305
3310
3315
3320
3325
3330
3335
3340
3345
3350
3355
3360
3365
3370
3375
3380
3385
3390
3395
3400
3405
3410
3415
3420
3425
3430
3435
3440
3445
3450
3455
3460
3465
3470
3475
3480
3485
3490
3495
3500
3505
3510
3515
3520
3525
3530
3535
3540
3545
3550
3555
3560
3565
3570
3575
3580
3585
3590
3595
3600
3605
3610
3615
3620
3625
3630
3635
3640
3645
3650
3655
3660
3665
3670
3675
3680
3685
3690
3695
3700
3705
3710
3715
3720
3725
3730
3735
3740
3745
3750
3755
3760
3765
3770
3775
3780
3785
3790
3795
3800
3805
3810
3815
3820
3825
3830
3835
3840
3845
3850
3855
3860
3865
3870
3875
3880
3885
3890
3895
3900
3905
3910
3915
3920
3925
3930
3935
3940
3945
3950
3955
3960
3965
3970
3975
3980
3985
3990
3995
4000
4005
4010
4015
4020
4025
4030
4035
4040
4045
4050
4055
4060
4065
4070
4075
4080
4085
4090
4095
4100
4105
4110
4115
4120
4125
4130
4135
4140
4145
4150
4155
4160
4165
4170
4175
4180
4185
4190
4195
4200
4205
4210
4215
4220
4225
4230
4235
4240
4245
4250
4255
4260
4265
4270
4275
4280
4285
4290
4295
4300
4305
4310
4315
4320
4325
4330
4335
4340
4345
4350
4355
4360
4365
4370
4375
4380
4385
4390
4395
4400
4405
4410
4415
4420
4425
4430
4435
4440
4445
4450
4455
4460
4465
4470
4475
4480
4485
4490
4495
4500
4505
4510
4515
4520
4525
4530
4535
4540
4545
4550
4555
4560
4565
4570
4575
4580
4585
4590
4595
4600
4605
4610
4615
4620
4625
4630
4635
4640
4645
4650
4655
4660
4665
4670
4675
4680
4685
4690
4695
4700
4705
4710
4715
4720
4725
4730
4735
4740
4745
4750
4755
4760
4765
4770
4775
4780
4785
4790
4795
4800
4805
4810
4815
4820
4825
4830
4835
4840
4845
4850
4855
4860
4865
4870
4875
4880
4885
4890
4895
4900
4905
4910
4915
4920
4925
4930
4935
4940
4945
4950
4955
4960
4965
4970
4975
4980
4985
4990
4995
5000
5005
5010
5015
5020
5025
5030
5035
5040
5045
5050
5055
5060
5065
5070
5075
5080
5085
5090
5095
5100
5105
5110
5115
5120
5125
5130
5135
5140
5145
5150
5155
5160
5165
5170
5175
5180
5185
5190
5195
5200
5205
5210
5215
5220
5225
5230
5235
5240
5245
5250
5255
5260
5265
5270
5275
5280
5285
5290
5295
5300
5305
5310
5315
5320
5325
5330
5335
5340
5345
5350
5355
5360
5365
5370
5375
5380
5385
5390
5395
5400
5405
5410
5415
5420
5425
5430
5435
5440
5445
5450
5455
5460
5465
5470
5475
5480
5485
5490
5495
5500
5505
5510
5515
5520
5525
5530
5535
5540
5545
5550
5555
5560
5565
5570
5575
5580
5585
5590
5595
5600
5605
5610
5615
5620
5625
5630
5635
5640
5645
5650
5655
5660
5665
5670
5675
5680
5685
5690
5695
5700
5705
5710
5715
5720
5725
5730
5735
5740
5745
5750
5755
5760
5765
5770
5775
5780
5785
5790
5795
5800
5805
5810
5815
5820
5825
5830
5835
5840
5845
5850
5855
5860
5865
5870
5875
5880
5885
5890
5895
5900
5905
5910
5915
5920
5925
5930
5935
5940
5945
5950
5955
5960
5965
5970
5975
5980
5985
5990
5995
6000
6005
6010
6015
6020
6025
6030
6035
6040
6045
6050
6055
6060
6065
6070
6075
6080
6085
6090
6095
6100
6105
6110
6115
6120
6125
6130
6135
6140
6145
6150
6155
6160
6165
6170
6175
6180
6185
6190
6195
6200
6205
6210
6215
6220
6225
6230
6235
6240
6245
6250
6255
6260
6265
6270
6275
6280
6285
6290
6295
6300
6305
6310
6315
6320
6325
6330
6335
6340
6345
6350
6355
6360
6365
6370
6375
6380
6385
6390
6395
6400
6405
6410
6415
6420
6425
6430
6435
6440
6445
6450
6455
6460
6465
6470
6475
6480
6485
6490
6495
6500
6505
6510
6515
6520
6525
6530
6535
6540
6545
6550
6555
6560
6565
6570
6575
6580
6585
6590
6595
6600
6605
6610
6615
6620
6625
6630
6635
6640
6645
6650
6655
6660
6665
6670
6675
6680
6685
6690
6695
6700
6705
6710
6715
6720
6725
6730
6735
6740
6745
6750
6755
6760
6765
6770
6775
6780
6785
6790
6795
6800
6805
6810
6815
6820
6825
6830
6835
6840
6845
6850
6855
6860
6865
6870
6875
6880
6885
6890
6895
6900
6905
6910
6915
6920
6925
6930
6935
6940
6945
6950
6955
6960
6965
6970
6975
6980
6985
6990
6995
7000
7005
7010
7015
7020
7025
7030
7035
7040
7045
7050
7055
7060
7065
7070
7075
7080
7085
7090
7095
7100
7105
7110
7115
7120
7125
7130
7135
7140
7145
7150
7155
7160
7165
7170
7175
7180
7185
7190
7195
7200
7205
7210
7215
7220
7225
7230
7235
7240
7245
7250
7255
7260
7265
7270
7275
7280
7285
7290
7295
7300
7305
7310
7315
7320
7325
7330
7335
7340
7345
7350
7355
7360
7365
7370
7375
7380
7385
7390
7395
7400
7405
7410
7415
7420
7425
7430
7435
7440
7445
7450
7455
7460
7465
7470
7475
7480
7485
7490
7495
7500
7505
7510
7515
7520
7525
7530
7535
7540
7545
7550
7555
7560
7565
7570
7575
7580
7585
7590
7595
7600
7605
7610
7615
7620
7625
7630
7635
7640
7645
7650
7655
7660
7665
7670
7675
7680
7685
7690
7695
7700
7705
7710
7715
7720
7725
7730
7735
7740
7745
7750
7755
7760
7765
7770
7775
7780
7785
7790
7795
7800
7805
7810
7815
7820
7825
7830
7835
7840
7845
7850
7855
7860
7865
7870
7875
7880
7885
7890
7895
7900
7905
7910
7915
7920
7925
7930
7935
7940
7945
7950
7955
7960
7965
7970
7975
7980
7985
7990
7995
8000
8005
8010
8015
8020
8025
8030
8035
8040
8045
8050
8055
8060
8065
8070
8075
8080
8085
8090
8095
8100
8105
8110
8115
8120
8125
8130
8135
8140
8145
8150
8155
8160
8165
8170
8175
8180
8185
8190
8195
8200
8205
8210
8215
8220
8225
8230
8235
8240
8245
8250
8255
8260
8265
8270
8275
8280
8285
8290
8295
8300
8305
8310
8315
8320
8325
8330
8335
8340
8345
8350
8355
8360
8365
8370
8375
8380
8385
8390
8395
8400
8405
8410
8415
8420
8425
8430
8435
8440
8445
8450
8455
8460
8465
8470
8475
8480
8485
8490
8495
8500
8505
8510
8515
8520
8525
8530
8535
8540
8545
8550
8555
8560
8565
8570
8575
8580
8585
8590
8595
8600
8605
8610
8615
8620
8625
8630
8635
8640
8645
8650
8655
8660
8665
8670
8675
8680
8685
8690
8695
8700
8705
8710
8715
8720
8725
8730
8735
8740
8745
8750
8755
8760
8765
8770
8775
8780
8785
8790
8795
8800
8805
8810
8815
8820
8825
8830
8835
8840
8845
8850
8855
8860
8865
8870
8875
8880
8885
8890
8895
8900
8905
8910
8915
8920
8925
8930
8935
8940
8945
8950
8955
8960
8965
8970
8975
8980
8985
8990
8995
9000
9005
9010
9015
9020
9025
9030
9035
9040
9045
9050
9055
9060
9065
9070
9075
9080
9085
9090
9095
9100
9105
9110
9115
9120
9125
9130
9135
9140
9145
9150
9155
9160
9165
9170
9175
9180
9185
9190
9195
9200
9205
9210
9215
9220
9225
9230
9235
9240
9245
9250
9255
9260
9265
9270
9275
9280
9285
9290
9295
9300
9305
9310
9315
9320
9325
9330
9335
9340
9345
9350
9355
9360
9365
9370
9375
9380
9385
9390
9395
9400
9405
9410
9415
9420
9425
9430
9435
9440
9445
9450
9455
9460
9465
9470
9475
9480
9485
9490
9495
9500
9505
9510
9515
9520
9525
9530
9535
9540
9545
9550
9555
9560
9565
9570
9575
9580
9585
9590
9595
9600
9605
9610
9615
9620
9625
9630
9635
9640
9645
9650
9655
9660
9665
9670
9675
9680
9685
9690
9695
9700
9705
9710
9715
9720
9725
9730
9735
9740
9745
9750
9755
9760
9765
9770
9775
9780
9785
9790
9795
9800
9805
9810
9815
9820
9825
9830
9835
9840
9845
9850
9855
9860
9865
9870
9875
9880
9885
9890
9895
9900
9905
9910
9915
9920
9925
9930
9935
9940
9945
9950
9955
9960
9965
9970
9975
9980
9985
9990
9995
10000
10005
10010
10015
10020
10025
10030
10035
10040
10045
10050
10055
10060
10065
10070
10075
10080
10085
10090
10095
10100
10105
10110
10115
10120
10125
10130
10135
10140
10145
10150
10155
10160
10165
10170
10175
10180
10185
10190
10195
10200
10205
10210
10215
10220
10225
10230
10235
10240
10245
10250
10255
10260
10265
10270
10275
10280
10285
10290
10295
10300
10305
10310
10315
10320
10325
10330
10335
10340
10345
10350
10355
10360
10365
10370
10375
10380
10385
10390
10395
10400
10405
10410
10415
10420
10425
10430
10435
10440
10445
10450
10455
10460
10465
10470
10475
10480
10485
10490
10495
10500
10505
10510
10515
10520
10525
10530
10535
10540
10545
10550
10555
10560
10565
10570
10575
10580
10585
10590
10595
10600
10605<br

Тут брала она да й золоты ключи,
Отмыкала она погребы глубокии.
Тут удалы дуродни добры молодцы
А смотрели имение й богачество
Да и всю бесчетну золоту казну.

Говорит Дунаюшка Иванович:
«Ай же, мои братьицы крестовыи,
Вы богатыри да святоруссъкии,
Вы пішемте-ка й письма скорописчаты
А тому ли князю да Владимиру —

Пусть ведь Киев-град продаст да й на бумагу-то,
А Чернигов-град продаст да й на чернила-то,
А пускай тогда описывает Дюково имение».

Тут удалы дуродни добры молодцы
Проходили й в горенку й столовую,
Да й садились за столички дубовыи,
Да й за тыя скамеечки окольнии,
Оны ели ествушки сахарнии,
Оны пили питьвица медъянныи:

А ведь чарочьку повыпьешь — по другой-то душа
горит,

А ведь другу й выпьешь — третьей хочется.

Тут удалы дуродни добры й молодцы
Наедалися да й оны досыти,
Напивалися да й оны допьяна.
Да й тым былиночка й покончилась.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

Из того из города из Крякова,
 Из того села да из Березова,
 А из толь со славной улички Рогатицы
 Охвочь ездить молодец был во чисто полё,
 Молодой Петрой Петрович королевский сын,
 А стрелял он во поле гусей-лебедей,
 Серых малых перелетных утенышей.
 Да й проездил молодец по дёнь поры,
 А проездил молодец по другой день,
 Да й проездил молодец по третий день.
 А по третий день с утра й до пабедья.
 Заехал он ко славному й синю морю,
 Становил коня он богатырского.
 А на том на славноём синём море,
 А на той на тихоей забереги,
 Да й на том зеленоем на затряси
 А там плавали ведь две лебедушки.
 Молодой Петрой Петрович королевский сын
 Скоро тугой лук разрывчатой отстегивал
 А от праваго от стремечки булатнаго,
 Натянул тетивочку й шелковую,
 Наложил он стрелочку й каленую,
 А хотит спустить тетивочку й шелковую
 А во эту стрелочку й каленую,
 Хотит подстрэлить двух белых лебедушек.
 Етыя две лебедушки

Взлепетали езыком человечециким:
«Ты, удалый дуродний добрый молодец,
Хоть подстрёшь нас двух белых лебедушек,
Нашу кровь прольешь ты во сырь воду,
Наши перья разнесет да по синю морю,
Не укрятаёшь плеча могучаго,
Не утешишь сердца богатырского.
Мы ведь есть не дви лебедушки,
А ведь есть-то мы дви красных девушки,
Две прекрасных Настасьи Митриевишины,
Митриевишины да и мы царевишины.
А летаем мы от пана от поганаго,
От того ли Федора Иванова,
Поры-времени летаем мы по три году,
Улетали на матушку и святую Русь
Через славное да и мы синё море.
Удалой ты дуродний добрый молодец,
Поезжай ко городу ко Киеву,
А ко славному ко князю и ко Владимиру:
А у славного у князя и у Владимира
Есть хорош почестьи пир да и пироканьице
На многих князей, на многих бояров,
Да и на сильниех могучих богатырей,
Да и на славных полянца да и разудалых,
Ты, удалый дуродний добрый молодец,
Заезжай-ка в раздольице в чистом поли
А ко славному и сырь дубу и кряковисту,
Усмотри-ка птицу черна ворона,
Ты подстрель там птицу черна ворона.
А сидит-то птица-ворон на сырьом дубе,
Перьицца у ворона и белым белы,
Пораспущенная крыльница до матушки сырой земли,
Ёдакой же птицы на свете не видано,
А на белоём и не слыхано».
Тут стоит молодец да и пораздумался:
«Хоть подстрелю я двух белых лебедушек,
Побью я две головки бесповинных,
Я их кровь пролью во синё мори,
А их перья пущу да и по синю морю,
Не укрять мне плеча могучаго,
Не утешить сердца богатырского».
Он снимает скоро и стрелочку и каленую,
Да и спустил тетивочку и шелкдную,
Скоро и тугой лук разрывчатой пристегивал

Ко правому стремени булатнему,
А поехал в раздольице чисто поле
Тут удалый дуродний добрый молодец
Ай ко славному ко городу ко Киеву.
75 Заезжал в раздольице в чисто поле
А ко славному сырому дубу крякновисту,
Становил коня да ий богатырского,
Усмотрел он птицу черна ворона.
80 А сидит-то птица ворон во сыром дубу,
Крыльца у ворона черным черно,
Перышце у ворона ий белым бело.
Пораспущены крыльца до матушки сырой земли,
Эдакой же птицы на свети не видано,
85 А на белоём еще не слыхано.
Тут удалый дуродний добрый молодец
Скоро ий тугой лук разрывчатой отстегивал
А от правого ль от стремечки булатняго,
Натянул тетивочку ий шелковеньку,
90 Наложил он стрелочку ий каленую,
Да ий хотел спустить тетивочку шелковую
А во эту стрелочку ий калённую,
Хочет подстрелить птицу черна ворона.
А ведь этот ворон птица черны
Взлепетал языком человеческим:
95 «Ты ий удаленькой дуродний добрый молодец,
А слыхал ли ты поговору на святой Руси:
В кельи старца убить ведь есть не спасенье,
Черна ворона подстрелить есть не крьсть
100 получить».
Хоть подстрель ты меня птицу черного ворона,
Мою кровь пролей ты по сырому дубу,
Мою тушицу спусти ты на сырую землю,
Мои перья разнесет да ий по чисту полю, —
Не укрятаёшь плеча могучего,
105 Не утешит сердца ий богатырского,
Поезжай-ка ты, удалый дуродний добрый
молодец,
110 Поезжай-ка ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру:
А у ласкова у князя ий у Владимира
Есть хороший почетен пир да ий пированьице,
На многих князей на многих бояров,
Да ий на сильниях могучих богатырей,
Да ий на славных поляниц да ий разудалых».

115 Тут стоит да й молодец й призадумался:
«А слыхал я поговоры на святой Руси —
В кельи старца убить ведь есть не спасенье,
Черна й ворона подстрэлить есть — не корысть
получить».

120 Хоть подстрэль я птицу черна ворона,
Яго кровь пролью я по сырому дубу,
Яго тушицу спущу да й на сырую землю,
Яго перья разнесёт да й по чисту полю,
Не укрятаю плеча могучего.

125 Не утешить сердца богатырского».
Он снимает скоро й стрелочку й каленую,
Да й спустил тетивочку й шелковую,
Скоро тугой лук разрывчатой пристегивал,
А ко правому ль стремечки булатному.

130 А во тую ль пору в тое ль времеъко
А крикнет татарин во чистом поли,
А он кличет выкликает поединщика,
Из чиста поля себе наездника:

135 «Ты Владимир князь стольно-киевский,
А давай мни в поле поединщика,
Из чиста поля дай мне наездника!

140 Ты не дашь как мне да й поединщика,
Из чиста поля да й мне наездника —

145 Твоих черных мужиков я всех повырублю,
Твои божьи церкви я на дым спущу,
А тебя, князя Владимира, в полон возьму,
А в полон возьму да й голову срублю».

150 Вот Петрой Петрович королевский сын
Сидит на коне да й призадумался:

155 «Как поехать мне дорожкой прямоезжоей,
Прямоезжею дорожкой прямо в Киев-град,
Так побьет меня татарин во чистом поли,
Он подрубит мою буйную и головушку,
А пораспластует мой да й груди белые,
Забросит молодца да за ракитов куст.

160 Как поехать мне й дорожкой той окольней
Так не честь-хвала мне будет от богатырей,
Да й не выслуга от князя от Владимира».

165 Тут удалый дуродний добрый молодец
Он просил себе бога на помочь,
Пречистую й пресвятую богородицу,
Препускал коня да й богатырского,
Поехал дорожкою прямоезжею.

Он наехал в поле тут татарина,
Оны съехались да й поздоровались,
Становили добрых коней богатырских,
Оны делали сговор между собой,
Как же силы у друг друга отведати,
Надойти разъехаться на конях богатырских,
Приударить надоть в копья муржамецкии.
Приразъехались на конях богатырских,
Приударили во копья й муржамецкия —
165 У них копья в руках да й погибалися,
А й по маковкам да й отломилися,
А доспехи под ними очень крепкие,
Они бились молодцы не желухою,
Не желухою молодцы да й по белым грудям.
Бились оны да больно ранились,
170 Никоторого й местечка й не кровавили,
Они делали сговор между собой.

ВАСИЛИЙ ОКУЛЬЕВИЧ

Как прекрасный царь Василий да Окульевич
 А завел Василий тут почестный пир,
 А почестный пир завел в воскресный день.
 На многих князей, на многих бояров,
 Да и на сильных могучих богатырей,
 Да и на славных паляниц-то и разудальных.
 Красное солнышко и на вечери,
 Да и хорош идет почестный пир на весели,
 А все молодцы да и на честном пиру,
 На честном пиру да пьяны-веселы,
 А прекрасный царь Василий да Окулиевич,
 Он по горенки столовой похаживал,
 Да и о столики дубовые и погуливвал,
 Говорит Василий таковы слова:
 «У нас красная солнышко и на вечери,
 Да хорош идет почестный пир на весели,
 А все молодцы вы на честном пиру,
 На честном пиру да пьяны-веселы,
 Да и все вы молодцы и поженены,
 За вас красные девушки и замужданы,
 Только я один хожу холост не жененой,
 А не знаете ли, братцы, супротивницы,
 Чтобы ростом была да и высокёшенька,
 А ведь станом была она и прямёшенька,
 Умом-разумом да и не глупёшенька,
 Чтобы личушком была как снегу и белого,

Чтобы очюшки у ней как ясна сокола,
А ведь бровушки у ней как черна соболя.
А походочкой была на лани белый,
А на белый лани, златогории,
Чтобы было мне молодцу с кем жить да быть,
А вам молодцам да й поклонятися».
Так тут все молодцы да й на честном пиру,
На честном пиру да й преумолкнули,
Приумолкнули да й затулялиси.
Старшая тулечка ко средней,
А средня й тулечка й за меньшую,
А от меньшей тулечки ответу нет,
Таковых людей во граде не находится.
Из-за тых ли столиков дубовых,
Из-за тых скамеечек окольных,
Выходил Ивашка вор повареной,
Становился он в горенки столовоей,
Супротив царя Василья да й Окульева.
Он тут бьет целом да й поклоняется,
До тых полов да й до кирпичных,
Говорит Ивашка й таковы слова:
«Ты прекрасный царь Василий да Окулиевич,
Я знаю тебе ведь супротивницу,
А ведь ростом она да й высокощенка,
А ведь станом она да есть прямощенка,
Умом-разумом есть не глупощенка,
На личушко она как снегу й белого,
А ведь очюшки у ней да й ясна сокола,
А ведь бровушки у ней да й черна соболя.
А походочка у ней на лани белый,
А на белая лани, златогории.
А ведь было ти молодцу с ким жить да быть,
А ведь нам молодцам да й поклонятися.
А ведь есть за славным синим морем
У того ль царя да й у Соломана
Есть прекрасная царица Соломания».
Тут прекрасный царь Василий да Окулиевич
Он ударил Ивашка-та й по той страны,
Он ударил Ивашка и по другой страны,
Говорил Ивашку таковы слова:
«Ай же ты, Ивашка вор повареной,
Говоришь ты речи неумельные,
Как же можно от живя мужа,
У живя мужа да й жена отнять?»

Етот Ивашка вор поваренный
А он бьет целом еще и по дрѹгой раз
До тых полов до кирпичных.
«Ты, прекрасный царь Василий да й Окульевич,
75 А построй-ка ты да й червлен корабль,
Нагрузи товару ты й на кàрабле,
А построй-ка столбички точеныи,
Положи-тка грядочки орленыи,
А повесь-ка клетки золоченыи,
80 Посади-тка птичушёк ты райскихих,
Чтобы пели песенки всё царьскии;
А тому царю да ты Соломану
А ты сшей-ка шубу соболиную,
Соболиную й шубу в сорок сёболей;
85 А ты той царицы Соломании
А построй камодичек хрускатыи,
Ты отправь Ивашку за синё море,
Привезу тибе царицу Соломанию».
Тут прекрасный царь Василий да Окулиевич
90 Он ударил Ивашка как по той стране,
Он ударил Ивашка й по другой стране,
Говорит Ивашки таковы слова:
«Ай же ты, Ивашка вор поваренной,
Говоришь ты речи неумельнии,
95 А ведь как же можно от жива мужа,
От живà мужа да й жену отнять?!»
Ётот Ивашка вор поваренный
А он бьет целом еще й по третий раз,
А до тех полов да й до кирпичных,
100 Говорит Ивашка таковы слова:
«Ай же ты, прекрасный царь Василий да
Окулиевич,
А построй-ка ты да й червлен корабль,
Нагрузи товару ты й на кàрабле,
А построй-ка столбички точеныи,
105 Положи-тка грядочки орленыи,
А повесь-ка клетки золоченыи,
Посади-тка птичушёк ты райскихих,
Чтобы пели песенки всё царьскии;
А тому царю да ты Соломану
110 А ты сшей-ка шубу соболиную,
Соболиную й шубу в сорок сёболей;
А ты той царицы Соломании
А построй камодичек хрускатыи,

115 Ты отправь Ивашку за синё море,
Привезу тибе царицу Соломанию».
Тут прекрасный царь Василий да
Окульевич

Он построил тут червлен корабль,
Нагрузил товару й на карабле,
А поставил он столбички точеныи,
Положил он грядочки орленыи,
Он повесил клетки золоченыи,
Посадил птичушек ведь райских,
Оны пели песенки всё царскии;
А тому царю да он Соломану,
А он сшил-та й шубу соболиную,
Соболиную шубу в сорок сёблей;
Той царице Соломании
Он построил камодичёк хрускатыи,
А отправил Ивашку за синё море,
120 А ётот Ивашка вор повареной,
Он садился Ивашка на червлен корабль,
Он отчалил от гавани коробельной,
А он выехал во славное синё морё,
Распускал он тонки белы пàруса,
125 А завеяло тут лёгкое поветерьице,
Понесло Ивашка й за синё морё,
Приезжал Ивашка за синё морё,
Становился в гавань коробельную,
Выходил на пристань коробельную,
130 Сам пошел в палаты белокаменны,
Ко тому царю да ко Соломану,
Приходил Ивашка на широкий двор,
А Соломана дома не случилоси,
А ведь тая царица Соломания
135 Увидала в косясчато окошечко
Что идет Ивашка вор повареной,
По грудям она й в окошечко кидаласи,
Говорила Ивашки таковы слова:
«Ай же ты. Ивашка вор поваренный,
140 Ты пожалуй к нам в палаты белокаменны».
Приходил Ивашка вор повареной
А во тыя ль палаты белокаменны,
А он крест кладет да й по писаному,
145 А поклон ведет да й он по ученому,
А царице Соломании он кланялся,
Говорит ему царица Соломания:

«Ай же ты, Ивашка вор поваренный,
Ты зачем же к нам пожаловал?»

- 160 Говорит Ивашка таковы слова:
«Ай же ты, царица Соломания,
Я приехал гостем к вам торговым.
Ты сходи-ка к нам да на червлен корабль,
Посмотри товпру ты й на карабле:
165 А у нас товары все заморские,
А тому ль царю да ведь Соломану
Есть та й сшила шуба соболиная;
Соболиная шуба в сорок соболей;
А тибе царице Соломании
170 Есть построен комодичек хрускатыи».
Говорит царица Соломания:
«Ай же ты, Ивашка вор поваренной,
А торгуй, Ивашка, хоть по год поры,
А торгуй, Ивашка, хоть по два году.
175 А с тебя нам пошлины не надобно».
Етот Ивашка вор поваренный,
А он бьет целом еще й по другой раз,
А до тых полов да й до кирпичных,
Говорит Ивашка таковы слова:
180 «Ай же ты, царица Соломания,
Я приехал гостем к вам торговым,
Ты сходи-ка к нам да на червлен корабль.
Посмотри товару ты й на карабле:
185 А у нас товары все заморские,
А тому ль царю да ведь Соломану,
Есть та й сшила шуба соболиная,
Соболиная шуба в сорок соболей.
А тибе, царице Соломании,
190 Есть построен комодичек хрускатыи».
Говорит царица Соломания:
«Ай же ты, Ивашка вор поваренной,
А торгуй, Ивашка, хоть по год поры,
А торгуй, Ивашка, хоть по два года,
А с тебя нам пошлины не надобно».
195 Етот Ивашка вор поваренный
Бьет целом еще й по третий раз.
А до тых полов да й до кирпичных,
Говорит Ивашка таковы слова:
200 «Ай же ты, царица Соломания,
Я приехал гостем к вам торговым,
Ты сходи-ка к нам да на червлен корабль,

Посмотри товару ты й на кàрабле:
А у нас товары всё заморские,
А тому ль царю да ведь Соломану
Есть та й сшила шуба соболиная,
Соболиная шуба в сорок сёболей.
А тибе, царице Соломании,
Есть построен комодичек хрускатый».
Говорит царица Соломания:
«Ай же, нянюшки да мои мамушки,
Вы справляйтесь-ка да й снаряжайтесь-ка.
А пойдем на пристнань коробельную
А на тот на славной на червлен корабль
Посмотреть товаров там на корабли».

215 Тут справлялися да й снаряжалися
А на тууу пристань коробельную.
Приходил на пристань коробельную,
Зiходили на славный и червлен корабль.
Ётот Ивашка вор поваренной
220 Проводил царицу Соломанию
Ко тому ль комодику хрускатому.
Отмыкал комодичек он хрускатой,
А былъ там вина всё заморский.
Етà царица Соломания

225 Вин заморских принапилася,
Принапиласи да й обвалиласи,
А тот Ивашка вор поваренной
Приказал срубить скоро й якоря,
Якоря рубить да й он тяжелыи,
230 А отчалил он с гавань корабельной.
Выезжал во славное синё морё,
Распускал он тонки белы пàруса
А поехал за славное синё морё.
А тут сделалось легко й поветёрыце,
235 Понесло Ивашка за синё морё.
Тут царица Соломания проснуласи.
Говорит Ивашки таковы слова:
«Ай же ты, Ивашка вор поваренной.
А ты сам погинул й меня сгубил».

240 Говорит Ивашка вор поваренный:
«Ай же ты, царица Соломания,
Не печалься ты, царица Соломания,
Я свезу тебя да й на святую Русь,
А мы выдадим за Василья да Окулиева».

245 Привозил Ивашка на святую Русь,

Заезжал он в гавань корабельную,
Тут встречает царь Василий да Окульевич,
Он берет царицу за белы руки,
А за перстни брал да за злачёныи,
250 Да й повел во матушку й божью церковь,
Принимали ой да й по злату венцу,¹
Они по год жили — Солбмана боялиси,
И по другой жили Солбмана боялиси,
И по третий жили — Солбмана боялиси,
255 Через три года царь Солбман приезжает на
святую Русь,
Он идет в палаты белокаменны,
К царю Василию Окульевичу,
Царя Василия Окульевича дома не случилося.
Увидала царица Соломания,
260 Что идет царь Солбман в палаты белокаменны,
Навстречу ему выбегала,
Брала его за руки белыи,
Повела его в палаты белокаменны,
Говорила ему таковы слова:
265 «Ты прости меня, царь Солбман, в вины великоей,
Что пошла я на пристань корабельную,
Упилась я там зелено вино».
Говорит тут царь Солбман таковы слова:
«За эту вину я прошу тебя,
270 Что ты шла на пристань корабельную,
А что пила зелено вино, то не могу простить».
Тут идет Василий Окульевич в палаты
белокаменны.
Говорит тут царь Солбман таковы слова:
«Ты спрячь меня, царица Соломания».
275 Царица Соломания открывала глубок ларец,
Посадила туда царя Солбмана,
Сама села на глубок ларец.
Приходит царь Василий Окульевич,
Говорит царица Соломания:
280 «Гы, прекрасный царь Василий да Окульевич,
Мы три года Солбмана боялиси,
А теперь сидит царь Солбман под ж.... бабьесей,
Ты казни-ка казни царя Солбмана,
Казни его да й не замедливай».
285 Тут прекрасный царь Василий да Окульевич

¹ До сих пор спето. Дальше запись со слов.

Поставил столбики точеныи,
Грядочки положил да орленыи,
Повесил три петелки шелковыи,
Брал он тут царя Соломана,
290 Пошли они казнить царя Соломана,
Пошла тут и царица Соломания,
Говорит тут царь Соломан таковы слова:
«Первый колеса идут как идут,
А другие колеса самы катятся,
295 А третий колеса чорт ли несет».
Приходили к петелкам шелковым,
Говорит тут царь Соломан таковы слова:
«Ты, прекрасный царь Василий да Окульевич,
800 А ведь с малых лет я коров пасывал,
Привык я играть во турий рог,
Ты позволь мне сыграть во турий рог
При моей царской кончинушки».
Прекрасный царь Василий да Окульевич
805 Позволил ему сыграть во турий рог.
Тут заиграл Соломан во турий рог —
С-за того за славного синя моря
Великий шум пошел.
Говорит тут царь Василий Окульевич:
810 «Ай же ты, Соломан царь,
Что это значит за шум такой?»
Говорит тут ему в ответ Соломан царь:
«Ты, прекрасный царь Василий да Окульевич,
815 Ето слетаются на мою царскую кончинушку
Все птицы с-за синя моря».
Говорит царица Соломания:
«Ты, прекрасный царь Василий да Окульевич,
Казни, казни, казни Соломана,
Ты казни его, да не замедливай».
Тут говорит царь Соломан таковы слова:
820 «Прекрасный царь Василий да Окульевич,
Ты позволь-ка мне сыграть во турий рог,
Во турий рог по другой раз».
Тут сыграл Соломан во турий рог,
Во турий рог играл по другой раз.
С-за того с-за славного синя моря
825 Великий шум идет.
Говорит Василий Окульевич:
«Ай же ты, Соломан царь,
Отчего за славным синим морем

340 Великий шум идет?»

Говорит Соломан царь:

«Прекрасный царь Василей ты Окульевич,
На мою на царскую кончинушку
Сбегаются все звери лютые».

345 Говорит царь Соломан таковы слова:

«Прекрасный царь Василий да Окульевич,
Ты позволь-ка мне сыграть во турый рог,
Во турый рог по третий раз».

Тут заиграл Соломан во турый рог,

350 Во турый рог да и по третий раз —

Налетели тут воины могучии,

Паляницы разудалыи,

Схватили царя Василия Окульевича

И того ль Ивашку вора поваренна,

355 Тую ль царицу Соломанию,

Положили их в петелки шелковыи.

Да тым былинка и кончилась.

1

ВОЛЬГА И МИКУЛА

Жил Святослав дивяносто лет,
Жил Святослав и представилса.
Оставалось от нбго да й чадо й милов,
Молодый Вольга да Святославович,
Стал Вольга ростеть-матереть,
Похотелось и Вольги да много мудростей,
Щукой-рыбою ходить да во глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему й под оболочки,
Рыскать волком во чистых полях.
Уходили все рыбушки в глубокие моря,
Улетали все птицы под оболочки,
Убяжали все звери во тёмны леса.
Стал Вольга ростеть-матереть,
Егб-то был родный дядюшка
Ласков князь Владимир стольне-кевской.
Жаловал яго трём [а] городами со
крестьяновцами:
Первой город и Гурцовец,
Другой город Ореховец,
Третьей город Крестьяновец.
Етот Вольга да Святославович,
Подбирал събе дружинушку й хороскую.
Тридцать молодцов да й без единого.
Сам Вольга и во тридцатых.
Садилися на коней богатырских,
Поехали в раздольицо й чисто полб,
Выйхали в раздольицо чисто й поле,
Услышали в поли оны ратая,
Орёт в поли ратай. понукиваёт,
Сошна у ратая иоскряшывает,

Омепики по камешкам почеркивают.
Ехали оне и добры молодцы
Цельной день с утра й до вечира,
Не наехали в чистом поли ратая.
Орёт в поле ратай понукиваёт,
Сошка у ратая поскрыпываёт,
Омешики по камешкам почеркивают.
Ехали оне и добры молодцы
Дрўгои день с утра й до вечира,
Не наехали в чистом поли ратая,
Орёт в поле ратай понукиваёт,
Сошка у ратая поскрыпываёт,
Омешики по камешкам почёрикают.
Ехали оне и добры молодцы
Третъей день с утра й до пабедья,
Наехали в чисто[m]поли ратая
Орёт в поле ратай понукиваёт,
Сошка у ратая поскрыпываёт,
Омепики по камешкам почеркивают.
С краю в край бороздки он повёртываёт
С краю в край проедет, так другого не видать,
Пенья-корёнья й вывёртываёт,
Крупный он каменья-ти в броваду валит
«А бог теби помошь, оратаюшко,
Орать да пахать да й крестьяновать».

* * *

Говорил тут Вольга Святославович.
«Ай же ты, орать оратаюшко,
Етая кобыл(ы)ка коньком бы была,
За етую кобыл(ы)ку пятьсот бы дали»
Говорил тут орать оратаюшко:
«Глупый ты Вольга й Святославович,
Брал я кобыл(ы)ку с-под матушки,
Заплатил за кобыл(ы)ку пятьсот рублей,
Етая кобыл(ы)ка коньком бы была,
За етую кобылку бы сметы нет.

2

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из тово ль из города из Муромля,
Из тово ль сяла да й Карочирова,
Из тово ль подворьи й богатырского,
Выезжал дуродний добрый молодец,
Старый козак-то Илья Муромец,
Илья Муромец да й сын Иванович,
Он заутрену тую христовскую
Он заутрену служил во Муромле,
На обеденку хотел поспеть во стольно
Киёв-град.

10 Выезжал в раздольице ѹ чисто полё,
Подъезжал ко городу ѹ Чернигову,
Как тот путь его ѹ дорожка привамешкала.
Как под славным городом Черниговыим
Нагнано-то ѹ силушки чёрным-чёриб,
А чёрным чёрно как чёрного ворона.

15

3

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА ЗАСТАВЕ

Как на славной ли на ѿставы московской
А стояло двенадцать богатырей да свето-
русских,
Охраняли ѿставу ѹ московскую,
Охраняли все ѹ дороги прямоеэжии.
5 Через ѹ их-то ль ѿставу ѹ московскую
Там не птица ѹ чорный ворон ни
пролётывал,
А ни серый зверь там ни прорыскивал,
А ни конный никто там не проезживал.
А пяхотный никто там ни прохаживал.

5

4

ПЕРВЫЙ БОИ ДОБРЫНИ СО ЗМЕЕМ

Как спордила ль Добрыню рбдна матушка,
А возврстила ѹ до полного ѹ до возрасту.
Молодой Добрынушка Мекитинец
Равудалый дуродний был он молодец,
5 А ездил в раздольице в чисто полё
А он в поле ездила за охотою.
Как проездил молодец по дёнь поры
А проездил молодец по дрѹгой день.

5

5

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Как три году молодец-та стольничал,
Да ѹ три году ѹ молодец-та ѹ чашничал,
А три году молодец да ѹ у ворот стоял,
Молодой Добрынушка Микитинец.
5 Равудалый дуродний был он молодец,
Похотел гулять по городу по Кияву,
А ходил-гулял Добрынушка ѹ по дёнь поры,
А ходил-гулял Добрынушка ѹ по дрѹгой день.
10 Говорит Добрыни рбдна ѹ матушка:
«Ай же, свет моё ты чадо милое,
Молодой Добрынушка Мекитинец».

10

ДОБРЫНЯ В ОТЪЕЗДЕ

Как во стольном было в городе во Киеви,
 А у ласкового князя у Владимира
 А ведь было пировальице почестен пир,
 На многих князей на многих бояров,
 Да на сильных могучих богатырей,
 Да на славных паленец да й разудалых,
 Еще красно солнышко на ичери,
 А хорош идёт почестный пир на веселии,
 А Владимир князь да стольно-киевский,
 Между столики дубовые похаживал,
 Меж скамеек окольные погуливал,
 Да в косището окошечко посматривал,
 Говорил тут сам он таковы слова:
 «Ай же вы, дуродни добры молодцы,
 Еще все вы, молодцы да на честном пиру,
 На честном пиру да й пьяны-веселы.
 Над собой невагодушки не знаете,
 А кого бы мне й послать-попыхать
 Да во тую ли во землю да й во дальнюю.
 Да во тую ли во брду да во тёмную,
 Во темнү ордү да й в хоробру Литву.
 Ко тому ли к королю литовскому,
 Ко тому ли к Ботыйну к Ботийнову,
 Да свезти-то й дани ему й выходы,
 Еще царских старых тех невыплаты,
 Да за все ль времена да за досюлжны?»
 Так тут все на пиру да й призамолкнули,
 Призамолкнули, призатулялись.
 А ведь старшая туличка й за среднюю,
 А ведь средня туличка й за младшую.
 А от младшей тулечке й ответу нет,
 Таковых людей во граде ни находится.
 Из-за тех тут из-за столичков дубовых,
 Из-за тех тут из-за скамеек окольных.
 А вставал старый Спермён да сыны
 Иванович.
 Сын Иванович да й Илья Муромец.
 Говорит-то он тут таковы слова:
 «А Владимир князь да стольно-киевской.
 Не вели казнить, позволь мне вымолвить».

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

Из того ль из города из Крякова,
 Из того ль сяла да из Берёзова,
 И из толь-то славной улички Рогатицы,
 Охвочь ездить молодец был во чмоть помёд,

А стрелял он в поле гусей-лебедей,
 Серых-малых пурпурных утёнышей,
 Молодой Петрович королевский
 сын.

Он проездил молодец по дёнь поры,
 А проездил моло ёц по другой день,
 Ни наехал он не гуся-то й не лебедя
 А не серого пурпурного й утёныша.

8

ХУДАЯ ЖЕНА, ЖЕНА УМНАЯ

Жил у батюшки и был у матушки
 В ободрочушки да й одинокой сын,
 Он и ел сладкоб да й работал лехкоб.
 Работал лехкоб да й носил красноб,
 Похотели тут да бтец с матушкой,
 Пожанить дуродней добра й молодца
 Пожанили молодца в свой дерепенки,
 А замуж брали очень богатую,
 А приданого-та й много й — человек жудой,
 А приданое висит на грядочки,
 А худая а жана ана на ручки спит.

БЫЛИННЫЕ НАПЕВЫ
И. Г. РЯБИНИНА-АНДРЕЕВА

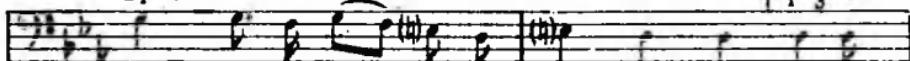
ВОЛЬГА И МИКУЛА

J=88-108 A

Жил Свя_то_слав де_вя_но_ста лет,

Б_1 В_1 3

Жил Свя_то_слав да_й пре_дста ви_лса, О_ста_

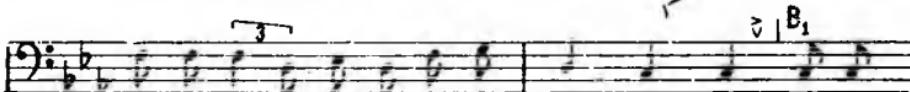
ва_лось от не_го_й ча_до ми_ло_е,

Мо_ло_дой Воль_га да Свя_то_sla_вно_ви_ч

Стал Во_ли_га ра_стеть ма_те_реть, Па_ха_

те_ло_си Во_лыги да мно_го му_дро_стей, Щу_кой

ры_бо_ю хо_дить е_му в_гу_бо_ких мо_рях, Пти_цей

со_ко_лом ле_тать е_му под у_бо_лочки,

Ры_ска_ти во_лком во_чи_стых по_лях. У_х_о_

3

B₁

ди ли то все ры - бу - шки вглу - бо - ки - и мо - ря, У - ля -

B₁

та - ли все пти - чки под о - бо - ло - чки, У - бя -

B₁

жа - ли все зве - . ри во тё - мны ле - са

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ В ОТЪЕЗДЕ

$\text{J}=176$ B₂

Как во стольны ём во го - ро - ди во Ки - я - ви,

B₁

А у ла - сково - го кня - зя у [Вла] - - ди - ми - ра

B₁

Был хо - - рош по - честен пир дай пи - ро - - ва - ньи - це

B₁

На мно - - гих кня - зей на мно - гих бо - я - ров.

B₂

Дай на си - льны - их мо - гу - чи - их бо - - га - ты - реи,

B₁

Дай на славных па - ле - ниц дай ра - зу - - да - лы - их

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

Л=176 Б₂

Из то . . го-ль из го - ро - да из Кря - ко - ва.

В₁

Из то . . го-ль ся . ла да из Бе - - ре - зо - ва,

В₁

А из той со славной у - ли . чки Ро . . га . ти . цы

Б₂

О хвочь ездить мо - ло - дец был во чи - - сто по - лё,

В₁

Мо - ло - дой Петрый Пя - тро - вич на . ра . . ле . вский сын

В₁

А стре . . лял он в по - ле гу . сей ле . бе - дей

В₁

Са - рых малых пир - ле - тныих у - - тё - ны - шей

БОЯРИН ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Б₂

Как из той бы ла Ин - де - юшися ба . . га . та - ей

В₁

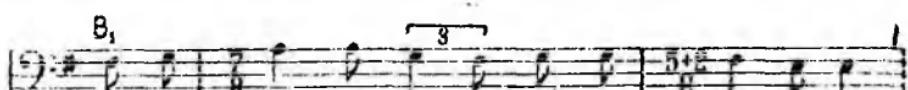
Да . из той Га . ли . чи из про . . кля - та - ей

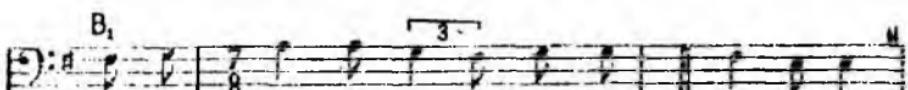
Из то... - ро-ль со сла- - вна Ва... лын го... - ро-да.

Как спра... - вля... - ет... - са и сна... - ря... - жа... - е... - тся

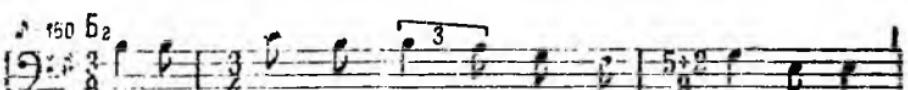

А на ту... - ю-ль ма... - ту... - шку сая... - ту... - ю Русь

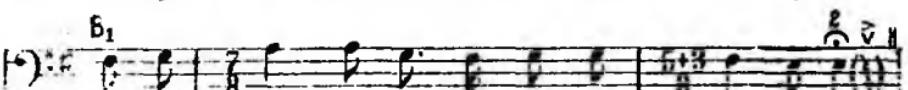

Мо... - ло... - дой бо... - и... - рин Дюк Стя... - па... - но... - вич

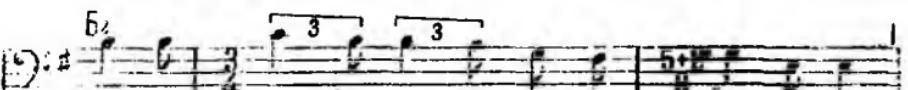
ХУДАЯ ЖЕНА - ЖЕНА УМНАЯ

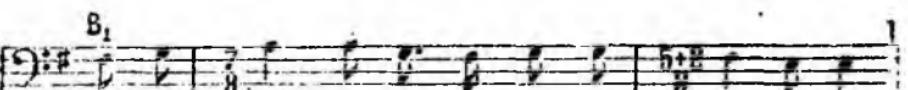
Жил у ба... - тю... - шна да жил у ма... - ту... - шки

Ва... - ба... - дро... - ку... - шни да-й а... - дя... - но... - кай сын

Он ел пил сладко да-й ра... - бо... - та... - ля... - хи...

Ра... - бо... - тал ля... - хи да и но... - сил кра... - сно

Па... - ха... - те... - ли тут да-й с... - тей сма... - ту... - шкой

Па... - жа... - ють ду... - ра... - пней до... - бра-й мо... - по... - дца

ВАСИЛИЙ ОКУЛЬЕВИЧ

Л=184 В₂

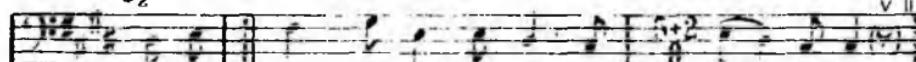
Нак пре . кра.сныи царь Ва.си . лей да 0 . . . ку.ли . е . вич

В₂

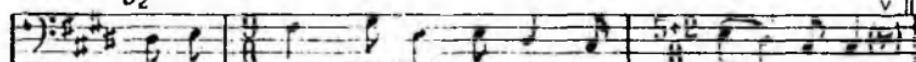
А за . . ве.л(ы) Ва.си . лей тут по . . . че . . . стной пир

В₂

А по . . че . . стной пир за . вел в во . . скре . . снай день

В₂

На мно . . гих кня.зей на мно . . гих 60 . . я.ров ,

В₂

Дз-й на си.льни.их мо.гу . чи . их бо . . . га . . . ты . . . реи

В₂

Да-й на всех по . . ля.ниц то-й да . . зв . . да . . лы.их

В₂

Кра . . сно . . я со . . лны.шко.й нэ ве . . че . . ри

В₂

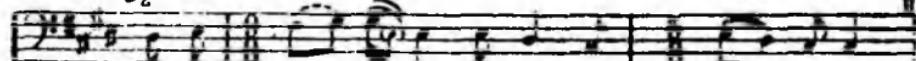
Да-й хо' . . . рош и.дет по.чес.тной пир на ве . . ся.ли

В₂

А все ма . . ло.ды да-й нэ чя . . . стно.м(ы)пи.ру

В₂

На чя . . стно.м(ы)пи.ру да пья . . ны ве . . се.лы

Все тексты былин печатаются по рукописи В. Н. Всеволодского-Гернгросса, которая находится в Рукописном хранилище сектора фольклора Института литературы Академии наук СССР (колл. XI, п. I., №№ 1—9).

При записи собиратель применял метод, который наиболее обеспечивает точность воспроизведения: начальную запись со слов и затем проверку по исполнению («по голосу»). Соответственно этому в примечаниях к отдельным былинам указаны иногда два числа записи, второе число относится ко времени, когда произведена проверка.

Собиратель при записи пользовался облегченной транскрипцией, которую мы полностью и сохраняем, так же как и все обозначения ударности, которые проведены собирателем с особой тщательностью, и обозначения беглости звуков (Казимирович). Звук е на месте привычного ё выделяется нами знаком ударения.

В качестве особенности произношения И. Г. Рябинина-Андреева следует отметить некоторое приближение его к литературному разговорному языку с сохранением все же ряда особенностей северного, в частности варненского диалекта. В его произношении оканье, кроме, того, периодически сопровождается яканьем. Последнее собирателем отмечено в ряде случаев, оно хорошо также видно в расшифровках фонограмм.

В строфической форме мы сочли возможным представить только те тексты, в записи которых обозначение частей напева, на которые исполнялись стихи, проведено последовательно через весь текст. Основной рябининский напев, на который исполнялось большинство былин, состоит из двух музыкальных полустроф. Стихи, которые приходятся на первую музыкальную полустрою и образуют вачин стихотворной строфы, мы обозначаем отведением стиха влево.

Заглавия былин без скобок принадлежат исполнителю, в скобках — составителю сборника. Заглавия былинных фрагментов в приложении перенесены из формуляров к фонозаписям.

1. Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром

[Илья Муромец и Калин-царь]

Запись 3—4 марта 1921 г.

Публикуемый текст является вариантом былины об Илье Муромце и Калине-царе, разрабатываемой одну из центральных тем героического цикла — о нападении на Киев татарских полчищ. Обзор вариантов и литературу см. Астахова, стр. 595. Дополнительно: Парилова-Соймонов, № 32; Авадовский № 2, 36. Приложение, № 1; Бородина-Липец, I, № 3; см. также Леонтьев, № 6.

От Т. Г. Рябинина были записаны две былины о нашествии Калина, представляющие два различных типа обработок темы: 1) Илья Муромец, Ермак и Калин-царь (Рыбников, I, № 7) — с Ермаком в роли главного героя; 2) Илья Муромец и Калин-царь (Гильфердинг, II, № 75) — с участием богатыря Самсона. Вторая былина является типичной прионежской композицией, включающей эпизод ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром. К ней и восходит текст Ивана Герасимовича.

От И. Т. Рябинина эта былина записана не была, но в списке Евг. Ляцкого (Ляцкий, стр. 31) былина о Калине-царе значится; и хотя нет указания, какой из двух сюжетов о Калине скавителем исполнялся, однако, очевидно, в списке идет речь о втором, так как от отчима и был усвоен текст Иваном Герасимовичем.

От Петра Ивановича Рябинина-Андреева записана былина с тем же заглавием, что и у отца (Былины П. И. Рябинина-Андреева, № 3) и также повествующая о нашествии Калина. Но первая ее часть совсем иная, представляет другую версию темы ссоры; Никита Залешанин — неузнанный Илья Муромец на пиру у князя Владимира.

Текст Т. Г. Рябинина в записи Гильфердинга принадлежит к числу наиболее ярких, полных и стройных вариантов былины о Калине-царе с четко выделенными социальными мотивами.

Вариант Ивана Герасимовича прекрасно сохранил все качества дедовской редакции, в некоторых частях даже присходит дедовский текст, ср., напр.: описание ваточения, картины наступления врага и др.; см. статью, стр. 32.

Текст И. Г. длиннее дедовского на 16 стихов. В нем большие повторений, см., напр., в стихах 68—92, в изображении приезда посла, не только полное повторение содержания грамоты, но и словесного наказа Калина о том, как посол должен держать себя в Киеве — ср. у Трофима Рябинина соответствующие этому месту стихи 64—73; в стихах 166—183, в рассказе дочери о мерах, принятых ею к сохранению жизни Ильи Муромца, повторное перечисление ее действий и др. Разрастание текста в некоторых его частях обусловлено также постоянным употреблением прямой речи (примеры см. в статье, стр. 29). В описание выезда Ильи Муромца в поле вставлен обстоятельный рассказ о том, как Илья вешал к себе, пил, ел, лег спать, утром встал и т. д. (стихи 234—254) — у Т. Г. Рябинина он отсутствует.

Некоторые эпизоды все же И. Г. передает более сокращенно. Так, у него нет картины седлания коня (стихи 168—189 варианта Т. Г.), сокращены диалог Ильи Муромца с Самсоном и ответ

Ильи Калину на предложение последнего итти к нему служить, но в целом в варианте И. Г. видим скорее тенденцию к детализации и развертыванию, чем к сокращению.

Чисто словесная редакция варианта более близка к тексту Т. Г. первой части; вторая часть пересказывает содержание более свободно, в ней лишь отдельные стихи совпадают дословно со стихами Т. Г. Но вся композиция второй части сохранена, все эпизоды переданы в точности.

Стих 623 в первый раз был передан так: «Мы разбили армию великую».

Относительно стихов 104—109, 123—128 и 292—299 нет обозначения, на какую часть напева они были исполнены. Стrophicеское обозначение стихов в этом месте надо считать условным.

Начало записано на фонограф (Фонограммафон, №№ 704—705).

2. Ссора князя Владимира

Запись 7 марта 1921 г.

Тема ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром проходит, в различных вариациях, через целый ряд былин героического цикла, сообщая им большую социальную остроту (обойденный и оскорбленный князем богатырь, подчас даже несправедливо заточенный им в погреб, в минуту грозной опасности оказывается спасителем Киева). Отдельных же, самостоятельных былин на тему ссоры немного. Они группируются вокруг двух различных сюжетных разработок темы: 1) о неузнанном на пиру Илье Муромце («Никита Залешанин», см. Киреевский, IV, стр. 46); 2) о буйстве в Киеве оскорбленного князем богатыря.

Второй из названных сюжетов был, очевидно, оформлен под влиянием социальных настроений XVII в. — эпохи массовых народных движений против московского правительства и господствующих классов (мотивы бунтарства Ильи, дружба его с «голями»).

Все известные варианты довольно близки друг к другу. Рыбников, I, № 119; Гильфердинг, №№ 47, 76; «Песни донского казачества», № 23; Парилова и Соймонов, №№ 2, 33 отличается многими оригинальными чертами в деталях разработки сюжетной схемы.

От предков Ивана Герасимовича имеется лишь одна запись, произведенная Гильфердингом от Трофима Рябинина (№ 76). От Ивана Трофимовича былина не была записана, но известно, что сказитель ее знал (Ляцкий, стр. 31). В репертуаре Петра Ивановича ее нет.

Вариант Т. Г. Рябинина отличается мастерским изображением действующих лиц: разбушевавшегося богатыря и перепуганного чванного князя.

Редакция публикуемой былины та же. Композиция в целом осталась без изменений; отдельные части совпадают текстуально; размеры обоих вариантов одинаковы. Сохранены некоторые характерные художественные штрихи в изображении героев, например раздумье князя Владимира о том, кого послать за Ильей Муромцем:

Самому пойти мне ведь не хочется,
А Опраксия послать, так не к лицу придет.

Изменения, внесенные И. Г., незначительны и заключаются преимущественно в перестановке стихов и слов, в чисто словесном сокращении и развертывании эпизодов. Наиболее существенные изменения, характеризующие индивидуальную манеру скавителя, указаны в статье, см. стр. 27—31.

3. Илья Муромец и дочь его]

Запись 3 марта 1921 г.

Текст является третьей записью уникальной былины Рябининых о единоборстве Ильи Муромца с неузнанной дочерью-богатыркой. Предшествующие записи — Рыбников, № 5, Гильфердинг, № 77.

Былина эта — вариант известной былины героического цикла об Илье Муромце и сыне, представляющей обработку мирового сюжета о единоборстве отца с неузнанным сыном. Корни этого сюжета восходят к эпохе матриархата, но период борьбы древней Руси с кочевниками дал историческую окраску русской обработке сюжета (изображение богатырской заставы). Перечень вариантов былины «Илья Муромец и сын», обзор различных типов и литературы см. у Астаховой, стр. 609. Дополнительно: Парилова-Соймонов, № 19; Азадовский, № 29; Бородина-Липец, I, № 14; Леонтьев, № 3. Былина Рябининых примыкает к той прионежской редакции, где вводится мотив заставы, но не развернута характеристика богатырей.

Былина о встрече Ильи Муромца с дочерью от Трофима Рябинина была записана дважды (см. выше). От И. Т. Рябинина записи этой былины нет, но в списке Ляцкого она указана. Петр Иванович ее не перенял.

К сожалению, сохранилась лишь вторая часть былины Ивана Герасимовича, хотя записана она была вся. Эта вторая часть значительно превышает по своим размерам соответствующие части обеих ранних записей. У И. Г. она занимает 199 стихов, у Т. Г. в записи Рыбникова — 124, в записи Гильфердинга — 177. Это удлинение былины обусловлено несколько более подробным развертыванием отдельных эпизодов. Ср., напр., изображение временного поражения Ильи Муромца: у Т. Г. в записи Рыбникова 8 стихов (167—174), в записи Гильфердинга тоже 8 стихов (185—192), у И. Г. — 14 стихов (6—19); расспросы неизвестной богатырки в обеих записях от Т. Г. ванимают по 3 стиха, у И. Г. — 6 стихов, и др. Обратных случаев — сокращения эпизодов — меньше. Наиболее значительное сокращение — пропуск Иваном Герасимовичем всего рассказа Ильи Муромца о его приключении в земле Тальянской (Гильфердинг, № 77, стихи 293—299) или в Литве (Рыбников, № 5, стихи 261—266).

Текст И. Г. ближе к варианту Рыбникова, и отдельные места почти дословно передают именно рыбниковскую запись. Это еще раз подтверждает, что Иван Трофимович перенял большинство былин от отца в их более ранних редакциях. Как и у Рыбникова, родиной полянницы вместо земли Тальянской (запись Гильфердинга) в варианте И. Г. оказывается Литва.

Наиболее значительные отклонения от источника: 1) подробность последнего столкновения Ильи Муромца с поляницей, когда спящий богатырь, внезапно проснувшись от ударов полянницы,

видит ее перед собой (Гильфердинг № 72, стихи 337—340; Рыбников, № 5, стихи 304—307), перенесена и в эпизод временного поражения Ильи Муромца (стихи 29—32); 2) заканчивает И. Г. свою былину рассказом о возвращении Ильи, после расправы с поляницей, на московскую заставу — в обоих вариантах от Т. Г. изображение расправы служит концом; 3) заключительный стих варианта И. Г. «А ничем он своим братьицам не хвастает» не принадлежит источнику, но аналогичен концовке всех рябининских вариантов былины о первом бое Добрыни со Змеем. Как и там, он имеет свой психологический смысл (в былине о бое со Змеем Добрыне нечем хвастать, так как Змей не убит, здесь Илье не хочется рассказывать о вынужденном убийстве дочери).

В записи есть пропуски обозначений, на какие части напева исполнялись стихи, поэтому мы не могли дать былину в строфической форме.

Расшифровку фонограммы начала былины см. в приложении, № 3.

4. Второй бой Добрыни Микитинца со Змеем Горынищем

Запись 6 марта 1921 г.

Былина о змееборстве Добрыни входит в цикл героических былин о борьбе русских богатырей с врагами-насильниками. Характерное отличие данной былины от других — в сказочном образе врага Змея.

Возникновение центрального мотива — змееборства — относится еще к доклассовому периоду, известны многочисленные сюжетные обработки его в сказках русского и других народов. Почему этот мотив был приурочен в былинном эпосе к Добрыне, еще неясно: просто ли как к старейшему богатырскому имени или под воздействием легенд о крещении, связанных с именем исторического Добрыни, дяди князя Владимира. В последнем случае могла оказать влияние известная христианская аллегория: язвчество — Змей.

Литература по данному вопросу указана у Астаховой, стр. 570, там же и перечень вариантов, говорящий о значительной распространенности былины, особенно в Прионежье. Здесь сюжет получил и особенно богатую и тщательную разработку, в которой сохранились, повидимому, черты древнейших редакций. Дополнительно: Парилова-Соймонов, №№ 6, 21; Азадовский, № 3; Бородина-Липец, I, №№ 20, 21.

Главная особенность прионежского типа, выраженная также и в варианте Трофима Рябинина (Гильфердинг, № 79), указана в статье, см. стр. 20—21.

Четкое распадение былины на две части привело к тому, что каждая из них стала исполняться Рябининами как отдельная, самостоятельная былина. Так, от Ивана Трофимовича и от Петра Ивановича записаны варианты первой части под заглавием «Первый бой Добрыни со Змеем» (Ляцкий, стр. 36; «Былины П. И. Рябинина-Андреева», № 4). И. Т. пел и вторую часть под названием «Второй бой Добрыни со Змеем». Обе былины были усвоены его пасынком.

Публикуемый текст представляет вторую часть рябининской композиции. Превращение этой части в самостоятельную былину сковалось, прежде всего, на начале, которое получило традиционный звучание с изображением пира (ср. начало части 2 у Трофима Рябинина, тесно связанное с концом части 1). Однако, дальнейшей переработки в том же направлении былина не испытала: задача освобождения Забавы не разъясняется — нет рассказа о самом происшествии, о похищении девушки Змеем; речь Алеши Поповича о том, что следует вовложить поручение на Добрыню, может быть вполне понята только на фоне части 1. Ясно, что скавитель, исполняя данную былину, все время имел в виду и часть 1.

Как и другие былины Ивана Герасимовича, и данная отличается полнотой и детальной разработкой эпизодов. В точности повторяя композицию деда в целом, И. Г. делает некоторую перестановку эпизодов и вносит небольшие дополнения. Так, у Т. Г. князь Владимир «накидывает» поручения сперва на Потыка и Илью Муромца, а затем уж на Добрыню, — И. Г., в качестве первого и главного поручения, выдвигает освобождение Забавы. И. Г. также оформляет обращение князя Владимира к Добрыне, строя его по типу обращения к Василию Казимировичу в былине Т. Г. «Добрыня и Василий Казимиров». Иван Герасимович вставляет более подробное описание снаряжения Добрыни, аналогичное тому, какое мы находим в части 1 былины Т. Г. Он включает также характерную деталь о подтасовании шеточек у коня вменишами, которую мы встречаем в других прионежских вариантах данной былины (см., напр., Гильфердинг, № 157).

Но главное и имеющее существенное значение дополнение находим в развязке — Добрыня замыкает Змея в его норе, чего у Т. Г. нет. См. об этом в статье стр. 33. И. Г. также присоединяет еще в конце благодарность, которую высказывает Добрыне князь Владимир. Этот добавочный эпизод, подчеркивая зависимость князя от богатыря, еще больше выделяет роль и значение богатырства. Таким образом, вариант И. Г. даже полнее и разработаннее варианта деда. По количеству стихов превосходит его (у Т. Г. 259 стихов, у И. Г. — 309).

Начало былины записано на фонограф (Фонограммархив, № 706). Фрагмент былины «Первый бой Добрыни со Змеем» — Фонограммархив, № 705, см. расшифровку текста в приложении, № 4.

5. Добрыня и Марына

Запись 4 марта 1921 г.

Былина о Добрыне и Маринке принадлежит к группе былинновелл со скавочным содержанием. Сюжет построен на теме, известной в мировом фольклоре, — волшебница превращает героя в животное. См. Н. Ф. Сумцов. «Былины о Добрыне и Маринке и родственные им скавки о жене-волшебнице» (Этнограф. обозр., кн. XIII—XIV, 1892, стр. 143); Bolte-Polivka, III, 122, стр. 7—8.

В былинной обработке тема прикрепилась к имени Добрыни как к одному из главных героев новеллистического цикла в былинном эпосе. Имя героини, возможно, насыщено народными преданиями о Марине Миншек, в которых она обычно рисуется колдуньей

(см., напр., историческую песню о Гришке Отрепьеве, Гильфердинг, № 236, где Марина Миишек обертывается сорокой). Обзор литературы о былине см. у Астаховой, I, стр. 573.

В Прионежье «Добрыня и Маринка» — один из популярных былинных сюжетов. Перечень вариантов и их обзор, см. — Астахова, I, стр. 572—573. Дополнительно: Парилова-Соймонов, № 35; Бородина-Липец, II № 70.

От сказителей рода Рябининых до сих пор была известна лишь одна запись — от Трофима Григорьевича (Гильфердинг, № 78). По сообщению Ляцкого (Ляцкий, стр. 31), пел эту былину и Иван Трофимович. От него ее и перенял Иван Герасимович. Его сын, Петр Иванович, этой былины не знает.

Рябининский вариант значительно отличается от обычного прионежского и кенозерского типов. Прежде всего совершенно исключен центральный эпизод — обертывание Добрыни в тура. Нет также описания самих чар Маринки па любовь, лишь кратко говорится: «До со этой ли с Маринкой со улицы никуды Добрынюшка пойти-то нет пути». За этим эпизодом непосредственно следует женитьба Добрыни и его расправа с Маринкой. Отсутствует и традиционный эпизод стрельбы Добрыни в милующихся голубков, причиняющей смерть любовнику Маринки: Добрыня просто заходит в горницу к Маринке, вастаст у нее татарина и убивает его.

Таким образом, в варианте Трофима Рябинина выветрилась почти вся сказочная основа сюжета, и приключение Добрыни переводится в несколько иной план — уничтожения врага-татарина и расправы с Маринкой за ее связь с ним. Аналогичную композицию находим еще у кижского же сказителя В. П. Щеголенка (Гильфердинг, № 122), в варианте которого видим дальнейшую переработку сюжета в том же направлении — момент колдовства исключен совсем. Кроме того, Добрыня до прихода к Маринке «прирубает» в ее слободе всех татар.

Публикуемый текст восходит к варианту Трофима Григорьевича, но короче его на 20 стихов. Та же последовательность эпизодов, та же словесная редакция с совершенно незначительными перестановкой стихов и слов в стихе и перефразировками отдельных выражений, а также с некоторым обновлением лексики (см., напр., замены: вместо «палатки» — «шатры», вместо «пути пет» — «ходу нет», вместо «гладится» — «лобзается», вместо «пролетела» — «просвистнула» и др.). Большинство стихов дословно совпадает.

Сокращения в былине касаются: 1) некоторых повторяющихся мест (см., напр., пропуск формулы прогулки Добрыни при третьем повторении —ср. у Т. Г. стихи 21—24, у И. Г. — 28—29); 2) мест «подготовительных», предваряющих само действие, см. об этом в статье, стр. 27—28, там же указаны сокращения подобного типа в былине «Добрыня и Маринка». Разращений отдельных мест и вставок в данном тексте меньше, чем в других вариантах Ивана Герасимовича.

Наиболее существенное отличие варианта — в последовательном пропуске наименования татарина Горынищем; это имя еще связывало вариант Трофима Рябинина с теми, где любовник Маринки — не татарин, а змей.

Начало былины записано на фонограф (Фонограммаархив, № 705), см. приложение, № 5.

6. Женитьба князя Владимира

Запись 6 марта 1921 г.

Былина о женитьбе князя Владимира на Опраксии или «Дунай», как она обычно называется по имени главного героя, принадлежит к числу переходных от героического цикла к новеллистическому. К основному сюжету — добывание военной силой невесты для князя Владимира — присоединяется рассказ о женитьбе Дуная на старшей дочери литовского короля и гибели жены героя от его же руки.

Главная часть возникла на основе исторических преданий о женитьбе князя Владимира, вероятнее всего здесь отразилась история сватовства князя Владимира к полоцкой княжне Рогнеде.

Былина — одна из самых распространенных. Перечень вариантов, их обзор и литература о сюжете см. у Ластаковой, стр. 576. Дополнительно: Парилова-Соймонов, №№ 7, 44; Азадовский, № 32; Бородина-Липец, I, №№ 44, 45.

Иван Герасимович усвоил данную былину, как и другие, от отчима. Но записи ее от И. Т. Рябинина не имеется. От Т. Г. произведены были записи и Рыбниковым (№ 9) и Гильфердингом (№ 81, вариант начала в 3-м изд., т. II, стр. 661). Вариант И. Г. точно следует за редакцией Т. Г. во всей ее компоновке и дословно повторяет целый ряд мест и отдельных стихов; при этом он ближе к этой раз к записи Гильфердинга. По размерам он превышает обе ранее записи: у Гильфердинга 44 стиха; запись Рыбникова значительно короче — всего 297 стихов, сильно сокращены отдельные эпизоды: вариант И. Г. — 501 стих.

Редакция «Дуная» у Рябинина имеет своеобразные особенности, которые выделяют ее из варонежской группы. Главные из них указаны в статье, см. стр. 21—22. Отметим еще ряд других: 1) о невесте говорит не Дунай, как в большинстве варонежских вариантов, а эпизодический персонаж Нермин (у И. Г. — Спермеч), который в самой поездке не участвует. Дунай же сидит заключенный в погребе, откуда его и велит выпустить князь Владимир (мотив мезенских обработок). Из кижских обработок мы имеем такой же случай выступления третьего лица еще только в довольно разрушенном варианте Сарафанова (Гильфердинг, № 108) — в нем на Дуная указывает Илья Муромец. В этом отношении интересно отожествление Спермече (Спермена) с Ильей Муромцем в варианте И. Г. «Добрыня в отъезде», см. приложение, № 6 (то же у сына, см. «Былины П. И. Рябинина-Андреева», № 5), у Т. Г. этого отожествления нет (Гильфердинг, № 80); 2) в ответ на отказ короли отдать Опраксию за князя Владимира прибегают к насилию не оба богатыря, а лишь один Дунай, который угрожает также вязь Опраксию не за князя, а за своего товарища Василия Казимира; 3) Дунай, настигнув поляницу Настасью, сообщает ей, что Опраксию везут к князю Владимиру с ее согласия, и тут же предлагает Настасье выйти замуж за него. Традиционного в этой части изображения боя Дуная с богатыркой нет.

Конец былины, наоборот, чрезвычайно характерен именно для варонежского типа: развернут мотив чудесного младенца во чреве, из крови обоих супругов протекают реки. В записи Рыбникова от Т. Г. есть еще концовка о соединении этих двух струек «в место». Также в плане прионежской эпической традиции — прямое комическое изображение перепуганного богатырем короля.

Изменения, которые мы находим в варианте Ивана Герасимовича, в основном незначительны; они заключаются в некотором словесном сокращении или (что чаще) расширении отдельных эпизодов. Иногда употреблены формулы, которых в обеих записях данной былины от Т. Г. нет, но почти всегда эти формулы можно найти в других былинах Т. Г.; таким образом, они принадлежат к тому же дедовскому наследию, см., напр., стихи 6—8 «красной солнышко на вечере» и далее в былине «Добриня и Василий Казимиров» — Рыбников, № 8, стихи 16—17; также описание поездки богатырей в стихах 185—190 совпадает с ее описанием в той же былине Т. Г. «Добриня и Василий Казимиров» в обеих ее записях, см., напр., Гильфердинг, № 80, стихи 347—350. В варианте И. Г. заметно усиление прямой речи (см. об этом в статье, стр. 29—31). Изменений в словесной редакции во второй части былины больше, чем в первой.

Из композиционных изменений в отдельных эпизодах укажем опущение предварительного предостережения Опраксии Дунаю относительно сестры: она говорит о сестре только на ночлеге, когда уже слышится погоня.

В лексике — заметное обновление.

Ввиду того, что довольно значительное число стихов не имеет обозначения, на какую часть напева они были спеты, текст данной былины даем без разделения на строфы.

Начало былины записано на фонограф (Фонограммахин, № 706).

7. Боярин Дюк Степанович

Запись 5 марта 1921 г.

Былина-новелла «Дюк Степанович» — одна из самых сложных и значительных по своему содержанию. В ней, как можно предполагать, отразилось соперничество богатого и независимого Галича XII—XIII вв. с Киевом, ослабленным в эту эпоху внутренними раздорами князей и уже терявшим свое былое значение и силу. На изображение былинного Галича-Волынца оказал воздействие византийский памфлет «Сказание об Идине богатой», известный в русских переделках XIII в.

В то же время в образе сказочно богатого «Дюкова именьица» воплотились вековые мечты народа о счастливой, изобильной жизни.

Былина особенно богато разработана в прионежских вариантах, где сопоставление Галича-Волынца с Киевом, богатство Дюка с богатствами князя Владимира дано исключительно четко и ярко. Здесь, в Прионежье, сюжет получил и наибольшее распространение. См. список вариантов и их обзор, а также литературу о сюжете у Астаховой, стр. 582. Дополнительно: Парилова-Соймонов, №№ 10, 25, 37, 57, 60; Бородина-Липец, I, № 54; Леонтьев, № 10.

Былину о Дюке пели все Рябинины, исключая современного представителя рода — Н. И. Рябинина-Андреева. От Ивана Трофимовича, однако, записи не имеются. От Трофима Рябинина былина известна в двух вариантах — более кратком (452 стиха), записанном Рыбниковым (№ 16), и более полном (567 стихов), в записи Гильфердинга (№ 85).

Иван Герасимович дает также очень полный и художественно расщепленный текст. По своим размерам он равен записи Гиль-

фердинга. По сообщению собирателя, сказитель уже редко целил эту былину и потому текст немного путал при исполнении. Этим, очевидно, объясняются несколько большие отступления, чем обычно, от редакции Т. Г. в конце былины, где мы замечаем ряд пропусков некоторых деталей и даже кое-какие изменения в самой композиции отдельных эпизодов. Так, у Т. Г. ваблуждение киевских богатырей, принимающих за матушку Дюка судомойниц, стольниц и т. п., раскрывается Дюком, в тексте И. Г. — самими прислужницами. Сокращено и число случаев ошибочного восприятия (с 3-х на 2). И. Г. пропускает также картину Индии—Галича с его горящими золотом кровлями. Этот блеск кровель приехавшие богатыри принимают за пожар. И. Г., пропустив данное изображение, непосредственно переходит к словам Ильи Муромца, указывающим на бедствие, постигшее Дюка (пожар), и на то, что Дюк «прозакладал свою буйную головушку». Сокращен и самый конец — угощение богатырей у Дюка. Отсутствует интересная скавочная деталь, свойственная обоим вариантам Т. Г.—о подкованных крыльях коней (см. Рыбников, № 16, стихи 332—333; Гильфердинг, № 85, стихи 385—396).

Однако текст не теряет от этого стройности, последовательности, четкости. Как и другие былины И. Г., он всецело воспроизводит редакцию отца, варьируя лишь отдельные указанные выше детали. Все характерные особенности этой редакции, делающие ее одним из лучших вариантов данной былины, бережно сохранены И. Г.— и мотив скавочных застав, и резкое противопоставление Дюку приближенного к князю Чурилы, и тщательная разработка состязаний, исход которых рождает престиж князя, и характерное изображение в лице Алехи Поповича «поповских родов» с их корыстолюбием.

Особенно богато разработано у И. Г. самое начало — выезд Дюка: его снаряжение, прощальное напутствие матери с описанием застав, отъезд. Вся эта часть оформлена значительно пышнее, чем у Т. Г. в его обоих вариантах. Только описание самого проезда богатыря через заставы И. Г. сильно сокращает: он отмечает лишь самый факт благополучного проезда (стихи 88—89), тогда как Т. Г. повествует о проезде через каждую заставу отдельно.

Как и в других былинах, видим некоторые изменения в лексике (появление слов «взлепетал», «кивер», «львы-звери», «ременчат стул» вместо «червлениный» и др.).

Начало былины записано на фонограф. См. напев IV.

8. Королевичи из Крикова

Запись в марте 1921 г.

Былина относится к татарскому циклу и воплощает характерную для него идею защиты Родины. По своей сюжетной ситуации примыкает к той группе былин этого цикла, которые разрабатывают тему случайных встреч с близкими родственниками, еще в детстве уваженными татарами и выросшими у них в плену.

Былина известна в немногочисленных вариантах исключительно из Прионежья и примыкающего к нему Кенозера, Рыбников, № 21; Гильфердинг, №№ 87, 136, 147, 182, 200, 302; Истомин-

Дютш, стр. 29 (перепеч. Миллер, № 70); Шайжин, стр. 163 (перепеч. Миллер, № 71); «Былины Г. И. Рябинина-Андреева», № 7.

Из всех былин репертуара рода Рябининых былина «Короловичи из Крякова» — единственная, записанная от всех четырех представителей рода по прямой линии. Это придает особый интерес публикуемому тексту. От Т. Г. Рябинина имеются две записи (Рыбников, № 21 и Гильфердинг, № 87). Запись от И. Т. см. у Истомина-Дютша (стр. 29); от П. И. — указано выше. В публикуемом тексте недостает второй половины, однако и сохранившаяся часть позволяет сделать некоторые существенные выводы.

Все рябининские варианты, включая и текст Ивана Герасимовича, представляют единую, исключительно устойчивую композицию, отличающую их от всех остальных вариантов на данный сюжет. Рябининская редакция — самая полная и художественная разработка сюжета, с своеобразными, только ей присущими мотивами и с особым выделением героических моментов. См. об этом в статье, стр. 14.

Сопоставление всех рябининских вариантов показывает, что при всей чрезвычайной близости текста Ивана Герасимовича к вариантам отца и деда, мы у него находим уже некоторые отклонения, которые и отмечают тексты обоих младших Рябининых; вариант Ивана Трофимовича почти дословно повторяет текст Трофима Григорьевича, между обеими записями от последнего, не считая невзначительных словесных перефразировок, различий нет.

Наиболее существенное отклонение текста Ивана Герасимовича в том, как он вводит своих слушателей в эпизод встречи с мнимым татарином. У Т. Г. и И. Т. о нем говорит ворон, и это художественно оправдано мотивом избывания богатырской силы, проходящим через обе встречи героя с лебедушками и с черным вороном: каждый раз ему говорят, что он, совершив убийство, «не укрывает плеча молодецкого», и указывают на более значительный в этом отношении объект (прием повторения с нарастанием). И. Г. вводит неожиданную встречу героя с татарином, тем самым несколько нарушает логическую последовательность изложения. В таком виде этот эпизод повторяется в тексте его сына. Однако основной смысл эпизода не нарушается. Данное изменение вызывает лишь соответственную переработку мотива дорог. У Т. Г. и И. Т. герой отказывается от прямоважной дороги в Киев, чтобы обязательно встретиться с «ноедищником». У И. Г. и П. И. герой слышит голос татарина как раз на прямой дороге в Киев и поэтому должен продолжать ехать по ней, если не хочет посрамить своего богатырского аванья. Таким образом И. Г. другим путем, но достигает той же художественной цели: замысел данного эпизода — в обрисовке героя, для которого богатырская задача — уничтожение врача — выше жизни.

Ивану Герасимовичу принадлежит усиление повторности в начале былины: и у него и у Петра Ивановича герой только на третий день своей поездки встречается с лебедушками, у Т. Г., в обоих вариантах, и у И. Т. — на второй день.

В тексте И. Г. выпущен «подготовительный момент» — слова героя о том, что он намерен совершить в отношении ворона (см. тексты отца и деда). У П. И. это место тоже отсутствует.

Из других особенностей, отличающих тексты Рябининых-Андреевых, отметим наличие имени «пана поганого» — Федор Иванов

Это имя мы встречаем в былинах Трофима Рябинина об Иване Годиновиче и о Михаиле Потыке; так зовут царского сына, жениха Настасьи Митриевичны и похитителя Мары Лебедь белой. Перенесение этого имени в данную былину связано с наименованием лебедушек Настасьими Митриевичами. Кому принадлежит перенесение, мы не знаем, возможно, что именно И. Г., так как в трех предшествующих записях имени нет.

Наблюдаем также небольшие изменения в лексике, напр., замену слова «проязычили» словом «взлепетали» и некоторые др. Остальные отклонения касаются перефразировок и перестановок стихов. По размерам своим сохранившаяся часть почти совпадает с соответствующей частью былины Ивана Трофимовича.

Печатается не по рукописи собирателя, которая не сохранилась, а по неполной копии с нее.

Обозначений частей напевов при стихах в данной копии нет поэтому печатаем текст не в строфической форме.

Начало былины записано на фонограф. См. напев III.

9. Василий Окульевич

Запись 4 марта 1921 г.

Былина представляет переработку сказаний о царе Соломоне и его неверной жене. Сохранилась в немногочисленных вариантах. См. Астахова, стр. 632. Дополнительно: Парилова-Соймонов, № 61; Бородина-Липец, II, № 81; Леонтьев, № 9.

Ни Рыбников, ни Гильфердинг этой былины от Т. Г. Рябинина не записали. Не записана она и от И. Т. и даже не значится в списке былин, которые Ляцкий слышал от этого сказителя. В сборнике Тихонравова и Миллера «Былины старой и новой записи» есть вариант «Василия Окульевича», записанный М. Н. Харузиным в 1881 г. от некоего Степана Григорьевича Рябинина из дер. Серёдка Кижской волости. Неизвестно, был ли у Т. Г. брат, или эта запись произведена была от самого Т. Г. (со случайной опечаткой в имени). Сопоставление с текстом Ивана Герасимовича, к сожалению, не дает материала для решения. Текст И. Г. представляет, правда, ту же композицию, есть близкие, почти дословно совпадающие стихи, но такого прямого и ясного восхождения именно к данному тексту здесь нет. Напротив, мы находим очень серьезные расхождения. Так, у С. Г. Рябинина иначе передан эпизод прихода царицы Соломании на Ивашкин корабль. У него Ивашка дарит царице предназначенные ей и царю Соломану подарки и затем зовет ее на корабль. Повторяется этот эпизод 3 раза. У И. Г., тоже в троекратном повторении, Ивашка лишь описывает дары, после чего Соломания сама решает отправиться на корабль. У С. Г. Рябинина Соломан приходит в виде калики (как в двух других кижских вариантах от Юховой — Рыбников, № 94 и Истомин-Дютш, № 10, перепечатано у Миллера, № 97), у И. Г. просто приходит в своем обычном виде. Также во всех трех ранних вариантах Соломания прячет Соломана в ларец, предварительно напоив. У И. Г. он сам, видя идущего в палаты Василия Окульевича, просит царицу спрятать его. Нет у И. Г. предварительного наказа Соломана крылатой силе; отсутствует диалог его с царицей в конце былины; нет «питет вабудущих» — Соломания пьянеет от замор-

ского вина. С другой стороны, есть некоторые детали, которые отсутствуют в варианте С. Г. Рябинина (напр., стихи 292—294—аллегория о колесах); целый ряд эпизодов отличается очень значительно по словесному оформлению.

Но такие значительные на этот раз расхождения могли быть обусловлены и тем, что, как сообщает собиратель, И. Г. твердо текста не помнил, вторую часть (с 251 стиха) говорил «больше по догадке» и даже отказался, начиная с этого стиха, проверять записанный текст «голосом», т. е. по пению. В конце записи собиратель делает примечание: «Есть пропуски, по словам Рябинина».

Данное обстоятельство интересно еще и потому, что, несмотря на нетвердое знание текста, И. Г. все же нигде не вносит путаницы, и действие до самого конца развивается последовательно, с мотивировкой всех эпизодов. Вообще, несмотря на отсутствие таких характерных прионежских мотивов, как «забудущие питья», «крылатые кони-люди» (явное позабывание) и некоторое сокращение конца, текст И. Г. всецело примыкает к прионежскому типу и может считаться одним из лучших вариантов этой былины.

Из лексических явлений отметим необычную для былин «гавань корабельную» (вместо пристани корабельной) и этимологическое осмысление слова «камоцика хрущатая» (см. текст С. Г. Рябинина, стихи 66 и 78, и текст Юховой, Истомин-Дютш, № 10, стих 53) как «камодичек хрустчатый» (см. стихи 113, 170, 189, 207, 220—221), который «построен» Ивашкой и который Ивашка «отмыкает», чтобы достать на него вина заморские.

Начало былины записано на фонограф. См. напев VI.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. Вольга и Микула. Печатаемый текст представляет расшифровку фонографической записи 1921 г. двух фрагментов былин о Вольге и Микуле (Фонограммархив, №№ 703—704).

Былина о Вольге и Микуле (см. о ней в статье, стр. 18) — одна из самых любимых в роду Рябининых. Записана от всех четырех сказителей. От Трофима Григорьевича имеются 3 варианта (Рыбников, № 9, Гильфердинг, № 73 и приложение, т. II, стр. 657); от Ивана Трофимовича — один (Ляцкий, стр. 32); от Петра Ивановича производились записи этой былины неоднократно («Былины П. И. Рябинина-Андреева», № 1, последняя редакция; в «Былинах Севера», т. II, А. М. Астаховой, публикуются 2 ранние записи — 1931 и 1934 гг. — подготовлено к печати).

Полная запись былины от Ивана Герасимовича не сохранилась. Но благодаря записи на фонограф нескольких отрывков, удалось восстановить довольно значительный кусок начальной части и небольшой фрагмент конца.

Былина дает пример исключительно устойчивой традиции. От старшего Рябинина до настоящего времени, пройдя через четыре поколения, она не претерпела никаких существенных изменений. Не имеющие значения перестановки отдельных стихов, случайные пропуски стихов или развертывание одного стиха в два, легкая перефразировка — вот основной характер изменений, вносимых в редакцию былины сказителями. Наиболее заметные отклонения от

старшей редакции — у П. И. Рябинина-Андреева во второй части былины, в сцене выдергивания сошки Микулы.

К сожалению, мы не имеем текста этой второй части от Ивана Герасимовича. Поэтому не можем точно установить, кому именно, ему или его сыну, принадлежат внесенные изменения.

Начальная же часть всецело повторяет текст Ивана Трофимовича. Второй фрагмент несколько полнее соответствующей части былины у отца (вариант И. Т., стихи 172—180), в которой, очевидно, случайно выпали 2 стиха (см. в публикуемом тексте 58—59).

Былина о Вольге и Микуле исполняется всеми Рябининами на особый напев, зафиксированный тоже от всех четырех сказителей. См. Гильфердинг, изд. 3, т. II, стр. 64—65; Ляцкий, образцы напевов; настоящий сборник, напев I (другая фоновапись).

2. Илья Муромец и Соловей-разбойник. Расшифровка фонографической записи 1921 г. (Фонограммархив, № 703).

Фрагмент восходит к начальной части той же былины, записанной Н. А. Янчуком от Ивана Трофимовича Рябинина (Ляцкий, стр. 42). Запись Н. А. Янчука проверена по фонограмме Ю. И. Блока.

Былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике имеется также в двух полных вариантах от Трофима Рябинина (Рыбников, № 4, Гильфердинг, № 74) и в записи от Петра Ивановича («Былины П. И. Рябинина-Андреева», № 2).

В последнем варианте начальная часть наиболее развернута, так как П. И. вводит в нее еще прощание с родителями и описание сборов Ильи Муромца. Публикуемый текст почти совпадает с текстом Ивана Трофимовича. Картина выезда богатыря в обоих текстах, по сравнению с вариантами Т. Г., более детализирована. Стих 12-й варианта Ивана Герасимовича («Как тот путь его и дорожка призамешкала») в отцовском тексте отсутствует.

Былина исполнялась И. Г. на основной его напев, см. напевы II, III, IV, V; также Ляцкий, образцы напевов, 3.

3. Илья Муромец на заставе. Расшифровка фонографической записи 1921 г. (Фонограммархив, № 705).

Начало былины «Илья Муромец и дочь его». Изображение богатырской заставы в публикуемом фрагменте полнее, чем в обоих вариантах Т. Г. Рябинина (Рыбников, № 5, Гильфердинг, № 77); в них нет деталей, данных в стихах 3—4 у Ивана Герасимовича, которые еще ярче выделяют оборонное значение заставы. В оставшейся части наблюдается перестановка стихов и незначительная перефразировка. Фрагмент представляет самое начало былины. От Ивана Трофимовича данная былина записана не была.

Отрывок был исполнен на основной рябининский напев, см. напевы II, III, IV, V.

4. Первый бой Добрыни со Змеем. Расшифровка фонографической записи 1921 г. (Фонограммархив, № 705).

Отрывок несколько варьирует начало былины о Добрыне и Змее, известное нам по записи от Ивана Трофимовича (Ляцкий, стр. 36). Но, как и отчим, Иван Герасимович полнее развертывает начальную экспозицию по сравнению с Трофимом Григорьевичем.

Напев — основной (II, III, IV, V).

5. Добрыня и Маринка. Расшифровка фонографической записи 1921 г. (Фонограммархив, № 705).

Сопоставление данного отрывка с публикуемой выше записью В. Н. Всеолодского-Гернгросса показывает свободное варьирова-

ние Иваном Герасимовичем в пределах известного запаса подходящих и данному случаю мотивов и формул. Ср. этот отрывок с фрагментами 4 и 7.

Исполнена былина на основной рибининский напев (см. напевы II, III, IV, V).

6. Д о б ры н я в отъезде. Расшифровка фонографической записи 1921 г. (Фонограммархив, № 704).

Печатаемый текст представляет начало былины о Добрыне и Василии Казимировиче, контаминирующей сюжетом о посольстве к королю Ботияну сюжет о неудачной женитьбе Алеша Поповича.

Былина была дважды записана от Трофима Григорьевича (Рыбников, № 8, Гильфердинг, № 80). Иван Герасимович довольно значительно варьирует детали. Сопоставление данного текста с началом его же былины о женитьбе князя Владимира (см. стр. 75) говорит о выработке сказителем, на основе традиционных мотивов, своих «общих мест» для картины пира, которые он и использует в соответствующих былинах.

Сообразной чертой варианта является отожествление эпизодического персонажа Спармёна с Ильей Муромцем, см. об этом в примечании к былине «Женитьба князя Владимира», стр. 132.

Былина исполнилась И. Г. на основной напев. На фонографе в исполнении И. Г. она записана дважды, вторая запись напева расшифрована, см. напев II.

7. Королевичи из Крымова. Расшифровка фонографической записи 1921 г. (Фонограммархив, № 703).

Сопоставление печатаемого отрывка с началом записи В. Н. Всеволодского-Гернгросса (см. стр. 101) а также с текстом музыкальной расшифровки (напев III, вторичная запись от И. Г., Фонограммархив, № 709) показывает исключительную устойчивость текста данной былины. Вариации заключаются только в перестановке стихов.

8. Худая жена, жена умная. Расшифровка фонографической записи 1921 г. (Фонограммархив, № 705).

Былина-новелла о худой жене, интересная своим реалистическим содержанием (см. статью, стр. 16), записана была от деда, отца и сына Ивана Герасимовича (Гильфердинг, № 89; Ляцкий, стр. 45; «Былины П. И. Рябинина-Андреева», № 10).

Публикуемый фрагмент представляет самое начало былины и повторяет с познательными вариациями текст Ивана Трофимовича. Стихи 10—11, отсутствующие у И. Т. и представляющие интересный психологический мотив, находим в варианте деда (стихи 16—17), следовательно, они тоже принадлежат семейной традиции и Иваном Трофимовичем пропущены при исполнении случайно. Деталь эта усвоена была и сыном И. Г.

Исполнилась былина на основной рибининский напев. См. напев V (вторичная запись на фонографе данного фрагмента).

УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ

- Азадовский — Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. Новосибирск, 1939.
- Астахова — Былины Севера. Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой, т. I. М.—Л., 1938.
- Bolte-Polivka — J. Bolte und G. Polivka. Anmerkungen zu der Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm. I—III, Leipzig, 1913—1918,
- Бородина-Липец — Былины М. С. Крюковой. Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец. Вводная статья Р. Липец. Редакция и предисловие акад. Ю. Соколова, тт. I—II. М., 1939—1941.
- Былины П. И. Рябинина-Андреева — Былины И. И. Рябинина-Андреева. Подготовка текстов к печати, статья и примечания В. Базанова. Под ред. А. М. Астаховой, Петрозаводск, 1940.
- Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. СПб., 1873; изд. 2, тт. I—III., СПб., 1894—1900; изд. 3, тт. II—III. Л. 1938 (т. I—печатается).
- Истомин-Дютш — Песни русского народа. Собранны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш, СПб., 1894.
- Киреевский — Песни собранные П. В. Киреевским, вып. 1—10. М., 1860—1874.
- Леонтьев — Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Предисловие, редакция и примечания В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.
- Ляцкий — Евг. Ляцкий. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины. М., 1895 (извлечение из журн. «Этнографическое обозрение», вып. 4, кн. ХХIII, 1894).
- Марков — А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901.

М и л л е р—Былины новой и недавней записи из разных местностей России, под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908.

П а р и л о в а-С о й м о н о в—Былины Пудожского края. Подготовка текстов, вступительная статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Редакция и предисловие А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1940.

Песни донского казачества—Песни донского казачества. Стalingрад, 1937.

Р ы б н и к о в—Песни собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2. М. 1909—1910.

Ф о н о г р а м м а р х и в—Фонограммархив сектора фольклора народов СССР Института литературы Ак. наук СССР.

Ш а й ж и н—Н. Шайжин. Олонецкий фольклор. Петрозаводск, 1906.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И СТАРИННЫХ СЛОВ

Б а з й к а (ах ты старая базйка поводревнал)—базыга, старый хрыч.

Б е л о й р о в а я пшеница—светлая, отборная. Былинный эпитет, указывающий на высочное качество.

Б о д р а (он схватил молодца да й на косу бодру)—бедро; на косу бедру—с размаху.

В а л е п е т а т ь—заговорить.

В о р (выходил Ивашка вор поваренкой) — в смысле мошенник, плут.

В о с пы л а т ь (на тот на славный столынный Киев-град воспыпал собака ли царь Кáлина)—распалиться страстью.

В т о п и т ь очи (лсны очюшки втопил да й во кирпичный пол)—уставить.

В ы з д и н у т ь (а тебя Илью Муромца не выздыну)—поднять.

Г а р м у з и н и й, г а р м о в и н и й (сукна гармузинные)—кармавинный, ярко-алого цвета, от кармазин—тонкое, ярко-алое сукно.

Г о р а в (а гораз ведь я стрелять)—искусен.

Г р é б о в а т ь (если мной ты да не гребеешь)—гнушаться.

Г р ý д о ч к а (положи-тка грядочки орлёныи, а повесь-ка клетки волоченыи) — перекладина для вешания одежды и др. вещей.

Д о с ю л е ж н и й—досюльный, прежний, давний

Д у р о д н и й (дуродний молодец) — дородный, статный, видный.

Е с т в у ш к а, ё с т в у ш к и—яства.

Ж е л ў х а (бились молодцы не желухою)—жалуха, жалость: не желухою—без жалости.

З а б б е г а (на той на тихоей въ береги)—часть воды на реке, озере, море, которая закрыта узкой полосой берега от остального водного пространства.

З а т р и с ь е (на том зелёном на ватрясьи а там плавали ведь две лебедушки), вместо затресье—часть воды, покрытая тростью, тростником.

З а т у л и т ь с я (на честном пиру приумолкнули да и затулиси)—попрятаться.

З а с т а в а (застава богатырская; есть три заставы там три великия)—сторожевой пост: преграды на пути.

З а с т о л ь е—место за столом.

З а с т о я т ь с я (рука в плече да и вастоялася)—задержать-ся, остановиться.

З л о д о г   д л и в ы й (ста и паляница разудалая а весьма была злодогадлива)—находчивый, изобретательный на худое, на зло

З о б а т ь (коны зоблют пшеницу)—есть что-нибудь мелкое, рассыпающееся.

К и й в е р—военный головной убор из твердой кожи с прямой тульей и плоским верхом.

К о с я с ч а т ы й (коснсчано окошечко)—с косынками.

К р я к б в и с т ы й, к р я к и б в и с т ы й, (дуб кряковистый)—кряжистый.

М е д в и й с ы й (птица медвяные)—медовый или сладкий, вкусный, подобный меду.

М у р   в л е н ы й (печка муравленая)—покрытый глазурью.

М у р ж а м   ц ы й (копье муржамецкое) вместо мурзамецкий—от слова «мураз»—татарский, восточный.

Н а п е р е л   ч (он поехал наперелуч)—наперерев.

Н е в р е д и м ы й (цапенька невредимая)—неопасный, безвредный.

Н е у м   л   н ы е речи—неумильные, невежливые, неприятные.

О б б   я т ь (добрые люди не оббаяли)—оговорить, осмеять.

О б о д р   к у ш   к а (жил...в ободрокушки да и одинакий сын)—исга, от дроочить—нежить.

О б у м   т   с   н (а пускай-ка Дунай там обумеется)—надоумиться, образумиться.

О б   г   л   и т   с   я (да ведь пьяница-дурак да не обгалился)—насмешиться над кем-либо.

О к б   л   и н   е с камееки, — окольные, идущие вокруг столов.

О п а   л   я я одеялда—в смысле дорожная или военная. Вообще же—плохая, одеваемая попавшими в опалу, в немилость.

О р д   (коей зеши, коей орды?)—страна, народ.

О р л   и й с ы й (грядочки орлекие)—граненый.

О т к ў л ё ш н ы й (ты откулешный дородный добрый молодец?)—прилагательное от откуль, откуда.

О х у ч а т с я (он по вастолю да й охуается) — прятаться.

П а б е д ь е (да й проездил молодец с утра й до пабедья) — время около пабеда, еды до обеда.

П а л и ц а — боевая дубина с утолщением на конце.

Паляннца, поляница — богатырь, богатырка.

П а р о б о к , п а р у б о к — слуга.

П л ё в н и ц а , вместо племница — племянница.

П о в е т ё р ь и ц е (а вавело тут легкое поветёрыце) — попутный ветер.

П о в ъ з д ы н у т ь — см. выздынуть.

П о д к о л е н н ы й (князя подколенные) — подвластный, младший, от колено — семья, род.

П о л б н — плен.

П о л б о н ы (а пошли все полоны россейские) — находящиеся в плену.

П о л б о т н о (он раздёрнул тут полотно белое) — шатер.

П б м о ч ь — помочь.

П о м у щ а т с я (во очах у ней свет да помущается) — мутиться.

П о м ё л у ш к о , вместо помелышко — помело, пук мочал или хвойнику для обметания печи перед посадкой хлеба.

П о р ў ч е н к и , п о р ў ч е н ь к и — поручни, перила.

П о ч ё с т н ы й п и р — почетный.

П р е д в и д е т ь (ничего ведь мы от князя не предвидели) — видеть, получать.

П р и о б г а л и т с я — см. обгалиться.

П р о г р ў з н у т ь (я прогрязну в первы ямы-подкопы глубокии) — обрушиться, провалиться.

П р о з а к л а д а т ь (прозакладал буйную головушку) — проиграть, побившись об заклад.

П я т а двери (на пяту ты дверь да й поразмахивай) — нижний шип.

Р а з д ё р н у т ь шатер — расставить.

Р а з м а х н ў т ь очи — быстро и широко открыть.

Р а з р ў в ч а т ы й лук — сильно упругий, тугой.

Р а с п л а с т а т ь грудь — вспороть.

Р е м ё н ч а т стул — складной на ремнях.

Р о ч ё н н ы й (третья строчка рочёна скатным жемчугом) — строченый.

С д ў н у т ь (а сдынул он паляницу выше головы) — поднять.

С е м ё ш к а (выходил... от своей любимой семеюшки) — наименование кого-либо из супругов в отношении другого.

С к а т и н н ы й жемчуг — крупный, круглый, ровный, точно скатанный.

С в а р ў д н ы й (снарядная одежица) — нарядный.

С о р о ч и н с к и е горы — сарацинские.

С т а в и т с я (он не старится, да й лучше ставится) — становиться.

С т о п а — чарка, кружка, большою частью без ручки.

- С т о л ь н и ч а т ь — быть в должности стольника, т. е. смотреть за книжеским столом.
- С т о л а я к о н ю ш и я — со стойлами, былинный эпитет конюнин.
- С т о л ы й м е д — старый, выдержаный.
- С т р а н а (он ударил Ивашка й по другой стране) — вместе сторона.
- С т у п к о н и н и й — след от копыта коня.
- С у п р о т и в и ц а (а вы не знаете ли братцы, супротивники?) — в смысле супруги (супротивник — противник, равный по силе или другому свойству).
- Сыть (ах ты волчья сыть) — корм, еда.
- Т ў л е ч к а (а от меньшей тулечки ответа нет) — тот, кто тулится, прячется.
- У ж а х а т ь с я (ужахается сердечко молодецкое) — ужасаться.
- У к р и т а т ь (не укрятаешь плеча могучего) — укротить.
- У ч о с т в о в а т ь (не участвовал ты молодцев приедути) — участвовать, почтить.
- Х р у с ч а т ы й — кружчатый, с узорами в виде переплетающихся кругов.
- Х у д о ж е с т в о (ты не хвастай-ко ты своим художеством) в смысле имущество, ср. худоба, худобина.
- Ц а п е н ы и а (выхвати цапеныку не малую), вместо цапинка — царапина, ссадина, от цапать.
- Ч а ш и ч а т ь — исполнять должность чашника, придворного виночерпия.
- Ч е р в л ё н и й — красный, эпитет корабля.
- Ч е р к а л ь с к и й (седельышко черкальское) — черкасский, черкесский.
- Ч ё р н е т -народ — вместо чернядь, чернь, простолюдины.
- Ш а л ы г а (шалыга подорожная) — род кистея, ременная плеть с тяжелым привеском на конце.
- Ш е л ь м — шлем.
- Щ ё г о ч к а (у коля) — место над копытом.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ (в текстах)

Алеша, Олеша, Олеша Попович, Олошенька Григорьевич, Олешенька 65, 98.

Березово, село, 101, 118.

Ботьян Ботианов, король литовский, 118.

Василий Кавимиров, Васильюшка 78—83.

Василий Окульевич, Василий прекрасный царь 106—109, 111—114.

Васильюшка заморский, Василий паробок заморский 78—79, 82, 83

Владимир, князь стольне-киевский, 40—45, 48, 49, 51, 53—57
64—66, 70, 71, 75—81, 83, 84, 87—92, 95—96, 98—100, 102—104,
115, 118; Владимира дочь 40, 44.

Волын-город 87, 90.

Вольга Святославович, Вольга 115, 116.

Галичия 87, 90.

Гурцовец, город, 115.

Добрыношка Минитинец, Мекитинец, Минитич, Добрыня.
Добрыношка 57, 64—74, 89, 117, 118; Добрыни матушка 67,
68, 72, 117.

Дунай, Дунаюшка, тихий Дунаюшка Иванович, Иванов. 77—86,
100.

Дунай-река 86.

Дюк Степанович, молодой боярин, 87—100; Дюка родная матушика,
Дюковая матушка 87, 88, 92, 93, 98.

Забава Путятична, Забавушка Путятишна, Забава 64—67, 70, 71.
Змей Горыниш, Змейница Горынища, Змейнище Горынище 65,
68—70.

Иванка поровареной 107—111, 114.

Илья Муромец, старый козак, Илья, Илья Муромец сын Иванович 40, 43—63, 97, 98, 116—118; Ильи Муромца дочь 59, 62.
Индеюнка 87, 90—93, 98.

Калин-парь, Калина 41—43, 45, 50, 51, 54.
Карочирово, село, 116.

Киев, Киев-град, столыгей Киев-град 40—45, 48, 51, 53—55,
64, 70—73, 75, 82—84, 87—92, 94, 96, 97, 99, 100, 102—104,
116—118.

Крестьяновец, город, 115.
Кряков, город, 101, 118.

Литва хоробрая 62, 66, 76—79, 117.

Маринка, Марына, Марынка 72—74, 117.
Маринкина улица 73.

Микула 115.

Михайло Потык сын Иванович 66.
Муромль, город, 116.

Настасьи Митриевишины, две красных девушки, 102.

Настасьина река 86.

Настасья Васильевна, мать Дюка, 93, 99.

Настасья королевична, Настасья королевишина, Настасья по-
ляница 76, 82—86.

Опраксия королевишина, Опраксия, Опраксия 43, 45, 57, 76,
79—84.

Орда, темна Орда 54.

Ореховец, город, 115.

Петрой Петрович, Петрый Петрович, королевский сын, 101,
104, 119.

Пучай-река 65, 70, 96—97.

Рогатица, уличка, 101, 118.

Русь-матушка, святая Русь 62, 81, 83, 87—89, 93, 94 102—104

Самсон Самойлович, Сампсон Самойлович 47—49, 52—53.

Святослав 115.

Соловей-разбойник 116.

Соломан-царь 107—114.

Соломания, царица 107—114.

Сpermеч сын Иванович, Сpermён сын Иванович 76, 77, 95, 118.

Сорочинские горы, Сарачинские 64—68, 70.

Федор Иванов, пан поганый, 102.

Чернигов-град 102, 117.

Чурилушка Пленкович, Шурилушка Плёнкович, Шурилушка,
Щурила, Щурыла 90, 92, 94—98.

Шведская земля 66.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От редактора	5
А. М. Астахова. И. Г. Рябинин-Андреев и прионежская эпическая традиция.	10
В. Н. Всеводский-Гернгресс. За- пись былин от И. Г. Рябинина в 1921 году . .	36

Б ы л и н ы

1. Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром [Илья и Калин-царь]	40 126
2. Ссора князя Владимира	55 127
3. [Илья Муромец и дочь его]	59 128
4. Второй бой Добрыни Минитинца со Змеем Горы- нищем	64 129
5. Добрыня и Марына	72 130
6. Женитьба князя Владимира	75 132
7. Боярин Дюк Степанович	87 133
8. Королевичи из Крякова.	101 134
9. Василий Окульевич	106 136

П р и л о ж е н и е

1. Вольга и Микула.	115 137
2. Илья Муромец и Соловей-разбойник	116 138
3. Илья Муромец на заставе	117 138
4. Первый бой Добрыни со Змеем	117 138
5. Добрыня и Маринка	117 138
6. Добрыня в отъезде	118 139
7. Королевичи из Крякова.	118 139
8. Худая жена, жена умная	119 139
Былинные напевы И. Г. Рябинина-Андреева	120
Примечания	125
Указатель сокращений	140
Словарь местных и старинных слов	142
Указатель имен и географических названий	146

1 Первая колонка цифр обозначает страницу текста, вторая — примечания,

О п е ч а т к и

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
95	23 снизу	Затурена	Заутрена
111	11 сверху	Пристианъ	Пристанъ
125	14 снизу	Периодически	Сporадически
127	17 снизу	№№ 2,33 отличается	№№ 2,33; № 2 отличается
143	15 сверху	Зедержаться	Задержаться